

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 30
№ 3(94) июль – сентябрь 2024 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 30**

No. 3(94) july – september 2024

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- В. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- С. К. Буряков**, кандидат политических наук (Омск, Россия)
- В. В. Векленко**, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
- В. В. Николюк**, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
- А. Е. Чечётин**, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- О. В. Арёфьева** — *ответственный секретарь*
(Омск, Россия)
- А. А. Аубакирова**, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
- В. В. Бабурин**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- М. В. Бавсун**, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
- О. И. Бекетов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- В. А. Болдырев**, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
- М. А. Бучакова**, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
- К. В. Вишневецкий**, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
- Ю. В. Герасименко**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- В. В. Головкин**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- Т. Е. Грязнова**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
- В. А. Гусев**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- А. С. Дежнёв**, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
- Л. В. Денисова**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)

- М. С. Десятов**, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
- О. А. Дизер**, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
- М. А. Кожевина**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- В. И. Красиков**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
- В. И. Кудашов**, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
- К. Ляковская**, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
- В. Ф. Луговик**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- Я. М. Мазунин**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
- Н. И. Мартишина**, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
- Т. С. Масловская**, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
- М. А. Михайлов**, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
- А. А. Нечепуренко**, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора
(Омск, Россия)
- Д. В. Попов**, доктор философских наук, доцент (Омск, Россия)
- Ю. Е. Пудовочкин**, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
- Л. А. Пупышева**, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
- Д. С. Рудьман**, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
- Г. Ч. Синченко**, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
- А. А. Турышев**, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
- В. В. Хилюта**, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
- В. В. Чешев**, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
- Ф. Р. Шарифзода**, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арёфьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 30.09.2024. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,5. Усл. печ. л. 13,0. Заказ № 227.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2024

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor (Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
Desyatov M. S., Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)

- O. A. Diser**, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Philosophy, Associate Professor
(Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupysheva, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

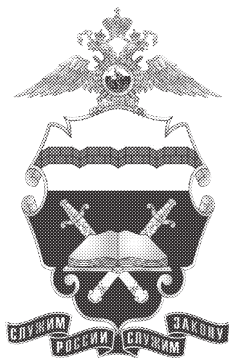
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 30.09.2024. Circulation 100 items. Published sheets 12,5. Printed sheets 13,0. Order No. 227.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

№ 3 (94) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2024

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	Counteracting Delinquent Behaviour
Николюк В. В. Эволюция процессуального статуса следователя (по мотивам научного наследия профессора А. П. Гуляева)	189 Nikoljuk V. V. Evolution of the Procedural Status of the Investigator (based on the Scientific Heritage of Professor A. P. Gulyaev)
Ситникова А. И., Назаренко Г. В. Предварительныйговор группы лиц при совершении кражи, грабежа и разбоя	195 Sitnikova A. I., Nazarenko G. V. Preliminary Conspiracy of a Group of Persons for Committing Theft, Robbery or Assault with intent to Rob
Николаев К. Д., Тихонов И. Н. Защита интересов Российской Федерации как обстоятельство, исключающее преступность деяния	202 Nikolaev K. D., Tikhonov I. N. Protection of Interests of the Russian Federation as the Circumstance excluding Criminal Character of an Act
Харламова А. А. Уголовная ответственность за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181 УК РФ): проблемы толкования и правоприменения	208 Kharlamova A. A. Criminal Liability for Violation of Rules of Manufacturing and Use of State Assay Marks (Article 181 of the Criminal Code of the Russian Federation): Problems of Interpretation and Law Enforcement
Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Пределы компетенции полиции по разрешению заявлений о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения	216 Kalnitsky V. V., Larin E. G. Limits of Police Remit to Handle Reports about Crimes under Private Prosecution
Химеденова Д. Н. Инновационные технологии как важнейший инструмент предупреждения преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания без изоляции от общества	224 Khimedenova D. N. Innovative Technologies as an essential Tool for Prevention of Crimes committed by Convicts serving Sentence without Isolation from Society
Щукин В. И., Журбенко А. М. Преступления, совершенные на железнодорожном транспорте, как объект криминалистического исследования	230 Shchukin V. I., Zhurbenko A. M. Crimes committed on the Railway Transport as the Object of Forensic Study
Фарахiev Д. М., Фарахиева Г. Р. Особенности выявления и документирования фактов хищений бюджетных денежных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства	235 Farakhiev D. M., Farakhieva G. R. Peculiarities of Revealing and Documenting cases of Embezzlement of Budgetary Funds allocated for Agricultural Development
Право и государство	Law and State
Коробельникова Ю. Л. Система обеспечения безопасности в городах (на примере Королевства Испания)	241 Korabelnikova Yu. L. System of Providing Security in the Cities (exemplified by the Kingdom of Spain)
Позднякова Е. В. Субъекты управления в сфере обеспечения безопасности государства и защиты жизненных ценностей граждан	247 Pozdnyakova E. V. Subjects of Administration in Providing Security of the State and Protection of Citizens' Life Values
Турьшев А. А. Информационная природа состава преступления	252 Turyshev A. A. Informational Nature of Corpus Delicti
Медведева В. В. Опыт регламентации составных преступлений в странах ближнего зарубежья	257 Medvedeva V. V. Experience in the Regulation of Complex Crimes in the Near abroad Countries
Победкин А. В. Основания для избрания меры пресечения: реабилитация доказывания	264 Pobedkin A. V. Grounds for Selecting a Preventive Measure: Rehabilitation of Proof
Козловский П. В. Обращение с вещественными доказательствами: правовые позиции Конституционного Суда РФ	272 Kozlovsky P. V. Handling Physical Evidence: Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	Philosophical Toolkit
Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: устанавливая пределы	278 Popov D. V. Digital Panopticon: Establishing the Boundaries
Сальников Е. В., Чупахин И. Ю., Сальникова И. Н. Научный подход в системе обеспечения безопасности дорожного движения	289 Salnikov E. V., Chupakhin I. Yu., Salnikova I. N. Scientific Approach in the Road Traffic Safety System
Информация для авторов	295 Information for Authors

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-189-194

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Эволюция процессуального статуса следователя (по мотивам научного наследия профессора А. П. Гуляева)

Вячеслав Владимирович Николюк

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник¹, ✉ nvv56@mail.ru

¹ ВНИИ МВД России (Москва, Россия)

Автор анализирует разработанную в 1980–1988 гг. профессором А. П. Гуляевым универсальную для общей теории права и ряда конкретных правовых отраслей, включая уголовно-процессуальное право, методологию исследования оптимальности правового регулирования деятельности участников уголовного судопроизводства, осуществляющих производство по уголовному делу (на примере следователя), отмечает ее современную значимость. Дана общая характеристика выделенным А. П. Гуляевым признакам оптимальности права: социальная полезность права; рациональность правовых форм и средств достижения целей; соответствие избранных правовых средств наиболее успешному достижению целей; объективная обусловленность правообразования. Подробно рассмотрен авторский подход к трактовке содержания и видов процессуальных функций, указывается на первичность функций участников процесса по отношению к его процессуальному положению. Выделена позиция А. П. Гуляева по отношению к концепции трех процессуальных функций, считавшего закономерным явлением совмещение у следователя функций обвинения, защиты и разрешение дела. Во второй части статьи осуществлен критический анализ монографий, посвященных месту и роли следователя в современном уголовном процессе. Сделан вывод, что только на основе преемственности научных исследований и взаимодействия научных школ дальнейшие исследования феномена «следователь в уголовном процессе» будет иметь перспективы.

Ключевые слова: следователь, функции, принципы, задачи, полномочия следователя, закон, научные труды

Для цитирования: Николюк В. В. Эволюция процессуального статуса следователя (по мотивам научного наследия профессора А. П. Гуляева) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 189–194.

Evolution of the Procedural Status of the Investigator (based on the Scientific Heritage of Professor A. P. Gulyaev)

Vyacheslav V. Nikolyuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher¹, ✉ nvv56@mail.ru

¹ All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The author analyzes the methodology developed in 1980–1988 by Professor A. P. Gulyaev, universal for the general theory of law and a number of specific legal branches, including criminal procedural law and methodology used to study the optimized legal regulation of the activities of participants of criminal justice who carry out criminal case proceedings (on the example of the investigator), and stresses its modern significance. The general characteristics of the features of optimality of law, specified by A. P. Gulyaev, is given: social utility of law; rationality of legal forms and means of achieving goals; correspondence of the chosen legal means to the most successful achievement of goals; objective dependency of law formation. The author's approach to the interpretation of the content and types of procedural functions is considered in detail, the primacy of the functions of participants of the process in relation to their procedural position is pointed out. With regard to the concept of three procedural functions the article presents the opinion of A. P. Gulyaev who considered it a natural

phenomenon that the investigator combines the functions of prosecution, defence and case resolution. The second part of the article contains a critical analysis of the monographs devoted to the place and role of the investigator in the modern criminal proceedings. It is concluded that only on the basis of continuity of scientific research and interaction of scientific schools further research of the phenomenon of 'investigator in criminal proceedings' will be prospective.

Keywords: investigator, functions, principles, tasks, investigator's powers, law, scientific works

Citation: Nikoluyuk V. V. Evolution of the Procedural Status of the Investigator (based on the Scientific Heritage of Professor A. P. Gulyaev). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 189–194 (In Russ.).

Изданная более 40 лет назад монография А. П. Гуляева «Следователь в уголовном процессе» [1] и докторская диссертация по этой же проблематике [2], успешно им защищенная в 1988 г. в Академии МВД СССР, послужили теоретическим фундаментом для обоснования оригинальной теории деятельности следователя в уголовном процессе и методики исследования оптимальности ее правового регулирования¹. За это время существенно изменились социальный, экономический, политический, научно-технический и правовой образ государства и общества. Проведена и продолжается судебно-правовая реформа, серьезно задевшая не только судебную деятельность, но и досудебное производство. В связи с этим чрезвычайно актуально предугадывание смены парадигм уголовного процесса для смягчения негативных и недопущения разрушительных последствий дифференциации форм уголовного судопроизводства в сторону их упрощения, резкого сближения уголовного процесса и ОРД, введения с подачи Верховного Суда РФ как субъекта законодательной инициативы квазипрогрессивных и квазиэффективных межотраслевых правовых институтов в виде судебного штрафа и уголовного проступка (удивительно, что последний до сих пор не получил законодательного оформления).

Одной из центральных процессуальных фигур в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования является следователь, без которого немислимо какое-либо движение и тем более направление в суд для разрешения по существу уголовных дел о преступлениях. Поэтому разностороннее изучение проблем, имеющих у следователя, начиная с повышения престижа и авторитета данной профессии и заканчивая мерами обеспечения четкого регулирования полномочий следователя,

сочетающегося с рациональными формами проведения процессуальных и следственных действий, должны составлять стратегическую линию в деятельности правительственных и законодательных органов по поддержке следственного аппарата независимо от его ведомственной принадлежности. Социально-политическая роль и место следователя в системе государственных органов, противостоящих преступности, его процессуальные функции, принципы или общие условия их деятельности, взаимодействие с органами дознания, новеллы уголовно-процессуального доказывания, оптимизация форм расследования в зависимости от категории преступления, освобождение от анахронизмов и процессуальных догм в конструкциях институтов привлечения лица в качестве обвиняемого, составления обвинительного заключения, ознакомления участников процесса с материалами уголовного дела, обжалования решений и действий следователя, пределы процессуальной самостоятельности следователя, аргументировано позволяющие действовать ему единолично, не согласовывая свои действия с ведомственным руководством, прокурором и судом — вот примерный перечень исследовательских направлений, в которых принимал участие профессор А. П. Гуляев. Указанные сегменты досудебного уголовного судопроизводства рассматривались и в других научных произведениях незаурядного юриста [4; 5; 6], однако квинтэссенцией его научного творчества являются, без сомнения, указанные ранее монография и докторская диссертация. Основные положения научной платформы «Следователь в уголовном процессе», разработанной А. П. Гуляевым (1980–1988 гг.), выражались в применении методологии, предполагающей широкий качественный анализ всего правообразования (подотрасли)², посредством

¹ В 1980 г. опубликована брошюра В. В. Найденова «Советский следователь» [3]. В ней автор рассматривает процессуальное положение следователя, его профессиональные качества, взаимоотношения с прокурором и органами дознания. Брошюра, как назвал ее сам автор, представляло практическое пособие и не была адресована научным работникам, в связи с чем в статье мы не обращались к ее содержанию.

² В плане постановки вопроса о восприятии правообразования, регулирующего деятельность следователя как подотрасли уголовно-процессуального права, А. П. Гуляев опередил время. В последней четверти предыдущего столетия, как и в текущий момент, стройной теории данного вопроса не разработано в отличие от доктрины уголовно-процессуальных институтов. В литературе представлено несколько самостоятельных теоретических позиций, на платформе которых с различной степенью аргументированности обсуждаются проблемы образования подотраслей уголовно-процессуального права [7].

которого регулируется деятельность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с акцентом на следователя, и выработкой собственных методик определения оптимальности правового регулирования деятельности следователя, включающих системный подход к исследованию совокупности норм, регламентирующих деятельность следователя, выбранные признаки оптимальности права (например, обусловленность объективными потребностями и закономерностями развития регулируемой сферы общественных отношений или социальная полезность права; рациональность правовых форм и средств достижения целей или экономичность; соответствие избранных правовых средств наиболее успешному достижению целей или надежность средств). Коренным признаком, показателем оптимальности права А. П. Гуляев считал объективную обусловленность правообразования.

Важное методологическое значение имеет авторский подход к выделению среди многих схожих норм цели конкретной правовой нормы. Подчеркивается, что цель правовой нормы не может быть выведена из нее непосредственно. Нормы рассматриваемой подотрасли, отмечает А. П. Гуляев, тесно связаны между собой, со всей системой норм, в которую они входят, и для идентификации цели необходимо каждый раз отталкиваться от более общих целей. Есть особенности в характеристике многоцелевых норм, у которых есть главное назначение, прямая цель.

Таким образом, значительная часть диссертации (первая ее часть) посвящена разработке концепции оптимальности права, признаков (критериев) его оптимальности, методов исследования качества правовых образований. Указанная методология носит универсальный характер и может быть применена общей теорией права, иными отраслями права [2].

Вторая часть докторской диссертации А. П. Гуляева объединяет исследуемые конкретные актуальные проблемы регламентации в законе деятельности следователя, среди которых выделяются по глубине теоретической разработки категории: процессуальные функции следователя; средства их осуществления; принципы деятельности следователя.

В основе авторского подхода к трактовке содержания и видов процессуальных функций находится тезис о первичности функций участников процесса по отношению к его процессуальному положению. Именно они непосредственно определяют правовое положение участника процесса. Отмечая положительные и негативные стороны концепции трех процессуальных функций, считая закономерным явлением совмещение у следователя функций

обвинения и защиты, а в известных пределах и разрешения дела, А. П. Гуляев был сторонником мнения о реализации следователем восьми процессуальных функций [1, с. 20–23].

Завершая краткий анализ ключевых позиций А. П. Гуляева в части методологии исследования феномена «следователь в уголовном процессе» и направлений совершенствования правового регулирования деятельности следователя, нельзя не сказать и о существенном вкладе ученого в разрешение многих других острых вопросов, связанных с фигурой следователя как участника уголовного процесса (правовые гарантии законности деятельности следователей, обеспечение его процессуальной самостоятельности, быстроты предварительного следствия и др.).

Высказанные А. П. Гуляевым суждения о возможности обеспечения процессуальной самостоятельности следователя лишь при условии сочетания правовых и организационных мер созвучны с современными адекватными представлениями ученых-процессуалистов по вопросу о процессуальной самостоятельности следователя [8].

Безусловно, выход в 1981 г. монографии А. П. Гуляева «Следователь в уголовном процессе», защита им в 1988 г. докторской диссертации по теме «Совершенствование правового регулирования деятельности следователей», опубликование нескольких десятков интересных и порой откровенно смелых статей по данной проблематике означали, что в теории уголовного процесса обосновано оригинальное научное направление, разработана теория, которая выходит далеко за границы частной теории в науке уголовного процесса. Данное учение, как показала последующая нормотворческая практика и соответствующие научные исследования, ощутимо повлияло и продолжает оказывать влияние на нормативное регулирование и организацию досудебного уголовного судопроизводства. В статусе члена рабочих групп по подготовке законопроектов, в том числе проекта УПК РФ, А. П. Гуляев открыто и честно противостоял «иностранным процессуальной интервенции», сильно переживал по поводу того, что российский уголовный процесс может скатиться до своего рода нормативной уголовно-процессуальной франшизы³.

Многие теоретические представления о функциях и принципах деятельности следователя преобразовались в доктринальные проектные нормы, часть из которых воспринята законодателем. На долгие годы им уготованы внимание правоприменителя и фактическое участие в регламентации общественных отношений, движимых юридическими актами следователя.

³ На опасность типизации уголовно-процессуального регулирования, подчинения его «межгосударственным стандартам» правильно указывает Л. В. Головкин [9, с. 157–158].

Далее автором статьи проведен анализ более поздних научных работ, выполненных по этой же проблематике. Цель такого анализа — проследить преемственность научных исследований, взаимосвязь научных школ, логику развития теорий и концепций. Относительно отечественной доктрины процессуальных функций следователя и принципов его деятельности надлежит признать, что концептуальные положения соответствующих, более ранних работ о следователе как знаковой фигуре в уголовном процессе оказываются недостаточно востребованными. Это негативно сказывается на качестве современных научных исследований в указанном сегменте уголовного процесса, многие из которых дублируют имеющиеся, подпадают под выражение «изобрести велосипед» в его значении «зачем пытаться сделать то, что уже известно и неплохо».

Анализируя под этим углом зрения содержание изданной в 2014 г. монографии В. М. Быкова [10], название которой почти полностью повторило название произведения А. П. Гуляева, а также монографии (2022 г.) и докторской диссертации (2023 г.) О. А. Чабукиани, посвященных теории следственной деятельности [11; 12], т. е. теоретических разработок, которые наиболее близки к рассматриваемой проблематике, считаю целесообразным отметить следующее.

Временной разрыв между анализируемыми работами велик, исследования проблем деятельности следователя В. М. Быковым, О. А. Чабукиани выполнены в период действия уже УПК РФ, после учреждения Следственного комитета РФ, введения ряда уголовно-процессуальных институтов, скорректировавших привычный и действовавший длительное время формат досудебного уголовного судопроизводства.

Однако в основном процессуальное положение следователя не изменилось. Фундаментальные положения, определяющие главные направления и общие условия (принципы) деятельности следователя, процессуальные средства выполнения поставленных перед ним задач по самым строгим меркам принципиально не пересмотрены, да и вряд ли это можно было осуществить, не отступив от базовых доминант поддерживаемой законодателем модели построения российского уголовного процесса. Поэтому проведение параллелей между «следователем советским» и «следователем российским» допустимо, а когда речь идет о доктрине, теории «следователь в уголовном процессе», и вовсе необходимо.

В монографии В. М. Быкова рассмотрен комплекс вопросов, касающихся реализации следователем большинства предоставленных ему законом полномочий применительно к стадиям возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Автором сделан акцент на рассмотрении правового положения следователя, которые он характеризует через права и обязанности последнего, хотя закон (ст. 38 УПК РФ) говорит о его полномочиях. Подробно изучены также новеллы УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, что было своевременно и придавало работе «нормативную свежесть».

По ходу изложения материала В. М. Быков делает многочисленные предложения по изменению и дополнению УПК РФ, которые даются автору с завидной легкостью, иногда без убедительной аргументации (например, передача судом прокурору полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ; отказ от следователя-криминалиста как участника уголовного процесса) либо ограничиваясь ссылкой на позиции других ученых (например, предложение о создании единого следственного органа). Из 24 пунктов заключения, представляющих, по сути, конкретное самостоятельное предложение *de lege ferenda*, трудно выделить положения, по которым в теории уголовного процесса отсутствовали бы соответствующие доктринальные позиции. Поддержка любой из них есть свободный выбор ученого. Однако если такое единение не сопровождается иллюстрацией причин, побудивших ученого стать сторонником уже существующей точки зрения, то мотивы подобного шага не воспринимаются серьезно. Несуразность подобных ситуаций отчетливо видна, когда научная полемика ведется по фундаментальным проблемам теории и практики уголовного судопроизводства. Например, с момента введения УПК РФ в действие на страницах юридической печати периодически появляются «вспышки» по поводу целесообразности сохранения в уголовном процессе предварительного судебного контроля, имеющего конституционно-правовые основы. Принятие радикального решения о передаче прокурору судебных полномочий, прописанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, может быть только политическим, основанным на достоверных результатах репрезентативных исследований (многолетнего мониторинга). Такое решение может состояться после внесения поправок в Конституцию РФ. Поэтому высказанное В. М. Быковым в монографии [10, с. 64] «полное согласие» с точкой зрения А. С. Каретникова и К. А. Арзамасцевой о необходимости отказаться от судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ, которые также не называют веских причин для осуществления предлагаемого ими законодательного маневра, относится к чисто популистским [13].

Можно показать еще немало достоинств и спорных авторских суждений в целом полезной в научном и образовательном аспектах работы В. М. Быкова о следователе. Но представляется более важным обратить внимание на проявленное им безразличие

к позиции А. П. Гуляева по принципиальному, центральному вопросу, ставшему предметом исследования обоих ученых, проведенных в разное время, — вопросу о процессуальных функциях следователя.

Напомним, что в основе подхода А. П. Гуляева к трактовке содержания и видов процессуальных функций лежит тезис о первичности функций участников процесса по отношению к их процессуальному положению. Отмечая позитивные и негативные стороны концепции трех процессуальных функций, считая закономерным явлением совмещение у следователя функций обвинения и защиты, а в известных пределах и разрешение дела, А. П. Гуляев все таки настаивает на реализации следователем восьми процессуальных функций.

О важности и месте в теории уголовно-процессуальных функций следователя говорит и тот факт, что А. П. Гуляев выделил под них в структуре монографии отдельную первую главу «Процессуальные функции следователя» [1, с. 8–32], которая в общем объеме анализируемого произведения составляет 12,6%. В монографии В. М. Быкова процессуальным функциям следователя отведен только один параграф [10, с. 11–25], удельный вес которого в общем объеме работы не превысил даже 5%. В связи с изложенным стало очевидным, что теория процессуальных функций следователя, которые и определяют объем его полномочий, к началу 80-х гг. прошлого столетия оказались теоретически наиболее разработанными в трудах А. П. Гуляева. К сожалению, она не была удостоена внимания В. М. Быкова, хотя активно обсуждается в юридической литературе. К сожалению, подобное отношение исследователей к более ранним научным разработкам, которые часто оказываются более глубокими, аргументированными и интересными, не редкость.

В целях привлечения внимания к проблеме обеспечения научной преемственности, лежащей в плоскости научной этики, и оставаясь в рамках изучения проблематики, связанной с научным наследием А. П. Гуляева, полагаю целесообразным провести научный анализ основных положений монографии и докторской диссертации О. А. Чабукиани, пополнивших в 2022–2023 г. научный фонд уголовного процесса. Постараемся сориентировать исследователей, которым еще предстоит ознакомиться с данными источниками, на далеко небесспорные содержащиеся в них выводы и предложения.

Обе работы направлены на выявление функций и принципов деятельности следователя, раскрытие их содержания, определение тенденций совершенствования следственной деятельности, ее правового регулирования, обоснование направления развития теории следственной деятельности. Формулируя данные цели и анонсируя ожидаемые результаты

исследования, автор берет на себя ответственность пересмотреть базовые научные платформы, длительное время служащие *огнем маяка* для: теоретиков, подчинивших свои научные интересы фигуре следователя в отечественном уголовном процессе; практиков, нуждающихся в рекомендациях по применению уголовно-процессуальных норм, раскрывающих статус следователя; законодателя, не стремящегося устранить множество лагун в нормативном отражении феномена «следователь в уголовном процессе». Это смело для исследователя, позиционирующего себя как создателя частной теории уголовного процесса — теории следственной деятельности. Однако предмет указанной теории в описании О. А. Чабукиани явно выходит за пределы частного научного вопроса. Отсюда закономерны сомнения: как в рамках частной теории уживаются и не вступают в противоречия разного уровня доктринальные категории, часть из которых, по сути, являются основными началами уголовного судопроизводства или подотраслью уголовно-процессуального права. Такие общие категории «играют на всем поле» уголовного процесса и в силу этого объективно не могут удерживаться рамками локальных, имеющих свою «нишу» теорий.

Далее попытаемся разобраться с «теорией следственной деятельности» как частной теорией уголовно-процессуального права. Здесь возникает ассоциация с ранее изданными монографиями, к которым мы уже обращались как к доктринальным источникам, показывающим феномен «следователь в уголовном процессе» во всем его многообразии. Размышляя над названием темы диссертации и монографии, подготовленных О. А. Чабукиани, опираясь на конкретные авторские положения, раскрывающие содержание «теории следственной деятельности», вынужден констатировать: с помощью применения исследовательской методологии, как представляется, ученой не удалось обосновать самостоятельность следственной деятельности по отношению к самостоятельности деятельности следователя. Несмотря на неоднократное подчеркивание, что деятельность следователя и следственная деятельность — разные понятия и их отождествление является ошибкой (на этом, собственно, и держится теория следственной деятельности), автор не следует строго этой установке и активно пользуется выражением «деятельность следователя» или «уголовно-процессуальная деятельность следователя». Развитие теории «следственной деятельности» автору видится во многих ситуациях с совершенствованием деятельности следователя. Так в чем же тогда идея концепции следственной деятельности, ее оригинальность, относительная автономность, если она полностью связана с деятельностью следователя?

Становится ясным, что различия между приведенными терминами символические, а само сравнение некорректно. В качестве сравниваемых выступают, «деятельность следователя» и «следственная деятельность». Первый термин давно введен в научный и служебный оборот, к нему привыкли практические работники и хорошо представляют его смысл.

Термин «следственная деятельность» не воспринят законом. К нему редко обращаются научные и практические работники. Он не имеет собственного содержания, которое наполняется различными случайными элементами.

Например, автор пытается ввести в научный оборот процессуальную фигуру «субъект юридической обязанности доказывания по формированию доказательств при осуществлении уголовного судопроизводства». Кто же скрывается за этой многословной формулировкой? Ответ не заставляет себя ждать: в отечественном законодательстве, утверждает О. А. Чабукиани, это следователь и судья [12, с. 12]. Если их вернуть на свои исконные места, то частная теория следственной деятельности полностью растворяется в доктрине «следователь в уголовном процессе», становление и развитие которой обязано научным трудам многих советских

и российских ученых, и в первую очередь профессора А. П. Гуляева.

Сказанное подтверждается и результатами анализа функций теории следственной деятельности или процессуальных функций следователя, которые первоначально подаются как самостоятельные, а в итоге, вопреки логике авторского замысла, используются как понятия тождественные. В работах О. А. Чабукиани, как это можно судить по их содержанию, известная и поддерживаемая большинством ученых позиция А. П. Гуляева в части понятия процессуальных функций следователя и их значения для определения процессуального положения следователя не рассматривается, что ставит под сомнение новаторство и конструктивность выводов ученой по указанным вопросам.

В заключение отметим, что дальнейшие исследования феномена «следователь в уголовном процессе» имеют перспективы при условии, что ученые будут придерживаться хорошо отработанных и проверенных на практике понятий, терминов, дефиниций, которым не свойственна правовая неопределенность, не отвлекаясь на искусственно придуманные второстепенные вопросы, строго соблюдая правило преемственности научных исследований.

Список источников

1. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981.
2. Гуляев А. П. Совершенствование правового регулирования деятельности следователя : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.
3. Найденов В. В. Советский следователь М., 1980. 112 с.
4. Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976.
5. Гуляев А. П. Функции следователя. М., 1981.
6. Гуляев А. П. Дознание по делам, по которым обязательно производство предварительного следствия // Дознание в советском уголовном процессе. М., 1986.
7. Николюк В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова / пред. редкол. А. В. Павлов. Омск, 2024.
8. Кальницкий В. В. Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя // Законодательство и практика. 2023.
9. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022.
10. Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014.
11. Чабукиани О. А. Теория следственной деятельности: генезис и перспективы развития : монография. СПб., 2022.
12. Чабукиани О. А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2023.
13. Каретников А. С., Арзамасова К. А. Разрешение суда на производство следственных действий // Законность. 2011. № 2.

УДК 343.7

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-195-201

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Предварительный сговор группы лиц при совершении кражи, грабежа и разбоя

Александра Ивановна Ситникова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права¹, ✉ orcrimpravo@yandex.ru

Геннадий Васильевич Назаренко

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права¹, ✉ nazarenkogen@gmail.com

¹ Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Об актуальности выбранной темы свидетельствуют трудности квалификации хищений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору. Предмет исследования: уголовно-правовые предписания об ответственности соучастников за совершение кражи, грабежа и разбоя в составе группы лиц по предварительному сговору, а также доктринальные положения, лежащие в основе предписаний, регламентирующих привлечение лиц к уголовной ответственности за совершение хищений групповым способом. В связи с этим цель данной работы — выявление влияния темпорального критерия при оказании содействия исполнителю другими соучастниками на дифференциацию хищений, совершенных группой лиц по предварительному сговору без распределения ролей (соисполнительство), от хищений в составе группы лиц по предварительному сговору с распределением ролей. В качестве методологической основы исследования использован диалектический подход в совокупности с инструментальными методами познания. Научная новизна работы заключается в признании темпорального фактора важным критерием отграничения соисполнительства в виде группы лиц без распределения ролей от группы лиц с распределением ролей. Основные результаты исследования: 1) анализ судебной практики и рассмотрение различных научных подходов показывают, что важным признаком объективной стороны хищений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, является время совершения преступления соучастниками, выполняющими различные роли в процессе хищения чужого имущества; 2) временной фактор является критерием отграничения соисполнительства от группы лиц по предварительному сговору, где наряду с исполнителем в преступлении участвуют другие соучастники в качестве организатора, подстрекателя или пособника. Заключение: для отграничения соисполнительства от хищения в составе группы лиц по предварительному сговору необходимо учитывать временной фактор участия лиц в совершении группового хищения с распределением ролей.

Ключевые слова: хищение, группа лиц, предварительный сговор, соисполнительство, соучастники

Для цитирования: Ситникова А. И., Назаренко Г. В. Предварительный сговор группы лиц при совершении кражи, грабежа и разбоя // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 195–201.

Preliminary Conspiracy of a Group of Persons for Committing Theft, Robbery or Assault with intent to Rob

Alexandra I. Sitnikova

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal Law¹, ✉ orcrimpravo@yandex.ru

Gennady V. Nazarenko

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Law¹, ✉ nazarenkogen@gmail.com

¹ South-West State University (Kursk, Russia)

The difficulties of qualification of thefts committed in a group of persons by prior conspiracy substantiate the relevance of the chosen topic. The subject of the study involves prescriptions concerning the responsibility of accomplices for committing theft, robbery and assault with intent to rob in a group of persons by prior conspiracy according to criminal law, as well as doctrinal provisions underlying the prescriptions regulating the process of bringing persons to criminal responsibility for the commission of theft in a group. In this regard, the purpose of this paper is to identify the influence of the temporal criterion of assistance to the perpetrator by other accomplices on the differentiation of theft committed in a group of persons by prior conspiracy without distribution of roles (co-perpetration) from theft committed in a group of persons by prior conspiracy with distribution of roles. The dialectical approach in combination with instrumental methods of cognition was used as a methodological basis of the study.

The scientific novelty of the work lies in the recognition of the temporal factor as an important criterion for distinguishing co-perpetration in the form of a group of persons without role distribution from a group of persons with role distribution. The main results of the study are

as follows: 1) analysis of judicial practice and consideration of various scientific approaches show that the important feature of the objective side of theft committed by a group of persons by prior conspiracy is the time of committing the crime by accomplices who perform different roles in the process of stealing other people's property; 2) the time factor is a criterion for distinguishing co-perpetration from a group of persons by prior conspiracy, where, along with the perpetrator, other accomplices take part in the crime as an organizer, instigator and abettor. Conclusion: to distinguish co-perpetration from theft in a group of persons by prior conspiracy, it is necessary to take into account the time factor of participation of persons in the commission of group theft with the distribution of roles.

Keywords: theft, a group of persons, by prior conspiracy, co-perpetration, accomplices

Citation: Sitnikova A. I., Nazarenko G. V. Preliminary Conspiracy of a Group of Persons for Committing Theft, Robbery or Assault with intent to Rob. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 195–201 (In Russ.).

Об актуальности обозначенной темы свидетельствует ряд факторов: 1) в правоприменительной практике имеют место трудности при уголовно-правовой оценке хищений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору; 2) разные подходы правоприменителей к квалификации преступных посягательств на чужое имущество обусловлены наличием двух видов группы лиц по предварительному сговору: без распределения ролей между участниками группы и с распределением ролей между соучастниками группы. Цель исследования — выявление критерия, позволяющего дифференцировать составы хищений, совершенных группой лиц по предварительному сговору без распределения ролей (соисполнительство), от хищений в составе группы лиц по предварительному сговору с распределением ролей. Задача проведенного исследования заключается в установлении влияния на квалификацию групповых форм хищения темпорального критерия при оказании содействия исполнителю (до, во время и после совершения деяния) другими соучастниками.

Уголовный закон предусматривает ответственность за совершение кражи, грабежа, разбоя и других форм хищения в составе группы по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 162 УК РФ) в виде квалифицированных составов преступлений. Юридическим основанием признания группового способа хищений в качестве отягчающего признака является совместность совершенных деяний и предварительная договоренность участников группы о сложении незаконных действий, направленных на достижение единого преступного результата [1, с. 103–104; 2, с. 134].

Квалифицирующий признак различных форм хищения «группа лиц по предварительному сговору» содержит два объективных показателя: количественный и качественный, которые закреплены в ч. 2 ст. 35 УК РФ [3, с. 125]. Количественный показатель, характеризующий группу лиц по предварительному сговору, свидетельствует об одновременном совершении

хищения по меньшей мере двумя лицами. Однако количественный показатель групповых форм соучастия имеет законодательно-текстологический недостаток в формулировках понятий соучастия (ст. 32 УК РФ), поскольку в соответствующее предписание не включены общие признаки субъектов (определенный возраст и вменяемость). В связи с этим отсутствие в законодательной формулировке соучастия надлежащего указания на обязательные признаки субъектов соучастия привело к научной дискуссии о принадлежности лиц, не подлежащих уголовной ответственности, к групповым формам соучастия.

В частности, комментаторы к Уголовному кодексу РФ отмечают, что при разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору, для квалификации по ч. 2 ст. 162 УК РФ не имеет значения наличие среди соучастников малолетних или других лиц, которые не могут быть привлечены к уголовной ответственности [4, с. 348; 5, с. 297]. Другая группа ученых (их большинство) придерживается мнения, что участники группы лиц по предварительному сговору должны обладать признаками, необходимыми и достаточными для признания их исполнителями [6, с. 569]. Сторонником такого подхода является Г. А. Безверхов, автор главы 21 научно-практического комментария к Уголовному кодексу РФ, который полагает, что в группу по предварительному сговору входят лица, которые «характеризуются признаками субъекта соответствующего преступления» [7, с. 678]. При разработке правил квалификации действий виновного, совершившего хищение посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, высшая судебная инстанция приняла за основу точку зрения большинства криминалистов. В разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (п. 12) (далее — постановление № 29) такое лицо признается непосредственным исполнителем преступления и его действия квалифицируются по чч. 1 ст. ст. 158, 161 и 162 УК РФ¹.

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На наш взгляд, можно согласиться с мнением комментаторов уголовного закона, которые признают малолетних и невменяемых участниками группы лиц по предварительному сговору, совершающими насильственные преступления против личности и собственности, в том числе во время осуществления насильственного грабежа или разбойного нападения. В ранней научной публикации Г. В. Назаренко указал, что «сложным в судебной практике и дискуссионным в науке является квалификация таких групповых эксцессов, как изнасилование, разбой, хулиганство, участниками которых наряду с вменяемыми субъектами участвуют малолетние и невменяемые лица» [8, с. 96]. Автор справедливо отметил, что для подтверждения позиции о наличии группы, в составе которой действуют невменяемые и малолетние, лицо, имеющее признаки субъекта преступления, не обладает специальными знаниями, чтобы определить психическое расстройство и (или) возраст лиц, действующих вместе с ним. К тому же только суд может признать лицо невменяемым и принять во внимание задокументированный возраст. Это означает, что преступное деяние исполнителя, который действовал совместно с лицами, не имеющими признаков субъекта, по содержанию его умысла надлежит квалифицировать как преступление, совершенное групповым способом. При этом важное значение имеет характер совершенных действий ненадлежащими субъектами, а также время оказания этими лицами содействия исполнителю, совершившему насильственное преступление против собственности.

В соответствии с законом (ч. 2 ст. 35 УК РФ) качественный показатель квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» включает две уголовно-правовые характеристики: предварительный сговор на совершение преступления и совместность действий соучастников ради достижения преступного результата. Это означает, что для признания хищения совершенным в составе группы лиц по предварительному сговору правоприменитель обязан выявить: 1) наличие предварительной договоренности до начала совершения хищения чужого имущества; 2) осуществление договоренности о распределении ролей между членами группы; 3) характер реализованных действий исполнителем и другими соучастниками; 4) достижение соглашения о совместности совершения преступных действий.

Совместность совершения посягательства групповым способом предполагает наличие кумулятивного, т. е. накопительного, характера действий лиц, действующих сообща. О совместности групповых преступных действий свидетельствуют три фак-

тора: совершение взаимосогласованных действий участниками посягательства; стремление достичь общего преступного результата; существование причинной связи между совершенными действиями и достигнутым результатом преступной деятельности [9, с. 52]. Объективная сторона хищений может выполняться за счет совместных действий как несколькими исполнителями одновременно, так и в процессе оказания реальной помощи исполнителю другими соучастниками во время совершения преступления [10, с. 234].

Тем не менее в судебной практике встречаются случаи вменения в вину квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» без учета совместности действий виновных лиц, заранее договорившихся о совершении посягательства. Так, по приговору суда первой инстанции Ч. признан виновным в совершении кражи группой лиц по предварительному сговору. Из материалов приговора следует, что Ч. и В. решили совершить кражу денег в автобусе. С этим намерением они сели в автобус с разных площадок. В., находясь на задней площадке, вытащил из сумки потерпевшей кошелек с деньгами. Об этом В. жестом дал знать Ч. Они вышли из автобуса и поделили деньги. В приговоре суд изложил выполнение объективной стороны кражи только в виде действий В. Другие доказательства, свидетельствующие о совершении Ч. действий, способствовавших совершению В. кражи, в приговоре отсутствуют. Президиум Верховного Суда Чувашской Республики справедливо переqualificировал действия Ч. с п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ст. 175 УК РФ, предусматривающую ответственность за заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем².

Предварительный сговор возможен в виде соглашения между соучастниками задолго до исполнения преступного посягательства, непосредственно перед началом совершения преступных действий, а также при замене неудачной попытки хищения в одиночку на совершение посягательства групповым способом с предварительным сговором. При этом время между достигнутой договоренностью и началом выполнения объективной стороны посягательства уголовно-правового значения не имеет [11, с. 123; 12, с. 32]. Также на квалификацию группового хищения не влияет форма предварительной договоренности, которая может быть устной, письменной либо конклюдентной, т. е. выраженной мимикой, жестами, кивками и т. п. [13, с. 76; 14, с. 173].

Отсутствие предварительной договоренности между участниками группы о совершении преступ-

² Постановление Президиума Верховного Суда Чувашской Республики от 4 мая 2001 г. URL: <https://sudrf.cntd.ru/dokument/901820842> (дата обращения: 15.11.2023).

ного посягательства исключает применение квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору». Примером необоснованной квалификации действий лиц по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, совместно совершивших грабеж при отсутствии между ними предварительного сговора, являются материалы уголовного дела, рассмотренного районным судом г. Москвы. Из материалов дела видно, что П. и С. вывели из поликлиники А. на улицу, где, осмотрев его карманы, открыто изъяли у него ключницу, куртку и деньги. К месту совершения грабежа подошел знакомый потерпевшего Ю. и пытался пресечь ограбление. Однако П., угрожая, снял с его руки перстень и отобрал деньги. После чего П. и С. с места происшествия скрылись. В ходе предварительного следствия и в судебном заседании не установлены доказательства того, что П. и С. заранее договорились о совершении грабежа. В связи с этим Президиум Московского городского суда приговор изменил, переквалифицировал действия П. и С. с п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ³.

Об отсутствии предварительного сговора между участниками группы свидетельствует присоединяющаяся деятельность другого лица во время начала совершения хищения либо в процессе его совершения. На это прямо указано в п. 11 постановления № 29: если лицо, «не состоявшее в сговоре, в ходе совершения преступления другими лицами приняло участие в его совершении, такое лицо должно нести уголовную ответственность лишь за конкретные действия, совершенные им лично».

При групповом совершении хищения возможен эксцесс одного из участников группы лиц по предварительному сговору. Если один из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора и применил к потерпевшему опасное насилие в целях завладения его имуществом, то действия этого соисполнителя и других лиц надлежит квалифицировать с учетом предписаний ст. 36 УК РФ. Так, по материалам уголовного дела, рассмотренного Военной коллегией Верховного Суда РФ, установлено, что М. и Ш. предварительно договорились тайно похитить имущество К. Однако М. вышел за пределы состоявшегося сговора и применил опасное для жизни потерпевшего насилие. Ш. об этом известно не было, в применении насилия он не участвовал и не видел происшедшего. В приговоре Московского окружного военного суда оба были признаны виновными в разбое с проникновением в жилище. Однако Президиум Верховного Суда РФ с учетом

обстоятельств дела справедливо переквалифицировал действия Ш. на кражу с незаконным проникновением в жилище⁴.

Состав группы по предварительному сговору возможен в двух видах: с распределением ролей между соучастниками и без распределения ролей между ними. Соисполнительство имеет место в том случае, если изъятие имущества осуществляет один соучастник, а другие лица совершают согласованные действия и оказывают непосредственную помощь исполнителю во время совершения им преступления [15, с. 155]. В этом случае их содействие надлежит квалифицировать по признаку группы лиц по предварительному сговору без ссылки на ст. 33 УК РФ. Если действия других соучастников хищения заключаются в содействии его совершению без оказания реальной помощи исполнителю во время совершения преступления, то содеянное требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 33 УК РФ.

При достижении договоренности о распределении ролей между участниками группы содеянное подлежит уголовно-правовой оценке как соисполнительство [16, с. 152–153] с применением квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору», если одно лицо в соответствии с распределением ролей совершило хищение, а другой участник предпринимал действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю. Об этом свидетельствуют примеры из судебной практики. Так, Г. и М. вступили в сговор о совершении разбойного нападения на предпринимателя А. При этом они договорились, что М., вооруженный пистолетом, нападет на А. и отберет у него деньги, а Г. будет наблюдать за обстановкой и в случае появления посторонних лиц предупредит об этом М. Увидев, что потерпевший А. вышел на улицу, М. выстрелил ему в спину, после чего завладел деньгами потерпевшего. Похищенные деньги Е. и М. поделили между собой. Действия Г. обоснованно квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соисполнительство⁵.

Приведем еще один пример, когда ответственность за хищение, совершенное группой лиц по предварительному сговору в форме соисполнительства, наступает и в том случае, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Так, по роду работы С. познакомился с литейщиком Б. С., имея долг перед Б., встретил

³ Постановление Президиума Московского городского суда от 30 августа 2001 г. UR: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 1-0102/2002 по делу Мацко и Ширяева // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2002 г. URL: <https://ппвс.рф> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ №641П06 по делу Гарифулина и Матренина // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2007 г. URL: <https://www.vsrff.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

своего знакомого Т. и сообщил ему, что у литейщика в мастерской имеется в сейфе крупная сумма денег и предложил завладеть ими. В ходе подготовки к преступлению С. сообщил о графике работы литейщика и описал обстановку в мастерской. Согласно договоренности Т. должен был оглушить потерпевшего до потери сознания и забрать деньги, а в обязанности С. входило наблюдение за окружающей обстановкой и обеспечение безопасности. Заранее согласованные с Т. действия С., направленные на совершение разбоя, связанные с оказанием помощи непосредственному исполнителю разбоя, справедливо оценены судом как соучастие в разбойном нападении в составе группы лиц по предварительному сговору⁶.

В группе лиц по предварительному сговору могут принимать участие организатор, подстрекатель и (или) пособник. Если указанные соучастники не являются соисполнителями, а их действия не входят в объективную сторону хищения, то их действия подлежат квалификации с учетом соответствующего пункта ст. 33 УК РФ. В соответствии с постановлением № 29 при наличии одного исполнителя и другого лица, являющегося организатором, подстрекателем или пособником, их действия не могут быть квалифицированы как совершенные группой лиц по предварительному сговору. Следовательно, уголовно-правовая оценка действий соучастников, непосредственно не оказывающих реального содействия исполнителю во время совершения им хищения, должна отражать характер совершенных ими действий.

Примером дифференциации уголовной ответственности исполнителя и других соучастников, непосредственно не участвовавших в совершении хищения, являются материалы уголовного дела. Судом установлено, что М. предложила Г. совершить разбойное нападение на потерпевшую в целях завладения ее имуществом. Г. согласился и нанес потерпевшей множество ударов, от которых потерпевшая скончалась. Завладев имуществом, Г. и М. скрылись. Суд первой инстанции квалифицировал действия Г. и М. с учетом квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору». Президиум Верховного Суда РФ признал, что исполнителем разбоя был Г., а М. являлась подстрекателем и не оказывала реальной помощи Г. во время совершения разбоя. В связи с этим действия осужденных не могут быть признаны совершенными в составе группы лиц по предварительному сговору. Действия Г. надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 162 УК РФ, М. — по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 162 УК РФ⁷.

Оценивая судебное решение Президиума Верховного Суда РФ, необходимо отметить, что в соответствии с постановлением № 29 содеянное виновным Г. надлежит квалифицировать по совокупности преступлений с учетом характера действий и наступивших последствий по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку Г. вышел за рамки заранее обговоренной цели завладения имуществом и нанес потерпевшей смертельные ранения. Подстрекательские действия М. следует квалифицировать в соответствии с предварительной договоренностью (исполнитель и подстрекатель) совершить разбойное нападение на потерпевшую с целью завладения ее имуществом — по ч. 4 ст. 33 и ч. 1 ст. 162 УК РФ, так как имел место предварительный сговор с распределением ролей.

Обращает на себя внимание, что позиция Верховного Суда РФ, принимающего акты precedentного толкования норм УК РФ, в ряде случаев расходится с законодательной интенцией, закрепленной в уголовно-правовых предписаниях, касающихся соучастия в преступлении.

Законодатель в ст. 35 УК РФ выделяет группу лиц, действовавших без предварительного сговора (ч. 1) и группу лиц, действовавших по предварительному сговору (ч. 2). Причем в группе лиц без предварительного сговора фигурируют два или более исполнителя, а в группе лиц с предварительным сговором указаны «лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления». Почему же во второй дефиниции не указаны исполнители? Ответ на этот вопрос далеко не прост: законодатель под лицами, заранее договорившимися о совместном совершении преступления в группе по предварительному сговору, имеет в виду лиц, которые распределили между собой роли, т. е. речь в ч. 2 ст. 35 УК РФ идет об организаторе, подстрекателе и пособнике, которые согласно ч. 1 ст. 33 УК РФ наряду с исполнителем признаются соучастниками преступления.

В отличие от законодателя, Верховный Суд РФ занимает иную позицию. В пункте 8 постановления № 29 суд использует ограничительное толкование и приходит к выводу, что содеянное исполнителем преступления не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору, если подстрекатель, организатор или пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества. В обоснование своей позиции указанный Пленум ссылается на ч. 3 ст. 34 УК РФ, которая содержит правила квалификации действий организатора, подстрекателя и пособника

⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 389П 04 по делу С. // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2004 г. URL: <https://vsrf.ru.dokuments/practica/15057> (дата обращения: 21.10.2023).

⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 618П06 по делу Гагаева и Митиненко // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 2007 г. URL: <https://ппвс.рф> (дата обращения: 24.10.2023).

со ссылкой на ст. 33 УК РФ, за исключением тех случаев, когда они являлись исполнителями.

Попытаемся разобраться, что привело Пленум к некорректному выводу об отсутствии группы лиц, совершивших хищение по предварительному сговору, несмотря на наличие в группе, наряду с исполнителем, других соучастников. Во-первых, пункт 8 постановления № 29 вместо термина «совместное совершение», который обозначен в дефиниции группы лиц по предварительному сговору применительно к совершенному преступлению, использовал указание на непосредственное участие организатора, подстрекателя либо пособника в совершении преступления в качестве исполнителя как условие квалификации содеянного группой лиц по предварительному сговору. Во-вторых, участники указанного Пленума оставили без внимания формулу соучастия, которая дана в ст. 32 УК РФ, где «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» признается соучастием в преступлении, а «совместное совершение преступления» заранее договорившихся лиц признается совершением преступления группой лиц по предварительному сговору без каких-либо ограничений (ч. 2 ст. 35 УК РФ). В-третьих, правила квалификации действий организатора, подстрекателя и пособника, сформулированные в ч. 3 ст. 34 УК РФ, не являются доказательством того, что группа лиц по предварительному сговору отсутствует, если хищение совершено исполнителем совместно с другими соучастниками, которые участвовали в преступлении, не будучи исполнителями.

На наш взгляд, Пленум Верховного Суда в очередной раз создал правоприменительную фикцию, в силу которой несколько физических лиц, в том числе организатор, подстрекатель, пособник, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления с исполнителем, участвуют в хищении чужого имущества, но тем не менее суд отрицает наличие группы лиц по предварительному сговору, принимая во внимание законодательную дефиницию понятия «группа лиц», наличие в которой двух и более исполнителей не предполагает предварительного сговора о распределении ролей (ч. 1 ст. 35 УК РФ). При этом Пленум упускает из виду, что в трактуемом им предписании (ч. 2 ст. 35 УК РФ) речь идет о качественно иной группе, в которой участвуют лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления с распределением ролей, поскольку наряду с исполнителем в хищении участвуют другие лица (организатор, подстрекатель и (или) пособник). Отметим, что законодатель в данном предписании вместо термина «исполнители» использует термин «лица», имея в виду возможных соучастников группового преступления с распределением ролей.

Очевидно, что законодательная интенция норм о соучастии в преступлении не поддается выявлению путем использования традиционных способов толкования, так как апробированные способы, хотя и дают возможность рассмотреть системные связи уголовно-правовых норм, но оставляют за рамками рассмотрения глубинный (концептуальный) уровень уголовно-правовых норм, что вынуждает толкователя использовать правоприменительные фикции, порождающие неточную квалификацию преступлений. В связи с этим обращает на себя внимание, что в п. 8 постановления соучастники преступления обозначены как альтернативно единичные фигуры (организатор, подстрекатель или пособник), в то время как в законе (ч. 1 ст. 33 УК РФ) дан перечень возможных соучастников, в число которых включены исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Это означает, что группа лиц по предварительному сговору, наряду с исполнителем, может включать разное количество организаторов, подстрекателей и пособников. Пленум не случайно не указал полную квалификационную запись, а лишь ограничился ссылкой на ст. 33 УК РФ, поскольку в ином случае квалификационная фикция становится вполне очевидной.

В результате исследования практики применения квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» в составах кражи, грабежа и разбоя сформулированы следующие положения.

1. Пробел в законодательных формулах определения понятия соучастия можно устранить путем внесения уточнений в предписание ст. 32 УК РФ посредством указания надлежащих признаков субъекта, при наличии которых действующее лицо может быть признано участником группового способа совершения преступления. Формулу соучастия, на наш взгляд, следует представить в следующем виде: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления».

2. Временной фактор участия лиц в совершении группового хищения с распределением ролей имеет важнейшее значение для отграничения соисполнительства от хищения в составе группы лиц по предварительному сговору.

3. Соисполнительство имеет место в том случае, если исполнителю *во время совершения преступления* оказывает реальную помощь организатор, подстрекатель или пособник. Если организатор и подстрекатель оказывают воздействие на исполнителя *до совершения им преступления*, а пособник оказывает содействие *до или после совершения посягательства*, то их действия квалифицируются по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответствен-

ность за совершенное исполнителем преступление, со ссылкой на чч. 3, 4, 5 ст. 33 УК РФ.

Кроме того, предлагается новая трактовка ч. 2 ст. 35 УК РФ, где дана легальная дефиниция группы лиц, действующих по предварительному сговору, поскольку речь в данном предписании идет о качественно иной группе, в которой участвуют лица,

заранее договорившиеся о совместном совершении преступления с распределением ролей, в отличие от группы соисполнителей, действующих без предварительного сговора в силу того, что распределение ролей между исполнителями по определению не требуется в силу предписания, сформулированного в ч. 1 ст. 35 УК РФ.

Список источников

1. Назаренко Г. В. Квалификация особых случаев соучастия и невменяемость // Правоведение. 1995. №3.
2. Токшина Л. Р. Группа лиц по предварительному сговору: простейшая форма в видовой системе соучастия // Проблемы права. 2010. № 4(26).
3. Назаренко Г. В. Русское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2000.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /отв. ред. А. В. Наумов. М., 1999.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998.
6. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации (комментарий с путеводителем по судебной практике) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2021.
8. Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие. М., 2010.
9. Ситникова А. И. Институт соучастия: закон, теория, практика : монография. М., 2019.
10. Агапов П. В. О некоторых спорных вопросах квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. М., 2009.
11. Шатов С. А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012.
12. Звечаровский И. Совершение преступления в соучастии. Проблемы квалификации // Законность. 1999. №11.
13. Севрюков А. П. Хищение имущества: криминологический и уголовно-правовые аспекты. М., 2004.
14. Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986.
15. Назаренко Г. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 2008.
16. Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.

УДК 343.2

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-202-207

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Защита интересов Российской Федерации как обстоятельство, исключающее преступность деяния

Константин Дмитриевич Николаев

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права¹, ✉ knik@mail.ru

Илья Николаевич Тихонов

преподаватель кафедры огневой подготовки¹, ✉ petrovka488@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Трансформация общественных отношений влечет изменение правовых норм. Это справедливо и для уголовного права. В частности, это можно проследить на примере развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Если в УК РСФСР 1960 г. было закреплено два таких обстоятельства, то в УК РФ их уже шесть. В настоящее время происходят коренные перемены как на международной арене, так и в нашей стране. Законодательство должно своевременно реагировать на существующие реалии, учитывать складывающиеся новые общественные отношения. В связи с этим в целях избежания необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, защищающих интересы России, возникла острая необходимость расширить перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: общественная полезность, интересы страны, преступность деяния, законность, защита страны

Для цитирования: Николаев К. Д., Тихонов И. Н. Защита интересов Российской Федерации как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 202–207.

Protection of Interests of the Russian Federation as the Circumstance excluding Criminal Character of an Act

Konstantin D. Nikolaev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Criminal Law¹, ✉ knik@mail.ru

Ilya N. Tikhonov

lecturer at the chair of Firearms' Training¹, ✉ petrovka488@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Transformation of social relations entails changes in legal norms. Criminal law is no exception. In particular, it can be traced by the example of the development of the institute of circumstances excluding the criminality of an act. If the Criminal Code of the RSFSR of 1960 enshrined two such circumstances, the Criminal Code of the Russian Federation already includes six of them. At present, fundamental changes are taking place both in the international arena and in our country. Legislation should timely respond to the existing realities, take into account the new emerging social relations. In this regard, in order to avoid unjustified criminal prosecution of persons who protect interests of Russia, there is an urgent need to expand the list of circumstances excluding the criminal character of an act.

Keywords: social usefulness, interests of the country, criminal character of an act, legality, protection of the country

Citation: Nikolaev K. D., Tikhonov I. N. Protection of Interests of the Russian Federation as the Circumstance excluding Criminal Character of an Act. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 202–207 (In Russ.).

Преступность — социальное явление, которому можно успешно противодействовать, только объединив усилия государственных органов и населения. Противодействию преступности способствует институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, когда деяния, внешне сходные с преступлением, не являются таковыми в силу отсутствия общественной опасности, но наоборот, обладают общественной полезностью.

В УК РСФСР 1960 г. было закреплено два обстоятельства, исключающие преступность деяния: ст. 13 «Необходимая оборона» и ст. 14 «Крайняя необходимость». Развитие общественных отношений и государства в целом приводит к эволюции правовой системы, поскольку деятельность государства подчинена фундаментальным правовым принципам, направленным на защиту интересов человека, общества и самого государства как такового. Это,

в частности, проявляется в том, что в УК РФ 1996 г. содержится уже шесть обстоятельств, исключающих преступность деяния. Изменение общественных отношений вызвало изменения в законодательстве. В настоящее время с учетом меняющейся ситуации институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, получает импульс дальнейшего развития.

Так, за последнее время произошли изменения в территориальном устройстве нашей страны. В состав Российской Федерации были включены Донецкая¹ и Луганская² народные республики, Запорожская³ и Херсонская⁴ области. Эти изменения повлекли распространение действия на территории новых субъектов законодательства Российской Федерации. Действие норм УК РФ на территории новых субъектов определяется территориальным принципом, принципом гражданства, а также реальным и универсальным принципами. Данные принципы нашли отражение в ст. ст. 9, 12 УК РФ, которые регламентируют действие уголовного закона в пространстве и во времени.

Проблемы реализации законодательства на территории Донецкой и Луганской народных республик существовали с тех пор, как они объявили о своей независимости в 2014 г. Эти вопросы рассматривались различными учеными [1, с. 187; 2, с. 10]. С принятием в Российскую Федерацию новых субъектов возникла проблема уголовно-правовой оценки деяний, совершенных в период с 2014 г. на этих территориях.

Для решения этого вопроса был принят Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области»⁵, направленный на приведение законодательства новых субъектов в соответствие с законодательством, действующим на территории Российской Федерации: уголовное судопроизводство должно осуществляться по правилам, установленным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а преступность и наказуемость деяний и их иные уголовно-правовые последствия определяются в со-

ответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. С одной стороны, действие УК и УПК РФ на территории новых субъектов распространяется автоматически, но с другой стороны, названный закон, несомненно, заслуживает определенного внимания.

Помимо общих правил действия уголовного и уголовно-процессуального законодательства на новых территориях, закон содержит положение, представляющее особый интерес. В части 2 ст. 2 названного Федерального закона указано: «Не является преступным и наказуемым деяние, ответственность за совершение которого установлена нормативными правовыми актами Украины, если оно содержит признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, но было направлено на защиту интересов Российской Федерации, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики либо охраняемых законом интересов граждан или организаций Российской Федерации, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, населения и организаций Запорожской области, Херсонской области». По смыслу данного положения, оно выступает в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. В то же время следует отметить, что такая формулировка указывает на то, что это «разовая акция», применима только к конкретной, обозначенной в рассматриваемом Федеральном законе ситуации. Полагаем, что, взяв за основу приведенную законодательную формулировку, следует расширить это положение таким образом, чтобы его действие распространялось и на другие соответствующие случаи.

Следует отметить, что приведенная законодательная формулировка отличается от «классических» обстоятельств, исключающих преступность деяния, закрепленных в УК РФ, где законодатель прямо указал, что эти деяния не являются преступлениями. Как же соотносить это положение с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, закрепленными в главе 8 УК РФ? Рассматриваемый Федеральный закон принят в установленном порядке и вступил в юридическую силу. Однако, несмотря на то что положение ч. 2 ст. 2 этого закона напрямую связано с гл. 8 УК РФ и регулирует уголовно-

¹ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики : федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики : федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ.

³ О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области : федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ.

⁴ О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области : федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ.

⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202307310011?index=1> (дата обращения: 28.01.2024).

правовые отношения, возникающие при защите интересов Российской Федерации, соответствующие изменения и дополнения в УК РФ не последовали. На основании ч. 1 ст. 3 УК РФ «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Из этой формулировки следует, что все деяния, признаваемые преступными, должны находить отражение в тексте уголовного закона. Уголовный кодекс содержит и нормы об иных уголовно-правовых последствиях, а также нормы, их исключающие (в частности, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния). Являясь основой построения норм Уголовного кодекса, принцип законности также служит гарантией соблюдения прав человека. Специфика данного принципа заключается не только в определении задач, стоящих перед отраслью уголовного права, и влиянии на содержание уголовно-правовых институтов, но и в том, что он служит фундаментом принципов уголовного права [3, с. 62].

Таким образом, идея, изложенная в ч. 2 ст. 2 рассматриваемого Федерального закона, положена нами в основу формулировки соответствующего обстоятельства, исключающего преступность деяния, которое следует закрепить в УК РФ. Из формулировки данной нормы вытекает, что совершенные деяния должны быть направлены на защиту интересов России, новых субъектов, а также охраняемых законом интересов граждан или организаций. Термин «интересы страны» достаточно объемный, и чтобы определить его границы, стоит обратиться к Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где в ст. 25 определены национальные интересы Российской Федерации на современном этапе с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в мире и в нашей стране: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; устойчивое развитие российской эко-

номики на новой технологической основе; охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений⁶. Это национальные интересы и выступают они в качестве интересов Российской Федерации как государства.

В целом разделяя и поддерживая изложенное в данном Федеральном законе основание освобождения от уголовной ответственности, считаем, что имеющаяся формулировка не совсем удачна, предполагает широкое понимание юридической природы рассматриваемого основания и в таком варианте не связывается с закрепленным в УК РФ институтом обстоятельств, исключающих преступность деяния. Безусловно, речь идет именно об обстоятельстве, исключающем преступность деяния. Действия лица, направленные на защиту интересов России, формально содержат признаки составов преступлений, закрепленных в УК РФ, но, учитывая цель совершаемых действий, являются не общественно опасными, а общественно полезными. При этом стоит отметить, что позитивное отношение закона к защите интересов России не может ограничиваться определенными субъектами, а должно распространяться на всю территорию страны, а также за ее пределы. В данном случае целесообразно сделать отсылку к уже действующим обстоятельствам, исключающим преступность деяния, как это было сделано ранее, например, в Положении о советской милиции, где было указано, что сотрудник милиции имеет право принимать решительные меры для защиты интересов Советского государства, общественных интересов, личности и прав граждан от посягательств преступных элементов, в том числе для пресечения активного сопротивления законной деятельности милиции со стороны этих элементов, в порядке, предусмотренном уставами и инструкциями по службе милиции в соответствии с законодательством о необходимой обороне⁷.

О каких ситуациях следует вести речь применительно к рассматриваемому новому обстоятельству, исключающему преступность деяния? В первую очередь это касается людей, которые не приняли антиконституционный кровавый переворот 2014 г. на Украине и не стали мириться с последовавшими за

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

⁷ Об утверждении Положения о советской милиции : постановление Совета Министров СССР от 17 августа 1962 г. № 901 (утратило силу с 1 июля 1973 г. на основании постановления Совмина СССР от 8 июня 1973 г. № 385) // Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел. Т. II. Ч. 2. М. 1972. С. 302–305.

ним трагическими событиями в Одессе, Мариуполе и других городах Украины, а с оружием в руках встали на защиту своих убеждений, земли, языка, семей, имущества. В ряде случаев происходило стихийное объединение в отряды, которые забирали оружие, на тот момент находящееся в распоряжении воинских частей, полиции и службы безопасности Украины. Причем люди, входившие в эти отряды, могли быть не только гражданами Украины, но и других государств, а также лицами без гражданства.

С точки зрения уголовно-правовой оценки соответствующих деяний, исходя из содержания норм действующего УК РФ, возникают определенные вопросы. В связи с этим требуется гармонизация рассматриваемого нового обстоятельства, исключая преступность деяния, с другими нормами УК РФ, так как к решению обозначенной проблемы следует подходить комплексно. Во-первых, данные лица не должны признаваться наемниками, и в этих целях необходимо примечание к ст. 359 УК РФ «Наемничество» изложить в следующей редакции: *«Наемником признается лицо, действующее в целях, противоречащих интересам Российской Федерации, для получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей».*

Следует отметить, что в ч. 2 ст. 208 УК РФ законодатель обозначил, что ответственность должна наступать не просто за участие в таком формировании, а за участие, если оно противоречит интересам Российской Федерации. В то же время действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ соответствующего признака не содержит. Необходимо устранить этот пробел и дополнить диспозицию ч. 1 ст. 208 УК РФ указанием на то, что перечисленные в ней деяния совершаются именно в «целях, противоречащих интересам Российской Федерации» [4, с. 16].

Кроме того, в ряде случаев могли возникнуть ситуации, когда в действиях лиц при определенных обстоятельствах могли формально содержаться признаки и иных составов преступлений. Например, ст. 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов», ст. 222¹ УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств», ст. 222² УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему», ст. 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство ору-

жия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и др.

Полагаем, что при определенных условиях такие деяния не должны признаваться преступными. Закрепление в УК РФ соответствующего обстоятельства, исключая преступность деяния, позволит в этих и им подобных случаях избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, отстаивающих интересы нашей страны.

Возникает вопрос о соотношении рассматриваемого нового обстоятельства, исключая преступность деяния, с соответствующими обстоятельствами, закрепленными в УК РФ в настоящее время. Формально причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, но деяния являются общественно полезными.

С этой точки зрения, в первую очередь, представляют интерес ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона», ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» и ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость». Действительно, в некоторых случаях можно применить нормы, регламентирующие названные обстоятельства, но ситуации в жизни могут быть настолько разнообразны, что не всегда можно констатировать наличие оснований и условий применения соответствующих норм, или, по крайней мере, отсутствие превышения законодательно установленных пределов. Так, при необходимой обороне одним из условий правомерности выступает наличность посягательства: «Посягательство уже началось и еще не закончилось либо имеется реальная угроза нападения, а равно случаи, когда момент окончания посягательства по сложившимся обстоятельствам для защищаемого лица не ясен» [5, с. 99]. Применительно к рассматриваемым нами ситуациям, как правило, нецелесообразно ждать начала нападения противника, а необходимо действовать на опережение и добиться успеха. В этих случаях положения о необходимой обороне применять крайне проблематично, поскольку не всегда четко просматриваются требования, относящиеся к посягательству.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключая преступность деяния, также не в полной мере может удовлетворять вызовам существующих реалий, так как ограничивает основание возникновения этого обстоятельства только совершением лицом преступления, а в качестве целей указывает доставку органам власти и пресечение возможности совершения этим лицом новых преступлений. Во-первых, не всегда сразу понятно, совершается ли представителями противоборствующей стороны именно преступление, а если совершается, то какое? Во-вторых, доставка в органы власти иногда про-

сто невозможно, так как сами эти органы власти могут находиться на стадии формирования, не иметь четкой централизованной структуры, закрепления определенных полномочий и т. д.

При крайней необходимости устраняемый вред должен быть больше причиняемого, при этом вред причиняется третьим лицам. В рассматриваемых ситуациях соблюсти требования о соотношении устраняемого и причиняемого вреда практически невозможно. Что касается причинения вреда третьим лицам, то это положение в ряде случаев может соблюдаться. Таким образом, крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее деяние, не может в полной мере применяться в анализируемых случаях.

Таким образом, закрепленные в настоящее время в УК РФ обстоятельства, исключающие преступность деяния, не могут во всем разнообразии проявления жизненных случаев гарантировать исключение необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, защищающих интересы России.

Что касается институтов освобождения от уголовной ответственности и от наказания, то они также не могут должным образом разрешить обозначенную нами проблему. Дело в том, что основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания, закрепленные в нормах УК РФ, носят нереабилитирующий характер, т. е. лицо после применения этих норм будет считаться нарушившим требования уголовного закона. Это, в частности, ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием», ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим», ст. 80¹ УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки» и т. д.

Не являются в данном случае панацеей и применения к некоторым нормам Особенной части УК РФ, освобождающие от уголовной ответственности за соответствующие преступления (например, примечание 1 к ст. 222 УК РФ), так как освобождение от уголовной ответственности в таких случаях происходит по нереабилитирующим основаниям, что совершенно не подходит к рассматриваемым нами ситуациям.

Как указывалось выше, деяния, содержащие признаки преступления, предусмотренного УК РФ, но направленные на защиту интересов России, могли совершаться не только на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, но и на территории других субъектов России, а также других государств. В корне изменилась сама обстановка (в мире, в стране, в обществе) как внешний системообразующий фактор права (в том числе и уголовного) [6, с. 120]. Именно поэтому рассматриваемое

обстоятельство, исключающее преступность деяния, следует распространять на деяния, совершенные не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами: аналогично территориальному, универсальному и реальному принципам действия уголовного закона. Указанные принципы действия УК РФ должны распространяться на данное обстоятельство, исключающее преступность деяния, как на составную часть уголовного закона.

В связи с этим, принимая во внимание внешнеполитическую обстановку и внутреннюю ситуацию в России, в целях избежания необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, защищавших и защищающих интересы нашей страны, предлагаем на законодательном уровне рассмотреть вопрос о закреплении в УК РФ нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, «Защита интересов Российской Федерации» и изложить его в следующей редакции: *«Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим для защиты интересов Российской Федерации, если в сложившихся условиях защитить эти интересы иными средствами не представляется возможным»*. Считаем, что приведенная формулировка является фундаментом, на основе которого можно в дальнейшем более подробно разработать законодательную регламентацию предложенного нами обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Подчеркнем, что исходя из предложенного нами варианта регламентации обстоятельства, исключающего преступность деяния, оно может распространяться не только на ситуации, связанные с вхождением в состав России новых субъектов или наличием вооруженного конфликта, но и на все иные соответствующие случаи, независимо от времени, места или складывающейся обстановки. Таким образом, предложенная формулировка позволит избежать необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, защищавших и защищающих интересы Российской Федерации. Содержание предлагаемого нами обстоятельства, исключающего преступность деяния, в случае его законодательного закрепления следует раскрыть в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. При этом органы предварительного расследования, дознания, а также суды будут руководствоваться положениями правовых норм, которые действуют на всей территории России, а также за ее пределами. Авторы не ставили целью разработать подробную правовую регламентацию соответствующих общественных отношений, а обратили внимание на необходимость скорейшего решения указанных правовых пробелов и коллизий путем внесения изменений и дополнений в УК РФ, предложив пути их решения.

Перспективы дальнейшей разработки темы видятся в исследовании проблем, связанных с возможным закреплением превышения пределов защиты интересов Российской Федерации. Полагаем, что в данном случае следует исходить из соотношения и значимости защищаемых интересов и соответствующих угроз, характера и степени посягательств.

Изложенное в предлагаемой нами формулировке обстоятельство, исключающее преступность деяния, имеет сходную с уже закрепленными в УК РФ обстоятельствами, исключающими преступность

деяния, юридическую природу. Наличие в УК РФ рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, в совокупности с предлагаемыми нами изменениями и дополнениями в нормы Особенной части УК РФ, поможет избежать в дальнейшем необоснованного привлечения к уголовной ответственности тех, кто с оружием в руках защищает интересы России. Это, наряду с другими мерами, позволит обеспечить суверенитет, независимость и увеличение благосостояния России и ее многонационального народа.

Список источников

1. *Кучерявых В. Э.* Вопросы территориальной юрисдикции действия уголовного закона на территории Донецкой Народной Республики // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 4. № 11-2.
2. *Бабурин С. Н.* Современный Донбасс в зоне системного кризиса международного права: конституционно-правовые и цивилизационные выводы // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : мат-лы IV междунар. науч. конф. Донецк, 2019. Т. 8.
3. *Малыгина М. А.* Принцип законности в системе принципов уголовного права // Юрист-Правоведъ. 2005. № 1.
4. *Николаев К. Д., Тихонов И. Н.* Необходимо принять федеральный закон о частных военных компаниях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 3.
5. *Бавсун М. В., Вишнякова Н. В., Карпов К. Н., Николаев К. Д.* Уголовное право России: Общая часть : учеб. пособие. Омск, 2022.
6. *Николаев К. Д.* Пространство, время, обстановка и способ как внешние системообразующие факторы уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 2(85).

УДК 343.37

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-208-215

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовная ответственность за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181 УК РФ): проблемы толкования и правоприменения

Алена Алексеевна Харламова

кандидат юридических наук, доцент,

✉ up-kafedra@mail.ru

(Краснотурьинск, Россия)

Статья посвящена проблемным вопросам уголовной ответственности за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм. На основе сформировавшихся в науке уголовного права теоретических положений, действующего и утратившего силу законодательства, а также сложившейся судебной практики представлена характеристика объективных и субъективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 181 Уголовного кодекса Российской Федерации. Определены проблемы регламентации, толкования и применения уголовно-правовой нормы. В частности, выявлено отсутствие правовой определенности в том, что именно считать «государственным пробирным клеймом» — сам прибор (станок) для клеймения или оттиск, получаемый при клеймении. При использовании первой трактовки для правоприменителя не очевидно, распространяет ли уголовный закон свое действие на совершение деяний в отношении законно и незаконно изготовленного пробирного клейма или только в отношении одного из них. Кроме того, автором установлено, что объем и содержание сформулированного законодателем уголовно-правового запрета не коррелирует с наименованием статьи. Так, значения словосочетаний «нарушение правил изготовления и использования» и «несанкционированное изготовление и использование» вряд ли можно считать тождественными, а деяния в виде сбыта и подделки не нашли отражения в названии. Да и сами деяния по-разному трактуются теоретиками и практиками. По итогам проведенного исследования предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства в целях исключения возможности неоднозначного толкования и формирования разных подходов в юридической оценке. Приводятся статистические данные, отражающие практику применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, государственные пробирные клейма, нарушение правил изготовления и использования, подделка государственного пробирного клейма, несанкционированный сбыт, преступления в сфере экономики

Для цитирования: Харламова А. А. Уголовная ответственность за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181 УК РФ): проблемы толкования и правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 208–215.

Criminal Liability for Violation of Rules of Manufacturing and Use of State Assay Marks (Article 181 of the Criminal Code of the Russian Federation): Problems of Interpretation and Law Enforcement

Alena A. Kharlamova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor,

✉ up-kafedra@mail.ru

(Krasnoturyinsk, Russia)

The article is devoted to the problematic issues of criminal liability for violation of rules of manufacturing and use of state assay marks. On the basis of the theoretical provisions formed in the science of criminal law, current and expired legislation, as well as the existing judicial practice, the author characterizes objective and subjective features of the elements of offences under Article 181 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of regulation, interpretation and application of the criminal-legal norm are identified. In particular, there is a lack of legal certainty as to what exactly to consider as a «state assay mark» – the device (machine) for stamping or the impression obtained by stamping. According to the first interpretation, it is not obvious to the law enforcer whether the criminal law extends to the commission of acts with respect to both lawfully and unlawfully manufactured assay mark

or only to one of them. In addition, it is found that the scope and content of the criminal law prohibition formulated by the legislator do not correlate with the name of the article. Thus, the meanings of the phrases «violation of the rules of manufacturing and use» and «unauthorized manufacturing and use» can hardly be considered identical, and the acts of sale and forgery are not reflected in the title. Moreover, the acts themselves are interpreted differently by theorists and practitioners. Based on the results of the study, the areas of improvement of criminal legislation are proposed in order to exclude the possibility of ambiguous interpretation and the formation of different approaches in legal assessment. Statistical data reflecting the practice of application are given.

Keywords: criminal liability, state assay marks, violation of rules of manufacturing and use, forgery of state assay mark, unauthorized sale, economic crimes

Citation: Kharlamova A. A. Criminal Liability for Violation of Rules of Manufacturing and Use of State Assay Marks (Article 181 of the Criminal Code of the Russian Federation): Problems of Interpretation and Law Enforcement. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 208–215 (In Russ.).

Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (далее — ФЗ № 41) определяет, что в Российской Федерации установлен государственный контроль (надзор) за производством, использованием и обращением драгоценных металлов, а также за добычей (в части сортировки, первичной классификации и первичной оценки драгоценных камней), использованием и обращением драгоценных камней, а также государственная монополия на опробование и клеймение государственным пробирным клеймом ювелирных и других изделий из драгоценных металлов¹. В том числе для обеспечения такого контроля в систему норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) включена ст. 181 УК РФ «Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клеймов», предусматривающая ответственность за несанкционированные изготовление, сбыт или использование, а равно подделку государственного пробирного клейма, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности.

Н. А. Лопашенко в своем масштабном труде, посвященном экономическим преступлениям, деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 181 УК РФ, относит к посягающим на общественные отношения, основанные на запрете заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности. По утверждению ученого, общественная опасность данного деяния заключается в нарушении установленной законом государственной монополии на опробование и клеймение изделий из драгоценных металлов. В результате противоправных действий могут быть затронуты не только права конечных потребителей, но и право изготовителей указанных изделий на добросовестную конкуренцию [1, с. 586].

Распространенность преступлений, предусмотренных ст. 181 УК РФ, нельзя назвать высокой. По данным исследователей [1, с. 567] и ГИАЦ МВД России,

за период с 1997 г. по 2022 г. количество ежегодно регистрируемых общественно опасных деяний колебалось в пределах от 14 до 99. Поэтому норма в большей степени реализует превентивную функцию и является своего рода сдерживающим фактором от противоправного поведения, ведь часто «уголовное право начинается там, где интересы общества требуют наказания, и если иным путем невозможно в обороте поддерживать верность и честность, то должно обратиться к наказанию» [2, с. 73].

С момента появления статьи ее редакция практически не изменилась, однако на сегодняшний день возникает достаточно много вопросов в процессе правоприменения. Попытаемся осветить некоторые из них, представив характеристику объективных и субъективных признаков соответствующего состава преступления и определив влияние этих признаков на квалификацию.

Полагаем, что правоотношения в сфере обращения драгоценных металлов являются разновидностью финансовых правоотношений [3, с. 51] и составляют основной непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. 181 УК РФ. Так как при исследовании объекта преступления в научной литературе принято определять еще и наличие или отсутствие предмета преступления, то стоит сказать, что в диспозиции анализируемой нормы упоминается государственное пробирное клеймо.

Согласно ФЗ № 41 государственное пробирное клеймо — знак установленного образца, который ставится федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по государственному контролю (надзору), на ювелирные и другие изделия из драгоценных металлов и удостоверяет их пробу, т. е. количество массовых долей химически чистого драгоценного металла на 1000 массовых долей сплава драгоценного металла. На сегодняшний день в Российской Федерации установлены следующие пробы: платиновые (950, 900, 850); золотые (999, 958, 750, 585, 583 (только для изготовления ювелирных изделий

¹ О драгоценных металлах и драгоценных камнях : федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по обращениям граждан), 500, 375); серебряные (999, 960, 925, 875, 830, 800); палладиевые (850 и 500)².

Государственные пробирные клейма, их элементы, а также технические характеристики элементов государственных пробирных клейм утверждаются Федеральной пробирной палатой³. К элементам государственных пробирных клейм относят формы и знаки государственных пробирных клейм, а также шифры территориальных органов Федеральной пробирной палаты и их структурных подразделений.

Государственное пробирное клеймо может быть основным (рис. 1) и дополнительным (рис. 2)⁴.

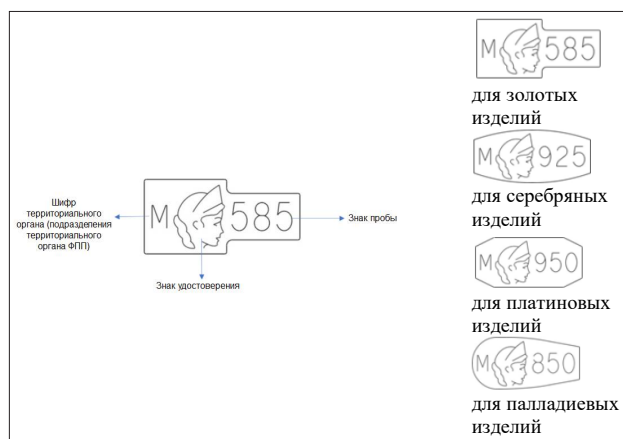

Рис. 1. Примеры оттисков основных государственных пробирных клейм

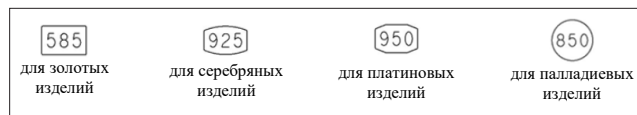

Рис. 2. Примеры оттисков дополнительных пробирных клейм

Клеймение ювелирных и других изделий из драгоценных металлов может реализовываться механическим, лазерным и электроискровым методами. Механический способ состоит в применении специального молоточка или автоматизированных станков. При электроискровом клеймении оттиск выжигают искрой, используя электроискровые аппараты. Лазерный метод клеймения предполагает постановку оттиска пробирного клейма масочным методом (с использованием маски-клейма) или методом сканирующего излучения⁵.

При ознакомлении с диспозицией ч. 1 ст. 181 УК РФ у теоретиков и практиков возникает довольно

справедливый вопрос о том, что законодатель подразумевал под «государственным пробирным клеймом»: сам прибор (станок) для клеймения или оттиск, получаемый при клеймении?

Так, по мнению А. Г. Иванова, под государственным пробирным клеймом для целей анализируемой уголовно-правовой нормы следует понимать приспособление, при помощи которого наносятся необходимые для легального оборота обозначения. Ученый полагает, что оттиск клейма не входит в предмет преступления, предусмотренного ст. 181 УК РФ, и за рамками состава остается обращение изделий с поддельными оттисками пробирных клейм [4, с. 76]. Вместе с тем И. А. Клепицкий считает, что предметом выступает как само клеймо, так и его оттиск [5, с. 501].

Исследовав немногочисленную судебную практику, А. Н. Ляскало приходит к выводу, что в одних случаях государственным пробирным клеймом признавались оттиски такого клейма (имитация), а в других — изделия для проставления клейма [6, с. 66; 7, с. 357].

Так, Ш. создал устойчивую организованную преступную группу, в которую в том числе вошел И. Согласно описательной части приговора Ш. изготавливал с помощью находившейся у него матрицы и путем гравировки поддельные государственные пробирные клейма различных государственных инспекций пробирного надзора для клеймения изделий из золота 585 пробы и серебра 925 пробы. После чего вместе с ранее приобретенными у неустановленных лиц ювелирными изделиями передавал изготовленные поддельные государственные пробирные клейма И., который за денежное вознаграждение наносил на изделия оттиски поддельных клейм. Проклейменные ювелирные изделия Ш. в последующем сбывал. Ш. и И. были признаны виновными в нарушении правил изготовления и использования государственных пробирных клейм, т. е. в несанкционированном изготовлении, использовании, а равно подделке государственного пробирного клейма, совершенными из корыстной или иной личной заинтересованности организованной группой⁶.

Другой пример. К. приобрел у неустановленного лица полуфабрикаты ювелирных изделий из золота 585 пробы, на которые в последующем металлическими стержнями нанес фальшивые оттиски го-

² Об опробовании, анализе и клеймении ювелирных и других изделий из драгоценных металлов (вместе с Правилами опробования, анализа и клеймения ювелирных и других изделий из драгоценных металлов): постановление Правительства РФ от 6 мая 2016 г. № 394.

³ Там же.

⁴ Официальный сайт Федеральной пробирной палаты. URL: <https://probpalata.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ Об утверждении Инструкции по осуществлению пробирного надзора: приказ Минфина РФ от 11 января 2009 г. № 1н (утратил силу).

⁶ Приговор Красносельского районного суда Костромской области от 11 августа 2011 г. по делу № 1-76/2011. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

сударственного клейма Верхне-Волжской государственной инспекции. Согласно заключению эксперта на части изделий, представленных на экспертизу, оттиски пробирных клейм были нанесены штампом, отличным от штампа государственного пробирного клейма, на части изделий пробирные клейма отсутствовали. По этому эпизоду К. был признан виновным в несанкционированном изготовлении, использовании, а равно подделке государственного пробирного клейма, совершенных из корыстной заинтересованности⁷.

На момент принятия действующего УК РФ, включившего ст. 181 УК РФ в систему уголовно-правовых норм, действовала Инструкция по осуществлению пробирного надзора, в п. 12 которой государственные пробирные клейма фигурировали в значении инструментов (приборов, оборудования)⁸. Вышеуказанное ныне действующее определение государственного пробирного клейма, где ключевым термином уже является слово «знак», появилось в Федеральном законе № 43 лишь в 2015 г.⁹

В контексте последнего, а также с учетом исторического и системного толкования нормы, думается, что законодатель под государственным пробирным клеймом подразумевал инструмент (станок, приспособление) для нанесения оттиска клейма. Кроме того, деяния в виде изготовления клейма и в виде изготовления оттиска клейма посягают на разные группы общественных отношений и их нецелесообразно смешивать в рамках одного уголовно-правового запрета. Однако правоприменитель смотрит на это по-другому и, как уже было показано выше, допускает оба варианта толкования.

Состав, сформулированный в ч. 1 ст. 181 УК РФ, по конструкции объективной стороны является формальным и включает один обязательный признак — деяние в виде: 1) несанкционированного изготовления; 2) несанкционированного сбыта; 3) несанкционированного использования; 4) подделки. Все перечисленные виды деяния являются альтернативно обязательными. Для квалификации достаточно совершения хотя бы одного из них, при наличии нескольких вменения совокупности не требуется.

Представляется, что описание объективной стороны анализируемого состава не совсем соответствует наименованию нормы.

Во-первых, термин «несанкционированный» означает «не получивший официального разрешения, согласия; осуществляемый без санкции какой-либо инстанции (правительства, мэрии и т. п.)» [8, с. 56]. Данный термин, помимо ст. 181 УК РФ, встречается только в ст. 273 УК РФ применительно к деянию в виде уничтожения, блокирования, модификации, копирования и нейтрализации.

Для отечественного уголовного законодательства более характерны формулировки «незаконно» или «с нарушением правил». Незаконными называются те действия, осуществление которых либо запрещено в целом, либо возможно только при прохождении определенных разрешительных процедур (см., напр., ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение свободы», ст. 223 УК РФ «Незаконное изготовление оружия»). Если же лицо имеет право на совершение каких-либо действий, но при реализации этого права не соблюдает какого-либо порядка, то чаще всего подобное определяется как «нарушение правил» (см., напр., ст. 218 УК РФ «Нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий», ст. 228² УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ»).

В рамках же ст. 181 УК РФ законодатель оперирует различными терминами. Наименование нормы говорит о том, что в статье должна идти речь о нарушении правил изготовления и использования пробирных клейм, т. е. изготовление и использование разрешено, но порядок осуществления этих действий или процедура нарушены. А в самой диспозиции нормы изготовление и использование уже оказываются несанкционированными, т. е. неразрешенными.

Дополняет несовершенство регламентации нормы отсутствие в ее наименовании деяний в виде сбыта и подделки. Получается, что содержание уголовно-правового запрета шире, чем оно обозначено в названии ст. 181 УК РФ.

В контексте указанного выше возникает вопрос и о существовании самих правил изготовления и использования пробирных клейм. Постановлением Правительства РФ от 6 мая 2016 г. № 394 утверждены Правила опробования, анализа и клеймения ювелирных и других изделий из драгоценных металлов¹⁰,

⁷ Приговор Красносельского районного суда Костромской области от 18 июня 2010 г. по делу № 1-59/2010. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

⁸ Об утверждении инструкции по осуществлению пробирного надзора : приказ Роскомдрагмета от 23 июня 1995 г. № 182 (утратил силу).

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 111-ФЗ.

¹⁰ Об опробовании, анализе и клеймении ювелирных и других изделий из драгоценных металлов (вместе с Правилами опробования, анализа и клеймения ювелирных и других изделий из драгоценных металлов) : постановление Правительства РФ от 6 мая 2016 г. № 394.

однако в них ничего об изготовлении и использовании пробирного клейма не говорится. Анализ положений нормативных актов¹¹ и интернет-ресурсов¹² приводит к выводу, что государственные пробирные клейма изготавливают АО «Госзнак», а также Государственные инспекции пробирного надзора. Вполне возможно, что этими организациями установлены какие-то правила изготовления или использования пробирных клейм, однако в общем доступе их нет. Нам также не удалось найти подобных правил, действовавших на момент создания ст. 181 УК РФ, кроме уже выше упоминавшейся Инструкции по осуществлению пробирного надзора, которая как таковых правил изготовления и использования не содержала, а определяла некоторые требования к хранению, учету, передаче, выдаче, списанию, уничтожению пробирных клейм, клейм-электродов и пробирных игл¹³.

Думается, что изначально норма об ответственности за нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм предназначалась для противодействия злоупотреблениям со стороны работников организаций и предприятий, задействованных в изготовлении государственных пробирных клейм. Вероятно, поэтому состав был дополнен признаками субъективной стороны в виде корыстной или иной личной заинтересованности (данные признаки чаще встречаются в составах преступлений, где субъект не является общим, а имеет какое-либо служебное положение¹⁴).

Возвращаясь к характеристике объективной стороны, стоит указать, что под изготовлением необходимо понимать совокупность действий, в результате которых создается государственное пробирное клеймо.

Напомним, что для деяний в виде изготовления, сбыта и использования требуется их несанкционированность. Если учитывать наименование статьи и трактовать термин «несанкционированно» буквально, то под действие нормы должны подпадать такое изготовление, сбыт и использование, которые совершены лицом, имеющим на это право и осуществляющим эти действия на соответствующем предприятии, но с несоблюдением определенных

правил, процедур либо без указания на совершение этих действий. Если трактовать термин «несанкционированно» более широко и отождествлять его с термином «незаконно», то под действие нормы должны подпадать деяния лиц, которые, не имея на это оснований, разрешений, лицензий и т. п., осуществляют изготовление, сбыт или использование пробирного клейма. Вероятно, второй подход является более логичным и именно он реализуется на практике, однако, строго говоря, он не в полной мере соответствует букве закона.

Если применять расширительное толкование, то изготовлением должны охватываться как промышленные, так и кустарные способы создания клейма. Сюда же необходимо относить переделку или усовершенствование иных предметов, а также воссоздание клейма, пришедшего в негодность.

Сбытом, по общему правилу, считается любая форма отчуждения (возмездная или безвозмездная) третьим лицам, например, продажа, дарение, обмен, предоставление в счет долга или в качестве оплаты. Процедура продажи или иной передачи государственных пробирных клейм законодательно не определена. Можно предположить, что если, например, Положением о Государственной инспекции пробирного надзора по городу Москве и Московской области предусмотрено изготовление государственных пробирных клейм-электродов по заявлениям госинспекций пробирного надзора¹⁵, то после изготовления каким-то образом осуществляется их передача. Такая передача при соблюдении всех предусмотренных процедур будет считаться санкционированным сбытом, а иные варианты отчуждения уже выходят за его рамки.

А. Г. Иванов справедливо обращает внимание на то, что при буквальном толковании нормы под сферу ее действия должен попадать только несанкционированный сбыт именно санкционированно изготовленных государственных пробирных клейм, так как иные не могут считаться государственными [4, с. 78]. Однако другие теоретики предлагают вновь скорректировать законодателя и распространять действие статьи как на случаи передачи в собственность другому лицу подлинного государственного пробирно-

¹¹ См., напр.: *Об утверждении Типового положения о Государственной инспекции пробирного надзора* : приказ ФКУ «Пробирная палата России» от 26 декабря 2017 г. № 283.

¹² *Официальный сайт АО «Госзнак»*. URL: <https://goznak.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).

¹³ *Об утверждении Инструкции по осуществлению пробирного надзора* : приказ Роскомдрагмета от 23 июня 1995 г. № 182 (утратил силу).

¹⁴ См., напр.: ст. 145¹ УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом», ст. 200⁴ УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285⁴ УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» и т. д.

¹⁵ *Об утверждении Положения о Государственной инспекции пробирного надзора по городу Москве и Московской области* : приказ ФКУ «Пробирная палата России» от 12 марта 2018 г. № 52.

го клейма, так и несанкционированно изготовленного, т. е. поддельного клейма [9, с. 561]. Как подходит к решению этого вопроса практика, нам установить не удалось, так как в открытом доступе нет ни одного приговора по ст. 181 УК РФ, где в словесной формулировке квалификации фигурировал бы «сбыт».

Использование государственного пробирного клейма представляет собой применение его по прямому назначению, т. е. для нанесения соответствующей маркировки на изделие из драгоценных металлов. Как и в случае со сбытом, буквальное толкование нормы приводит к выводу о том, что для квалификации по ст. 181 УК РФ должно несанкционированно использоваться именно легитимно изготовленное клеймо, однако практика идет другим путем.

Так, К. нашел металлический «гвоздь» с нанесенным на нем фальшивым пробирным клеймом «585». Затем с помощью указанного металлического «гвоздя» К. проставил поддельный оттиск государственного клейма под Верхне-Волжскую Государственную Инспекцию Пробирного надзора на ювелирных изделиях из золота 585-й пробы, в количестве 24 штук в виде цепей и браслетов общим весом с бирками и пакетами 121,44 гр. Суд квалифицировал деяния К. по ч. 1 ст. 181 УК РФ как несанкционированное использование государственного пробирного клейма, совершенное из корыстной заинтересованности¹⁶.

Применительно к подделке государственного пробирного клейма законодатель не употребляет термин «несанкционированная», так как на осуществление таких действий вряд ли можно получить разрешение.

В зависимости от подходов к понятию «несанкционированное изготовление» толкование термина «подделка» может различаться. Если изготовлением считать только создание пробирного клейма уполномоченным лицом, не соблюдающим установленные правила и процедуры, то все иные случаи будут образовывать подделку. При этом не должно иметь значения соответствие по форме и размерам реальному клейму. Если же несанкционированное изготовление толковать широко, то подделкой следует считать действия по частичному изменению подлинного пробирного клейма, например, перебивка номера пробы золота с 375-й на 750-ю, изменение элементов и реквизитов пробирных клейм, иначе подделку невозможно будет разграничить с изготовлением.

Субъективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 181 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо осознает общественную опасность совершаемых деяний и желает

их совершать. Как уже упоминалось выше, обязательное для квалификации значение приобретает мотив — корыстная или иная личная заинтересованность.

Под корыстной заинтересованностью Верховный Суд РФ применительно к должностным преступлениям предлагает понимать стремление лица путем совершения правонарушений получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Иная личная заинтересованность состоит в стремлении лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном такими побуждениями, как карьеризм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.¹⁷

В данном контексте стоит обратить внимание, что в случаях проставления клейма на изделия из металла, не относящегося к драгоценному, и последующей продажи под видом изделия из драгоценного металла, деяние необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ.

Так, Ш., осуществляющий предпринимательскую деятельность по изготовлению и ремонту ювелирных изделий, осведомленный о порядке изготовления ювелирных изделий, опробирования и клеймения государственным пробирным клеймом, кустарным способом изготовил в своей ювелирной мастерской 23 изделия из сплава металлов и нанес на них покрытие из золота. После Ш. приобрел у неустановленного лица клеймо государственного образца 585 пробы и сделал оттиск на изготовленных им ювелирных изделиях. Данные изделия Ш. передал в заем в ломбард, выдавая за золотые. Согласно заключению эксперта изделия были изготовлены из сплавов, в состав которого входят серебро, медь и цинк, и имеют покрытие, в элементный состав которого входит драгоценный металл «золото». Сплавы, из которых изготовлены изделия, не соответствовали ювелирному золотому сплаву 585 пробы. На части изделий имелись оттиски поддельного пробирного клейма 585 пробы литер Б с женской головой в кокошнике образца 2000 г. с шифром Уральской государственной инспекции пробирного надзора и незарегистрированного именника с шифром УСШВ, а на другой части — оттиски поддельного пробирного клейма 585 пробы литер Б с женской головой в кокошнике образца 2000 г. с шифром Уральской государственной инспекции пробирного надзора и именника с шиф-

¹⁶ Приговор мирового судьи судебного участка 30 Красносельского судебного района (Костромская область) от 27 марта 2017 г. по делу № 1-17/2017. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

¹⁷ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19.

ром ТСШВ, зарегистрированного в Уральской государственной инспекции пробирного надзора. Сумма ущерба, причиненного ломбарду, — 545 363 руб. Ш. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ¹⁸.

Представляется, что постановка клейма с указанием более высокой пробы на изделие из того же металла более низкой пробы тоже должно быть квалифицировано как мошенничество.

В связи с этим несколько дискуссионной видится позиция органов предварительного расследования, согласно которой М. обвинялся только в несанкционированном использовании государственного пробирного клейма, совершенном из корыстной заинтересованности. Согласно материалам дела, М., являясь работником ювелирной мастерской, принял от Р. заказ на изготовление серебряного кольца с изображением головы льва и вставкой из черного камня. Желая получить прибыль в большем размере, М. приобрел у неустановленного следствием лица поддельное пробирное клеймо с обозначением «М изображение головы 925», а также приспособление в виде пассатижей для клеймения и нанес оттиск клейма на изготовленное им кольцо из серебра 875 пробы¹⁹.

Исходя из того что законодатель никаким образом в диспозиции ч. 1 ст. 181 УК РФ не охарактеризовал лицо, совершающее данное деяние, субъекта необходимо считать общим — физическим вменяемым лицом, достигшим возраста шестнадцати лет. Хотя теоретически присутствие в наименовании статьи фразы «нарушение правил» может поставить вопрос перед правоприменителем о наличии таких правил и перечне лиц, обязанных их соблюдать. Вместе с тем на данный момент практика идет простым путем.

Так, Н., являясь индивидуальным предпринимателем, осуществляющим операции с драгоценными металлами и драгоценными камнями, приобрел лом золота, соединительные звенья с государственными пробирными клеймами. Н. изготовил не отличающиеся по внешнему виду от подлинных браслеты с плетением «Анаконда», общей массой 23,96 гр. и 21,04 гр., состоящие из медной проволоки и оболочки из золота, на которые в нарушение правил использования государственного пробирного клейма установил замок и соединительное звено с маркировкой в виде изображения правого профиля женской головы в кокошнике, цифр и гравировкой в виде буквы, а также рядом

неразборчивых символов. Н., не проведя опробование, анализ и клеймение, передал И. вышеуказанные браслеты, получив от И. денежные средства. Суд признал Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181 УК РФ²⁰.

Верховный Суд РФ рекомендует квалифицировать по совокупности ст. ст. 171 и 181 УК РФ действия лица, незаконная предпринимательская деятельность которого была сопряжена с несанкционированным изготовлением, использованием, сбытом или подделкой государственного пробирного клейма²¹. Однако таких случаев в судебной практике нам найти не удалось.

Подводя итог, можно указать следующее.

Формулировки признаков состава преступления, использованные в ст. 181 УК РФ («нарушение правил», «несанкционированные», «совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности»), а также историческое и системное толкование приводят к выводу, что изначально норма задумывалась как средство противодействия злоупотреблениям со стороны работников организаций и предприятий, задействованных в изготовлении государственных пробирных клейм, причем под пробирным клеймом, согласно нормативным документам, понимался инструмент (прибор, оборудование).

Однако, изменение реалий и нормативных положений, а также практика применения внесли свои коррективы, и отдельные признаки получили более широкое или двойное толкование. Так, под государственным пробирным клеймом понимается как инструмент для нанесения оттиска клейма, так и сам оттиск. Термин «несанкционированный» отождествляется с термином «незаконный», признаки состава преступления усматриваются и в действиях тех лиц, которые в принципе не могли бы получить «санкцию» (основание, разрешение, лицензию) на изготовление, сбыт или использование пробирного клейма (или его оттиска). Круг привлекаемых к ответственности не ограничивается лишь теми, кто обязан соблюдать какие-либо правила.

Вместе с тем реализуемый ныне подход не в полной мере соответствует букве закона. Статья 181 УК РФ очевидно нуждается в корректировке.

Если сохранять ориентир на действующее определение государственного пробирного клейма и считать им знак, проставляемый на изделие, то деяния

¹⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 18 марта 2019 г. по делу № 1-36/2019 (1-604/2018). Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

¹⁹ Постановление мирового судьи 1-го судебного участка Железнодорожного судебного района г. Новосибирска от 2 июля 2018 г. по делу № 1-50/2018. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

²⁰ Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Пензы от 30 января 2018 г. № 1-6/2018. URL: www.sudact.ru (дата обращения: 10.01.2023).

²¹ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23.

в виде изготовления, сбыта и использования теряют свою актуальность. Изготовление знака (оттиска) охватывается подделкой, а сбыт или использование осуществляются в отношении изделия, а не самого знака (оттиска). Если все же есть необходимость распространять действие уголовно-правового запрета и на сам прибор для клеймения, то на это должно быть соответствующее указание в диспозиции.

Кроме того, необходимо «привести к единому знаменателю» наименование и содержание статьи. Одним из возможных вариантов устранения несоответствия (применительно к клейму как инструмен-

ту) может стать использование в названии вместо словосочетания «нарушение правил изготовления и использования» обобщающего понятия — «незаконный оборот», а в диспозиции нормы термина «незаконные» вместо «несакционированные». В случае сохранения запрета только на подделку оттиска, достаточно упоминания соответствующего деяния без указания на незаконность.

Признак «совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности» следует исключить, так как его вряд ли можно считать криминообразующим для анализируемого деяния.

Список источников

1. *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография. Ч. 2. М., 2015.
2. *Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н.* Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020.
3. *Кудлаев Д. В.* Финансово-правовое регулирование обращения драгоценных металлов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. *Иванов А. Г.* Сложности квалификации нарушения правил изготовления и использования государственных пробирных клейм // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2010. № 2.
5. *Клепицкий И. А.* Система хозяйственных преступлений. М., 2005.
6. *Ляскало А. Н.* Особенности предмета преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // *Законодательство.* 2017. № 11.
7. *Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель.* М., 2020. Т. 2.
8. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М., 2000.
9. *Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. III: Преступления в сфере экономики / под ред. А. И. Коробеева.* СПб., 2008.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-216-223

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Пределы компетенции полиции по разрешению заявлений о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения

Владимир Васильевич Кальницкий

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ kvv_omsk07@mail.ru

Евгений Геннадьевич Ларин

кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета¹, ✉ larin_eg79@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Рассматриваются пределы компетенции полиции по проверке и разрешению первичной информации о преступлениях, преследование за которые осуществляется в частном порядке. Пожалуй, нет другого аспекта уголовного судопроизводства, где теоретические представления и правоприменительная практика столь далеки от единообразия. Анализируются предпосылки сложившегося положения, а также акты Конституционного Суда РФ, относящиеся к частному обвинению. Обосновывается мнение, что полиция вправе принять юрисдикционное решение об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщений о таких преступлениях, однако в ограниченных случаях, связанных с формальным кругом обстоятельств, препятствующих судопроизводству.

Ключевые слова: компетенция полиции, частное обвинение, отказ в возбуждении уголовного дела, постановление, разрешение заявления о преступлении

Для цитирования: Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Пределы компетенции полиции по разрешению заявлений о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 216–223.

Limits of Police Remit to Handle Reports about Crimes under Private Prosecution

Vladimir V. Kalnitsky

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,
✉ kvv_omsk07@mail.ru

Evgeny G. Larin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Scientific Secretary of the Academic Council¹, ✉ larin_eg79@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The paper examines the limits of police remit to verify and handle initial information about privately prosecuted offences. Perhaps there is no other aspect of criminal procedure where theoretical understanding and law enforcement practice are so far from uniform. The background of the current situation is analyzed, as well as the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation related to private prosecution. The opinion is substantiated that the police have the right to take a jurisdictional decision to refuse to initiate criminal proceedings based on the results of verification of reports of such offences, but only in a limited number of cases related to a formal range of circumstances that hinder legal proceedings.

Keywords: police remit, private prosecution, refusal to initiate criminal proceedings, irrevocable order, handling a crime report

Citation: Kalnitsky V. V., Larin E. G. Limits of Police Remit to Handle Reports about Crimes under Private Prosecution. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 216–223 (In Russ.).

Уголовно-процессуальная деятельность полиции, обусловленная поступлением первичных сведений о преступлениях, по которым преследование осуществляется в частном порядке (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), не получила достаточной регламентации. Существенная неопределенность возникла в вопросе о праве органа

дознания, которому, как правило, поступает информация, рассмотреть ее в обычном порядке, присущем стадии возбуждения уголовного дела, и принять итоговое решение, в том числе об отказе в возбуждении уголовного дела. Остроту проблематике придал Конституционный Суд РФ, указавший в описательно-

мотивировочной части одного из определений: поскольку следователь и дознаватель «не уполномочены разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения, постановление об этом, как вынесенное за пределами их компетенции и умаляющее гарантии защиты прав потерпевшего, не может служить ни препятствием для принятия судом к своему производству заявления о преступлении, преследуемом в частном порядке, ни основанием для прекращения уголовного дела по мотиву наличия такого неотмененного постановления»¹. Позже Конституционный Суд РФ дал толкование нормам, регламентирующим соотношение компетенции органов преследования и суда по делам частного обвинения, в форме постановления², которое вызывает повышенный интерес и нуждается в осмыслении.

Проблемная ситуация обусловлена тем, что дела такой категории, по общему правилу, возбуждаются не вынесением соответствующего постановления органом расследования, а совокупностью иных действий и решений: обращением потерпевшего в суд и принятием судом заявления к производству. Получается, что стадия возбуждения уголовного дела в ее традиционном формате как бы перенесена из досудебного производства в судебное производство. Вместе с тем полностью такое «перемещение» невозможно, поскольку, во-первых, суд не является полноценным субъектом возбуждения уголовного дела и отказа в этом, а значит, не несет обязанности всесторонне и полно проверять поступившие сигналы, во-вторых, сведения о преступлении в виде заявлений или сообщений из иных источников, как правило, поступают в органы дознания, обязанные на них реагировать по регламенту стадии возбуждения уголовного дела. При этом далеко не всегда сразу ясно, о каком преступлении идет речь: что означает выражение «дело частного обвинения», тем более — «отказ в возбуждении уголовного дела частного обвинения». Будет ли считаться отказом в возбуждении уголовного дела частного обвинения ситуация, когда установлен факт побоев из личных неприязненных отношений, но нет сведений о том, что данный факт выступает юридически повторным, как это требуется диспозицией ч. 1 ст. 116¹ УК РФ? В таких условиях запрет на разрешение первичной информации по делам частного обвинения выглядит аморфным, требующим дополнительной интерпретации.

Недостаточно проясненными являются следующие аспекты:

— обязан ли суд принимать к производству все заявления, не подпадающие под узкий круг исключений, когда допустимо отказать в его принятии по формальным обстоятельствам (чч. 1, 1¹, 1² ст. 319 УПК РФ), или он все же вправе отказать в принятии заявления к производству при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу. Иными словами, возможен ли предварительный «отсев» судом и в какой процессуальной форме тех обращений частных заявителей и поступивших по подсудности материалов, которые с очевидностью не могут повлечь судоговорение по делу частного обвинения, например, в связи с недостижением преследуемым лицом возраста уголовной ответственности, отсутствием сведений о привлечении к административной ответственности по составу с административной преюдицией и т. п.;

— поскольку по сложившемуся обыкновению сведения о преступлении частного обвинения в подавляющем большинстве случаев первоначально поступают в полицию, то вправе ли (обязана ли) полиция проверять их и принимать решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, не связанным с оценкой по внутреннему убеждению всех элементов состава преступления в таких же или подобных формально определенных случаях: причинение вреда здоровью лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности; отсутствие сведений об административном наказании, без чего содеянное не может быть квалифицировано как побой; если сведения поступили из иных источников, а потерпевший однозначно отказывается от подачи заявления или прохождения освидетельствования и т. д. Отдельно поставим вопрос о праве полиции отказать в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности или ввиду смерти лица, в отношении которого подано заявление, поскольку в таких случаях происходит фактическая и юридическая констатация наличия признаков состава преступления частного обвинения. Запрещено ли полиции допускать такую констатацию даже при условии, что заинтересованные лица не настаивают на перенесении конфликта в судебное заседание? Почему передача по подсудности материала, содержащего сведения о преступлении частного обвинения, должна быть самооценностью и осуществляться вопреки позиции сторон?

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части первой статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 706-О. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А. Школьник : постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2023 г. № 36-П.

Предпосылки обозначенной проблематики в определенной мере были присущи регулированию производства по делам частного обвинения в советском законодательстве, но наиболее остро проявились в новейшее время под действием двух факторов. Первый из них — введение института мировой юстиции³, а также последовавшая вскоре регламентация производства у мирового судьи сначала в главе 40 УПК РСФСР 1960 г.⁴, а затем в действующем УПК РФ, осуществленная под влиянием, на наш взгляд, ошибочной идеологической основы. Суть ее в том, что по делам частного обвинения пострадавшее лицо не просто имеет право на прямой доступ к правосудию как альтернативу обращения в правоохранительные органы, а обязано реализовать данное право, поскольку только суд вправе устанавливать наличие таких материально-правовых отношений. Иначе говоря, возможность быть максимально свободным от усмотрения правоохранительных органов и перенести уголовно-правовой конфликт сразу на уровень судебного разбирательства стала отождествляться с недопустимостью для органов дознания принятия каких-либо решений по таким делам. Право пострадавшего обратиться в суд, минуя органы расследования, из рядового элемента процессуальной формы в ходе официальной интерпретации превратилось в исключительное право суда на разрешение таких дел. Вторым фактором выступила реализованная в законе позиция, что суд не является субъектом возбуждения, а значит, и отказа в возбуждении уголовного дела.

Предыстория вопроса. В период действия УПК РСФСР 1960 г. компетенция органов дознания и суда по делам частного обвинения подчинялась другой (по сравнению с современной) логике. Суд был субъектом возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела. «Если в тех действиях, по поводу которых подана жалоба, — писал М. С. Строгович со ссылкой на определение Военной коллегии Верховного Суда СССР, — нет состава преступления или имеется какое-либо иное обстоятельство, в силу закона устраняющее возбуждение дела, судья своим постановлением отказывает в возбуждении дела» [1, с. 25]⁵.

В остальных случаях в соответствии с ч. 5 ст. 109 УПК РСФСР после принятия заявления о преступлении частного обвинения народный судья вызывал заявителя и лицо, в отношении которого подано заяв-

ление, для собеседования и возможного примирения. Если стороны не приходили к примирению, судья при наличии оснований выносил постановление о возбуждении уголовного дела. По известной нам весьма распространенной в то время практике одновременно с возбуждением дела судьи, руководствуясь теперь уже п. 3 ст. 115 УПК РСФСР, принимали решение (пункт второй резолютивной части постановления) о направлении уголовного дела для производства дознания. Дела частного обвинения без предварительного расследования обстоятельств преступления к рассмотрению, как правило, не принимались. Такая практика существенно снимала остроту проблемы поддержания обвинения частным лицом, не обладающим ни знаниями, ни организационными возможностями. По большинству деяний к производству по делам частного обвинения фактически подключались должностные лица правоохранительных органов.

В тех ситуациях, когда примирение состоялось, — читаем далее в Курсе советского уголовного процесса, — в силу отсутствия прямого регулирования судья либо составлял протокол, в котором фиксировал примирение, либо выносил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Автором учебного издания делается акцент: «об отказе в данном случае можно говорить в том смысле, что суд, учитывая состоявшееся примирение потерпевшего с обвиняемым, отказывается от возбуждения уголовного дела, но не отказывает потерпевшему. Именно так и должно быть сформулировано постановление судьи (или определение суда): ввиду примирения потерпевшего с обвиняемым им лицом уголовного дела не возбуждать» [1, с. 26].

Если заявление о преступлении, указанном в ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР, поступало в орган внутренних дел, в теории рекомендовалось «передать заявление (жалобу) потерпевшего и другие материалы в порядке ст. 114 УПК РСФСР по подсудности в соответствующий народный суд, приняв одновременно в случае необходимости меры к предотвращению или пресечению преступления [2, с. 63]. Применительно к решению об отказе в возбуждении уголовного дела проводился обзор практики, складывающейся в условиях отсутствия исчерпывающего регулирования. Критически оценивалась практика отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения (с одновремен-

³ О мировых судьях в Российской Федерации : федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : федеральный закон от 7 августа 2000 г. № 119-ФЗ.

⁵ Об обязанности судьи проверить, нет ли в жалобе обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела, указанных в ст. 5 УПК РСФСР, говорили и другие авторы. Подчеркивалось, что при наличии хотя бы одного из них судья обязан отказать в возбуждении уголовного дела [2, с. 86]. Позже практика отказа судом в возбуждении уголовного дела частного обвинения получила официальное закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. № 4 (п. 5) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных статьей 112, частью первой статьи 130 и статьей 131 УК РСФСР».

ным либо разъяснением права обратиться в суд и помещением материалов проверки в архив органа дознания на хранение, либо направлением жалобы и материалов в суд) по мотиву того, что орган дознания не вправе возбудить такое дело. Вместе с тем отмечалось, что «решение об отказе в возбуждении уголовного дела, в соответствии со ст. 113 УПК РСФСР, правомерно только в случае отсутствия к тому оснований, а равно при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу» [2, с. 65]. Следовательно, главный для нас вопрос (о возможности для органа дознания принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела в условиях, когда признаки преступления частного обвинения налицо, но имеется обстоятельство, препятствующее производству) авторы, как можно понять, разрешают положительно. Причем представляется важным, что данная позиция высказана в условиях, когда суд также имел право отказать в возбуждении уголовного дела по обозначенным основаниям. Говоря иначе, если орган дознания не отреагирует на препятствие для производства по делу, то это сделает суд.

В литературе советского периода позитивно воспринималось решение органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела публичного обвинения, если есть признаки состава частного обвинения, и разъяснение права обратиться в суд. Например, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления в связи с тем, что содеянное не является хулиганством, но усматривается умышленное причинение легкого вреда здоровью на почве личных неприязненных отношений. На наш взгляд, подобная практика была и остается непродуктивной в любой исторический период, поскольку, как минимум, юридически бессмысленна.

Правоприменение и теоретические взгляды на компетенцию полиции по делам частного обвинения после принятия действующего уголовно-процессуального законодательства. Принятый в 2001 г. УПК РФ изменил сложившийся в предшествующие периоды порядок производства по делам частного обвинения, причем, главным образом мировоззренчески, ментально. Во-первых, как отмечалось, суд перестал быть субъектом принятия решения о возбуждении уголовного дела. Хотя применительно к делам частного обвинения Конституционный Суд РФ не нашел в акте возбуждения уголовного дела судом признаков обвинительной деятельности⁶ (поскольку

суд, вынося постановление о возбуждении дела, лишь оформлял волю частного обвинителя), тем не менее законодатель не оставил за судом такого права, заменив его на «принятие уголовного дела к производству». Во-вторых, устранение суда из числа субъектов разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела означало, что суд не вправе не только возбудить дело, но и отказать в его возбуждении. Тем самым создавалась, что называется, «серая зона», когда нет органа (кроме полиции и других органов дознания), который был вправе констатировать на начальной стадии процесса наличие объективных и безусловных обстоятельств, препятствующих производству по делу. В-третьих, идеологический акцент на снижении роли публично-го начала и, соответственно, возросшем уровне диспозитивности изменил отношение к самой возможности внесудебной деятельности по сообщениям о преступлениях частного обвинения.

Такая деятельность стала рассматриваться как нежелательная, если не сказать — недопустимая, что отразилось и на ведомственном регулировании. Так, на подзаконном уровне предписывалось: «Если разрешение поступивших сообщений о преступлениях и иной информации не относится к компетенции данного органа внутренних дел ... то все имеющиеся материалы после регистрации по указанию начальника органа внутренних дел в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации передаются по подследственности или в суд (по делам частного обвинения)»⁷. При буквальном прочтении данного предписания не обнаруживается указания на необходимость произвести полную проверку сообщения. Орган дознания как будто выполняет функцию чуть ли не ретранслятора: ему поступило сообщение, он его перенаправил.

Не демонстрируют потребность в материалах до следственной проверки и суды. В авторитетном издании сказано, что «органы МВД должны направлять мировому судье по делам частного обвинения лишь сообщение о совершении преступления. Направление материалов проверки, о которых упоминается в приказе МВД от 13 марта 2003 г. № 158 (п. 15), законом не предусмотрено. Следовательно, органы МВД могут направлять мировому судье лишь сообщения о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения (заявление потерпевшего, сообщение из больницы и т. п.)» [3, с. 297].

Описанное ведомственное регулирование и официальные разъяснения соответствовали норматив-

⁶ По запросу Ванинского районного суда Хабаровского края о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 26 января 1999 г. № 11-О.

⁷ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях : приказ МВД России от 13 марта 2003 г. № 158 (пункт 15 Инструкции). Приказ утратил силу в связи с принятием Приказа МВД России 1 декабря 2005 г. № 985, которым объявлена Инструкция, содержащая аналогичное положение (п. 19).

ной регламентации производства по делам частного обвинения, имевшей место с 2002 по 2007 гг., характеризующейся практически полным умолчанием о компетенции органов дознания по данной категории дел. Исключение составляли лишь нормы о праве органа дознания возбудить с согласия прокурора уголовное дело частного обвинения в силу зависимого положения пострадавшего или по иным причинам неспособного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами (ч. 4 ст. 20 УПК РФ).

Расширение компетенции органов дознания по делам частного обвинения произошло в 2005–2007 гг., когда сначала была выработана правовая позиция Конституционного Суда РФ, признавшая неконституционными положения закона, которые «не обязывают прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя принять по заявлению лица, пострадавшего в результате преступления, предусмотренного статьей 115 или статьей 116 УК Российской Федерации, меры, направленные на установление личности виновного в этом преступлении и привлечение его к уголовной ответственности в закрепленном уголовно-процессуальным законом порядке»⁸, а затем соответствующим образом скорректировано законодательство. Часть 4 ст. 20 УПК РФ дополнена положением, что «к иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны».

Хотя прямо закон не урегулировал право граждан на обращение с заявлением о преступлениях, преследуемых в частном порядке, в орган внутренних дел, эта возможность стала подразумеваться, поскольку компетенция органа дознания на возбуждение таких уголовных дел (пусть и в отдельных случаях) предполагает прием и проверку поступающих обращений. Но если осуществляется прием и проверка первичной информации о преступлении, то логично возникает потребность в разрешении заявления в целом, т. е. путем принятия решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении, направлении материалов по подследственности или в суд.

Справедливости ради заметим, что на уровне официального ведомственного регулирования решение об отказе в возбуждении уголовного дела применительно к делам частного обвинения даже не упомянуто. В новой редакции Инструкции, утвержденной

после реформирования законодательства, говорится, что «заявление и материалы проверки с сопроводительным письмом направляются мировому судье (за исключением случаев ... когда лицо, подлежащее привлечению к ответственности, потерпевшему не известно)»⁹. Действующее ведомственное нормативное регулирование не содержит каких-либо положений, отражающих специфику разрешения заявлений и сообщений о преступлениях частного обвинения¹⁰.

Таким образом, в результате усилий Конституционного Суда РФ и законодателя компетенция публичных органов, обладающих правом уголовного преследования по делам частного обвинения, стала возрастать. Однако она не была урегулирована в деталях, к которым относятся вопросы о пределах проверки такими органами первичных сведений о преступлениях частного обвинения, о полномочии или исключении такового принять полноценное и оформленное в виде постановления решение по результатам проверки об отказе в возбуждении уголовного дела. В таких условиях (правоприменителям надо действовать, они не могут поставить производство на паузу) естественным образом сложилась практика, когда органы дознания стали принимать по результатам предварительной проверки такого рода обращения в том числе и решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Конституционный Суд РФ теперь уже посчитал, что публичные органы уголовного преследования вышли за пределы дозволенного им, стали вторгаться в судебную компетенцию, необоснованно взяв на себя полномочие по разрешению дел частного обвинения, даже если для этого есть формальные основания.

Создавшееся положение гипотетически имеет три варианта разрешения. Первый — ввести прямой нормативный запрет органам дознания принимать по делам частного обвинения решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Второй — дифференцировать основания такого решения на сугубо формальные, не предполагающие усмотрения, и дискреционные, запретив отказывать в возбуждении уголовного дела именно по дискреционным основаниям. Третий — не вмешиваться в сложившееся положение вещей, ограничившись сформулированным Конституционным Судом РФ положением нормативного характера, согласно которому неотменное

⁸ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П.

⁹ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях : приказ МВД России от 4 мая 2010 г. № 333 (Пункт 19 Инструкции). Приказ утратил силу в связи с принятием приказа МВД России от 1 марта 2012 г. № 140.

¹⁰ Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (пункт 50 Инструкции).

постановление органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по составам, отнесенным к частному обвинению, не является препятствием для рассмотрения и разрешения данного деяния судом. Чтобы определиться с выбором правильного варианта, необходимо, конечно же, в первую очередь точно усвоить точку зрения Конституционного Суда РФ на компетенцию органа дознания по делам частного обвинения, которая, к сожалению, выражена не очень ясно.

В своих решениях Высший Суд стремится установить оптимальное соотношение между правом гражданина на непосредственный доступ к правосудию по делу частного обвинения (диспозитивное начало) и обязанностью государства в лице правоохранительных органов оказать ему в этом содействие (публичное начало). Право на обращение в суд рассматривается не только как элемент процедуры, но и в качестве исключительного права потерпевшего на то, чтобы юрисдикционное решение по произошедшему событию принял суд. Отсюда установка органам дознания принимать по информации о таких преступлениях решение либо о возбуждении уголовного дела (в случаях, когда это предусмотрено законом), либо о передаче обращения в суд (определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 706-О). Принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела не предусмотрено, поскольку, еще раз повторим, все итоговые решения должны оставаться за судом.

Складывается очень сложная правовая ситуация, аккумулирующая многие (порой разнонаправленные) составляющие. Внесудебные органы обязаны оказать содействие потерпевшему, для чего проводят предварительную проверку по заявлению, однако глубина данной проверки не определяется, а итоговые решения ограничиваются возбуждением уголовного дела в специально указанных случаях, связанных с необходимостью содействия. За пределами таких случаев (когда констатирована способность потерпевшего защищать свои права и законные интересы самостоятельно или с помощью своего представителя) сообщение о преступлении передается в суд. Органы расследования не вправе давать оценку обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу в форме отказа в возбуждении уголовного дела, но и суд не является субъектом такого решения и не имеет возможностей по установлению сведений о таких обстоятельствах¹¹. Это потребует от суда принятия к производству всех заявлений, в том числе в случаях, когда с очевидностью вред пострадавшему причинен им самим, о деяниях

малолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, в любых иных ситуациях, когда информация о преступлении поступила в орган дознания не от потерпевшего, а из других источников, хотя потерпевший заявления не подавал, и т. п.

В литературе признается возможным вынести решение «об отказе в принятии заявления к производству в связи, к примеру, с истечением срока давности уголовного преследования, в противовес установленному законодателем правилу об отказе в возбуждении уголовного дела по этому основанию» [4, с. 29]. Развернутое описание полемики по данному вопросу встречается в других источниках [5, с. 88–95]. Представляется, что высказанное предложение вряд ли соответствует изначальному предназначению решения о возвращении заявления (возврат осуществляется для приведения заявления в соответствие с установленной формой), затушевывает подлинные предпосылки, положенные в его основу, а главное — затрудняет содержательное обжалование подобного псевдоакта.

Следует принять во внимание, что проблема избыточной компетенции внесудебных органов, на наш взгляд, преодолена правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой суд не связан наличием неотмененного постановления органа дознания об отказе в возбуждении или прекращении такого уголовного дела. Иными словами, в сложившихся условиях доктрина и законодатель нацелены во исполнение позиции Конституционного Суда РФ решать сложнейшую проблему определения субъекта отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения, но последствия такого решения заранее признаются юридически ничтожными, не имеющими пресекающего значения. Тогда не лучше ли оставить сложившуюся практику без изменений, поскольку она значительно минимизирует нагрузку на суды, не препятствуя при этом доступу к правосудию.

По нашему мнению, исполнение представительной властью правовой позиции Конституционного Суда РФ предполагает сочетание второго и третьего из названных выше гипотетических вариантов. Оттолкнемся здесь от текста описательно-мотивировочной части постановления № 36-П. «Право гражданина обращаться в установленном порядке за защитой своих нарушенных прав с заявлением о совершенном в его отношении преступлении частного обвинения в суд, — говорится в документе, — не может ставиться в зависимость от принятия должностными лицами органов дознания и предварительного следствия решения об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по тому же обвинению в отно-

¹¹ В печати можно встретить предложение предоставить суду возможность вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [6, с. 63]. Полагаем, что оно вряд ли может быть реализовано, поскольку в данном случае суд должен стать полноценным субъектом проверочной деятельности, что не согласуется с его современным статусом.

шении того же лица *ввиду отсутствия в деянии признаков* соответствующего преступления». Склонны считать, что здесь речь идет не о формально предопределенных, а оценочных решениях. Например, орган дознания мог бы¹² принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием заявления пострадавшего, истечением срока давности, декриминализацией деяния, ввиду недостижения причинителем вреда возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и т. п. В печати уверенно констатируется, что орган дознания вправе выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в случае примирения сторон [6, с. 97]. В тех ситуациях, когда событие установлено, вопрос о субъективной стороне действий правонарушителя, конечно же, должен оставаться за судом.

Дифференцируя основания отказа в возбуждении уголовного дела на формальные и оценочные и допуская применение органами дознания по составам частного обвинения лишь первых из них, вполне осознаем, что такая рекомендация является условной и ограничено эффективной. Ее можно использовать именно как рекомендацию, поскольку рассчитывать, что в реальном правоприменении она будет соблюдаться абсолютно точно, достаточно сложно¹³.

В условиях, когда Конституционным Судом РФ сформулировано имеющее силу нормативного предписания положение о необязательности для суда постановления органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по этому же событию и в отношении этого же лица, сам факт принятия данного решения утрачивает всяческие негативные последствия, сохраняя лишь полезные свойства. Решение внесудебного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и прилагаемые материалы как устанавливающие фактические обстоятельства исследованного жизненного события могут использоваться в качестве письменного доказательства в гражданском судопроизводстве, или в инициированном потерпевшим уголовном судебном разбирательстве. Полное исключение решения об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения из порядка производства создаст нежелательный вакуум.

Более того, если быть до конца последовательными, то исключение из компетенции органа дознания полномочия по отказу в возбуждении уголовного дела частного обвинения обяжет исключить также и полномочие по прекращению уголовного преследования по таким делам, что невозможно. Это вызовет патовые ситуации, когда в уголовном деле, возбужденном по составу публичного обвинения, фактически окажется состав частного обвинения, а пострадавшее лицо не настаивает на уголовном преследовании.

Изложенное можно подытожить следующими положениями.

1. Избыточная идеологизация частного обвинения, переоценка возможностей личности и суда в установлении фактических обстоятельств преступления привели при разработке УПК РФ к максимальному сокращению компетенции по таким делам публичных органов. В процессе правоприменения данный «перекос» в определенной мере был исправлен, однако четкого разделения полномочий внесудебных органов и суда не произошло. Будучи привлеченными для исследования дел частного обвинения в «исключительных случаях», органы преследования распространили выполняемую ими общую функцию предварительного анализа поступивших обращений также и на составы преступлений, отнесенных к делам частного обвинения. Сложилась и сохраняется устойчивая практика принятия органами дознания решений об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по любым основаниям, предусмотренным законом.

2. Конституционный Суд РФ сформулировал два самостоятельных посыла, касающихся компетенции полиции по разрешению сообщений о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения, которые взаимосвязаны, однако не в полной мере согласованы. Первый посыл предельно ясен и не требует дополнительной интерпретации: неотменное постановление органа расследования об отказе в возбуждении уголовного дела не образует препятствие для принятия судьей к производству жалобы по тому же событию и в отношении того же лица. Реализация данного тезиса снимает проблему возможного

¹² Изучение практики за последние годы, включая период после выхода в свет постановления Конституционного Суда РФ от 28 июня 2023 г. № 36-П, показывает, что фактически полиция по-прежнему принимает решения об отказе в возбуждении уголовного дела по составам преступлений частного обвинения, если устанавливает обстоятельства, препятствующие судебному производству.

¹³ По результатам наших наблюдений отметим, что в определенный период была сформирована судебная практика, когда постановление органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием заявления потерпевшего не считалось препятствием для последующего принятия судьей заявления к производству и разрешения уголовного дела по существу. Суды исходили из того, что в данном случае лицу не отказали в возбуждении уголовного дела, но просто констатировали отсутствие его заявления. Позже практика изменилась по той причине, что правоприменители не всегда «чисто» применяли пункт 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ («отсутствие заявления потерпевшего»). Порой в описательно-мотивировочной части постановления прямо или косвенно говорилось об отсутствии события или состава преступления, что фактически расценивалось как отказ по более широкому кругу оснований.

необоснованного «вторжения» внесудебных органов в разрешение дел частного обвинения, в чем бы оно не проявлялось. Второй посыл — органы расследования не наделены компетенцией выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «ввиду отсутствия в деянии признаков соответствующего преступления». В силу неопределенности данного посыла его исполнение, во-первых, крайне затруднено и требует пересмотра устоявшихся смежных норм и институтов, во-вторых, просто нецелесообразно, поскольку гипотетические негативные последствия решения об отказе в возбуждении уголовного дела заранее нейтрализованы.

3. Полное устранение компетенции органов дознания по отказу в возбуждении уголовного дела частного обвинения перекладывает задачу по отделению непроступного от вероятно преступного на суд, что потребует принятия к производству всех заявлений, в том числе в случаях заведомой перспективы на прекращение. Такое положение (неоправданно затратное и опорочивающее репутацию невиновных граждан, поставленных в положение обвиняемых) вряд ли возможно. Не решит проблемный вопрос также и полномочие суда вернуть заявление частному обвинителю во всех случаях, когда возникает препятствие для производства по уголовному делу.

4. Стремление к «стерильной чистоте» доктринального разграничения компетенции суда и органов дознания в разрешении сообщений по делам частного обвинения приводит к фактической незащищенности граждан, отсылаемых от одного государственного органа к другому. Описанные в очередном постановлении Конституционного Суда РФ¹⁴ «похождения» жертвы домашнего насилия свидетельствуют о том, что суды всех уровней под различным предлогом стремятся передать заявление в правоохранительные органы, с тем чтобы рассматривать

расследованное уголовное дело. В качестве предмета исследования в данном постановлении определен порядок рассмотрения районным судом заявлений о побоях. На наш взгляд, никакой неопределенности в том, работает или нет районный суд с заявлениями о побоях в режиме частного обвинения, не существовало. Это понимают даже обучающиеся. Истинная же проблема разграничения компетенции полиции и судов по заявлениям о преступлениях, преследуемых в частном порядке, приведшая к фактической незащищенности конкретного человека, новыми разъяснениями не снята.

5. По нашему мнению, в контексте всего правового регулирования компетенция органов дознания по отказу в возбуждении уголовных дел частного обвинения в случаях поступления к ним первичной информации сама по себе не является противозаконной и ограничивающей начало диспозитивности, при должном контроле и надзоре, обеспечивающими взвешенное ее применение, является эффективной. Естественно, речь идет о принятии полицией решений об отказе в возбуждении уголовного дела по обстоятельствам, исключающим судебное производство, т. е. по формально predetermined основаниям, не требующим оценки по внутреннему убеждению наличия или отсутствия состава преступления. Направление в суд всех поступивших в полицию сообщений, в том числе в случаях, когда пострадавшее лицо с заявлением не обращалось или активно выступает против судебного разбирательства («навязываемое» правосудие), не в меньшей мере ограничивает свободу усмотрения граждан, чем отказ в правосудии. Правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое органом дознания, не препятствует судебному производству по данному преступлению, служит достаточной гарантией права граждан на доступ к правосудию и судебную защиту.

Список источников

1. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970.
2. *Катькало С. И., Лукашевич В. З.* Судопроизводство по делам частного обвинения. Л., 1972.
3. *Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : практ. пособие / под ред. В. П. Верина. М., 2006.
4. *Степанова В. Г.* Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения : учеб. пособие. М., 2019.
5. *Букаев Н. М., Корякин А. Л.* Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2017.
6. *Башинская И. Г.* Проблемы отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения органами дознания // *Общество и право.* 2023. № 3.
7. *Титов П. В.* Частное обвинение в Российской Федерации : монография. М., 2023.

¹⁴ По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гр-ки Г. И. Баскаковой : постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П.

УДК 343.985

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-224-229

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Инновационные технологии как важнейший инструмент предупреждения преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания без изоляции от общества ¹

Дина Николаевна Химеденова

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ¹,

✉ dina.0206@mail.ru

¹ Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Статья посвящена проблеме рецидивной преступности, субъектами которой нередко выступают лица, отбывающие уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества. Определены и проанализированы основные тенденции повторной преступности. Доказано, что существующая методика предупреждения рецидива преступлений отличается низкой эффективностью. С теоретических, правовых и практических позиций обоснован вывод о необходимости внедрения новых технологий, оптимизирующих процесс превенции преступлений, совершаемых осужденными. Делается вывод о необходимости географического отслеживания местонахождения лиц, отбывающих ограничение свободы, с помощью технологий ГЛОНАСС/GPS. В связи с ослабленным контролем за отдельными категориями осужденных аргументирована авторская позиция о широкой практической значимости использования единой системы электронного учета таких лиц, а также технологий профайлинга, нацеленных на активизацию и совершенствование воспитательной работы с ними.

Ключевые слова: осужденный, рецидив, преступность, профайлинг, новые технологии, уголовно-исполнительные инспекции

Для цитирования: Химеденова Д. Н. Инновационные технологии как важнейший инструмент предупреждения преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания без изоляции от общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 224–229.

Innovative Technologies as an essential Tool for Prevention of Crimes committed by Convicts serving Sentence without Isolation from Society

Dina N. Khimedenova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminal Law ¹,

✉ dina.0206@mail.ru

¹ South-West State University (Kursk, Russia)

The article dwells on the problem of recidivism, the subjects of which are often persons serving criminal sentences not related to isolation from society. The main trends of recidivism are defined and analyzed. It is proved that the existing methodology used to prevent crime recidivism is characterized by low efficiency. From theoretical, legal and practical positions the conclusion about the need to introduce new technologies that optimize the process of prevention of crimes committed by convicts is substantiated. It is concluded that it is necessary to geographically track the location of persons serving restriction of freedom with the help of GLONASS/GPS technologies. In connection with the weakened control over certain categories of convicts, the author's position on the broad practical significance of using a unified system of electronic registration of such persons, as well as profiling technologies aimed at activating and improving educational work with them, is argued.

Keywords: convict, recidivism, crime, profiling, new technologies, penal inspections

Citation: Khimedenova D. N. Innovative Technologies as an essential Tool for Prevention of Crimes committed by Convicts serving Sentence without Isolation from Society. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 224–229 (In Russ.).

Современная пенитенциарная система Российской Федерации находится на сложном этапе своего развития. Тенденции демократизации и гуманиза-

ции, выступающие лейтмотивами в вопросах исполнения уголовных наказаний, приводят не только к положительным, но и к негативным послед-

¹ Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет-2030».

ствиям. Реализуемая в стране стратегия экономии уголовной репрессии, предусматривающая выбор в отношении виновных лиц наименее строгих из возможных наказаний, при всей своей оправданности характеризуется наличием ряда проблем. Одной из наиболее актуальных и не решенных из них является проблема высоких показателей преступности среди осужденных, наказание которых не связано с лишением свободы.

Как ни парадоксально, наибольшие масштабы повторной преступности наблюдаются среди лиц, отбывающих наименее строгие уголовные наказания, что подтверждается данными официальной статистики. В соответствии со сведениями, представленными Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за 2022 г. из более чем 578 тыс. осужденных по всем составам преступлений 223 тыс. составляют лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость. При этом половина осужденных рецидивистов (более 111 тыс.) на момент совершения нового преступления непосредственно отбывали ранее назначенное им судом наказание².

Более подробно рассматривая содержательные характеристики рецидивной преступности в стране, необходимо отметить, что наибольший процент лиц, признанных рецидивистами, составляют ранее осужденные за преступления небольшой тяжести (в 2022 г. доля таких лиц почти достигла 45%³). Учитывая, что российские суды при принятии решений исходят из принципа справедливости, лицам, совершившим деяния из наименее опасной категории, преимущественно назначаются нестрогие наказания в виде штрафа, а также обязательных или исправительных работ, во время отбывания которых осужденные зачастую вновь решаются на преступление.

При этом в соответствии со сложившейся тенденцией лица, имеющие за плечами опыт преступной деятельности, совершают более тяжкое преступное деяние, чем предыдущее. Как показывает практика, подобные «новые» преступления отличаются большей продуманностью, организованностью и тщательностью планирования и подготовки. Указанная особенность предопределяет также структуру совершаемых повторных деяний, которые, по замечаниям экспертов, в большинстве своем носят насильственный характер [1, с. 79; 2, с. 87]. Повышенная общественная опасность повторных посягательств на различные охраняемые уголовным правом интересы и блага предопределяет необходимость активизации мер по противодействию рецидивной преступности. Видится, что одним из условий ее нейтрализации

должна выступать оптимизация превентивных мер в данной сфере.

Различные проблемные аспекты предупреждения рецидивной преступности рассматриваются многими российскими исследователями, в числе которых А. Е. Михайлов, И. А. Тараканов, Ю. А. Петрушко, О. Н. Чистотина и ряд других. Отдельное внимание в научной среде уделяется инновационным средствам противодействия повторному совершению преступлений. Например, труды группы авторов посвящены вопросам применения технологий профайлинга в рассматриваемой сфере. Речь идет об исследованиях А. А. Абрамовского, О. П. Грибунова, О. А. Карпенко, К. И. Шиховой и иных авторов.

Указанные труды связаны с частными проблемами предупреждения рецидивной преступности и носят узкоспециализированный характер, распространяются на одну из проблемных областей, не охватывая их комплексно. Вместе с тем современные тенденции развития уголовно-исполнительной системы требуют обратить внимание как на всестороннее исследование наиболее серьезных проблем данной сферы, так и на перспективы их дальнейшего решения, которые необходимо разработать при максимальном учете инновационных технологий как важнейшего инструмента предупреждения преступлений, совершаемых осужденными.

Что касается субъектов, в отношении которых следует реализовывать предупредительные меры, стоит отметить, что речь идет преимущественно о тех осужденных, которые отбывают наказания, не сопряженные с изоляцией от общества. Целый ряд уголовно-правовых санкций (штраф, обязательные, исправительные работы и т. д.) существенно не меняет образа жизни преступивших закон лиц. Подобный режим «полусвободы» предоставляет осужденным возможности для повторного совершения новых преступных деяний, что требует сосредоточить внимание на особенностях профилактических мер, применяемых к данной группе лиц.

Рассматривая повторную преступность, следует указать не только на ее общественную опасность, но и на наличие определенных трудностей в аспекте ее предупреждения, раскрытия и расследования. Несмотря на то что в организационном плане предотвратить ее проще, нежели преступность лиц, впервые совершивших преступление, на практике органы расследования сталкиваются с профессионализмом и жестокостью действий преступников из числа уже ранее осужденных лиц. В связи с этим в доктрине справедливо отмечается, что государству в лице правоохранительных органов следует не толь-

² Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 07.02.2024).

³ Там же.

ко разработать результативные методы борьбы с посягательствами в данной сфере, но также и «обновлять» их деятельность таким образом, чтобы она непрерывно совершенствовалась в текущих условиях [3, с. 163]. Методы и способы предупреждения преступлений должны «синхронизироваться» с тенденциями и требованиями современного общества, что происходит не всегда. Используемые на протяжении десятков лет меры превентивного характера отстают от передовых достижений, применяемых преступниками.

Особая сложность предупреждения готовящихся и планируемых деяний также дополняется тем, что совершающие их осужденные лица действуют более грамотно и решительно, с учетом ошибок прошлой преступной деятельности. Соответственно, перед правоохранительными органами ставится сложная задача по изобличению таких осужденных и недопущению рецидива. В результате в стране складывается совершенно недопустимая ситуация, при которой лица, фактически отбывающие назначенные им уголовные наказания и не ощутившие на себе тяжесть репрессии, вновь нарушают уголовный закон и совершают более опасные преступления, которые сотрудники правоохранительных органов не всегда успевают предупредить.

Для решения заявленной проблемы уполномоченным структурам целесообразно сосредоточить особое внимание на вопросах совершенствования контроля за осужденными. Как справедливо отмечают многие отечественные исследователи, отбывание ряда нестрогих уголовных наказаний отличается низкой эффективностью реализации контрольных мер [4, с. 82–83; 5, с. 61]. В силу ряда объективных и субъективных факторов (высокая численность поднадзорных лиц, значительная нагрузка на служащих уголовно-исполнительных инспекций и т. д.) такой контроль ведется посредственно и осужденные оказываются предоставлены сами себе, что рождает в них чувство безнаказанности и создает почву для совершения новых, более тяжких преступных деяний.

Оценивая имеющиеся и практикуемые в стране методики предупреждения рецидива преступлений, следует отметить следующее. На сегодняшний день приоритет отдается мерам общей и специальной профилактики. Если первые направлены на общее улучшение социально-экономической, политической, культурной обстановки в стране (повышение уровня жизни населения, повышение авторитета органов власти, повышение правовой культуры граждан и т. д.), то вторые нацелены на отдельные социальные группы, сферы деятельности и объекты, характеризующиеся повышенной вероятностью совершения преступлений (совершенствование уголовного законодательства в данной области, совершенствование

дифференциации, усиление их социальной реабилитации и т. д.). При всей значимости указанных мер на фоне постоянной информатизации и компьютеризации общественных отношений целесообразно использовать новые технологии в качестве средств предупреждения повторной преступности среди осужденных. Кроме того, наименьшее внимание в стране уделяется мерам индивидуального характера, которые видятся наиболее эффективными и результативными.

В связи с этим представляется, что предлагаемые правоведами меры в виде увеличения штатного количества сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, закрепления за осужденными специализированных контролирующих субъектов и т. д. существенно не повлияют на решение заявленной проблемы. Так, специфика наказания в виде ограничения свободы не предполагает постоянного взаимодействия между осужденным и сотрудником инспекции: контрольные полномочия последних строго оговорены соответствующими нормативными документами. Соответственно, численное расширение штатного состава инспекций, по всей видимости, не приведет к усилению эффективности надзора. В условиях ограниченности людских ресурсов и постоянного совершенствования инновационных технологий более предпочтительным и рациональным видится внедрение современных автоматизированных систем в работу лиц, осуществляющих контроль за осужденными.

Работа указанных систем должна строиться на принципе географического отслеживания местонахождения лиц, отбывающих отдельные уголовные наказания. Наиболее предпочтительной при этом видится доказавшая свою результативность технология передачи данных посредством ГЛОНАСС/GPS. Суть предложенной методики состоит в установке на мобильный телефон конкретного осужденного приложения, позволяющего своевременно передавать в уголовно-исполнительные инспекции соответствующие сигналы о его ненахождении на месте отбывания наказания. В отличие от электронных браслетов, применявшихся в стране в отношении осужденных к ограничению свободы, смартфон с установленным приложением менее подвержен рискам поломки или утраты, а также умышленного искажения геолокационных данных. В результате благодаря новейшим технологиям осужденные лица будут находиться под круглосуточным контролем уполномоченных сотрудников, что будет содействовать их эффективному исправлению и значительно снизит вероятные риски повторной преступности.

При всей предпочтительности и высокой продуктивности предлагаемой меры нельзя также забывать о необходимости приоритетного соблюде-

ния прав и свобод осужденных. Речь идет о том, что распространение действия указанного приложения должно быть ограничено определенными рамками, обусловленными спецификой исполнения отдельных наказаний. В частности, далеко не все санкции, не связанные с изоляцией от общества, предусматривают территориальное ограничение свободы перемещения осужденного. Например, установка предлагаемого приложения на мобильный телефон лицу, осужденному к исполнению наказания в виде штрафа, будет противоречить его правовому статусу, так как назначенная ему мера государственного принуждения не предполагает ограничения его конституционного права на свободу передвижения. В свою очередь одним из содержательных элементов исполнения наказания в виде ограничения свободы выступает требование не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, и т. д. В данном случае отслеживание местоположения осужденного лица видится правомерным, поскольку позволяет обеспечивать требование, изложенное в судебном решении. В отношении остальных мер наказания, исполняемых без изоляции от общества, заявленное приложение вряд ли может быть использовано, так как оно будет несовместимо с набором имеющихся у лица прав и свобод. Таким образом, на фоне перманентно развивающейся цифровой трансформации российского общества и необходимости приоритетного соблюдения принципа законности предлагаемая мера должна стать неотъемлемым элементом отбывания такого наказания, как ограничение свободы.

Не менее значимая проблема, возникающая в процессе предупреждения рецидива со стороны осужденных, связана с трудностями выявления их «опасного» состояния. Речь идет об отсутствии на современном этапе технологий обобщенного информационного мониторинга личности субъектов, отбывающих уголовные наказания, не связанные с лишением свободы. Как отмечается в юридической науке, одна из ключевых предпосылок, позволяющих предупредить повторное пресечение закона, — это своевременное выявление преступных намерений лица [6, с. 70].

Однако сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что субъекты исполнения наказаний не могут спрогнозировать возможность повторного пресечения закона осужденными ввиду отсутствия у них целостной картины о направленности личности. Имеющаяся в их распоряжении информация о личностных характери-

стиках осужденного, образе его жизни, привычках, связях, потребностях, интересах, преимущественных местах пребывания, а также о лицах из его ближайшего окружения носит эпизодический характер. Отсутствие доступа к таким сведениям для служащих контролирующих органов приводит к тому, что последние упускают момент, когда повторное преступление можно было бы предотвратить.

Ярким примером может стать приговор Курганского городского суда Курганской области от 27 января 2023 г. по делу № 1-263/23⁴, в соответствии с которым осужденный к отбыванию 400 часов обязательных работ И. И. Федюк совершил новое преступление, аналогичное ранее содеянному. Как отмечается, виновный в совершении преступного деяния, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ, был трудоустроен и поставлен на учет в уголовно-исполнительную инспекцию, однако обязательные работы отбыл не до конца. Кроме того, в период отбывания назначенного наказания, а именно, 6 июля 2022 г. И. И. Федюк, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вновь сел за руль личного автомобиля «Лада Ларгус», запустил двигатель и начал движение, за что был задержан сотрудниками ДПС ГИБДД, установившими состояние опьянения. Таким образом, при имеющихся возможностях современной уголовно-исполнительной системы предотвратить повторное совершение преступления уполномоченным сотрудникам не удалось.

Вместе с тем, как утверждают специалисты в области психологии, о высокой решимости и готовности лица совершить противоправное деяние свидетельствует множество различных факторов, которые находят отражение в рамках психологического портрета личности [7, с. 83; 8, с. 42]. Однако определить и оценить подобные индикаторы «опасного состояния» в сложившихся условиях не представляется возможным, что вновь требует задействования передовых технологий.

В целях своевременного определения «криминальной готовности» осужденного лица и пресечения совершения им новых преступных деяний необходима единая автоматизированная система сбора информации. В частности, внедрение единого электронного учета осужденных, всецело отражающего информацию об их личности, даст возможность вывести методику предупреждения рецидива преступлений на новый уровень.

Оптимальным решением видится создание в отношении каждого осужденного к наказаниям, не связанным с лишением свободы, единого личного информационного электронного документа (карточки), доступ к которому будет у определенного круга

⁴ Приговор Курганского районного суда Курганской области от 27.01.2023 г. по делу № 1-263/23. URL: <https://судебныерешения.рф/73028769> (дата обращения: 27.04.2024).

субъектов (сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, правоохранительных органов, работодатели и т. д.). В указанный цифровой документ будут вноситься различные сведения, иллюстрирующие динамику психологического состояния осужденного.

Например, работодатель, заметивший у осужденного к обязательным или исправительным работам различные негативные проявления личности (агрессивность, вспышки ярости, повышенная вспыльчивость и т. д.), сможет внести соответствующую информацию об этом в его виртуальную карточку. Если же такой осужденный нарушит общественный порядок, например, будет остановлен сотрудником патрульно-постовой службы в состоянии алкогольного опьянения, подобная информация также будет вноситься в личный документ такого лица. В результате нейросеть, обрабатывающая карточки негативно характеризующихся осужденных, будет выявлять потенциально опасных лиц и направлять сведения о них в уголовно-исполнительную инспекцию, сотрудники которой должны будут провести соответствующую профилактическую работу по недопущению рецидива преступлений.

Важно отметить, что в ведении МВД РФ на сегодняшний день находится несколько федеральных информационных систем (например, дактилоскопическая база данных «АДИС-МВД», «ВИС-СМЭВ», «ИБД-Ф»). Обозначенные банки данных стали серьезным прогрессивным шагом в вопросах предупреждения и пресечения правонарушений и преступных деяний. Например, система «ИБД-Ф» предусматривает ведение централизованного информационного учета, состоящего из ряда подсистем: «Картотека» (пофамильный учет), «ФР-Оповещение» (учет лиц, объявленных в розыск), «Автопоиск» (учет разыскиваемых транспортных средств) и т. д.⁵

Вместе с тем главное отличие предлагаемой системы от имеющихся информационных ресурсов, содержащих сведения об осужденном, состоит в использовании технологий искусственного интеллекта: «умная» сеть на основе вводимых сведений самостоятельно просчитывает возможные риски повторного нарушения закона со стороны отдельных лиц. Предложенная электронная учетная система даст возможность осуществлять предупреждение новых преступлений со стороны осужденных лиц с наименьшей затратой сил и времени.

Относительно вопроса о непосредственной воспитательной работе по предупреждению рецидива среди осужденных стоит отметить следующее. Актуальной на сегодняшний день остается проблема, связанная с использованием устаревших методов

воспитательного воздействия. Например, немаловажную роль в данном процессе играет распознавание ложной информации, которая часто дается осужденными в ходе личной беседы с инспектором. В связи с этим уполномоченному лицу, осуществляющему контроль, необходимо владеть тактикой избличения осужденных, предоставляющих заведомо ложные сведения.

Технологии профайлинга в последние годы зарекомендовали себя как эффективный инструмент предупреждения преступности [9, с. 32; 10, с. 47]. Говоря о содержании профайлинга для нужд предупреждения преступлений, стоит отметить, что его значение сводится к выявлению потенциально опасных лиц посредством анализа признаков внешнего вида, речи, эмоционального реагирования, поведения. К сожалению, ввиду отсутствия должной психологической подготовки подавляющее большинство сотрудников уголовно-исполнительной системы не владеют подобными приемами и методами.

Сложившаяся ситуация недопустима в условиях высоких показателей повторной преступности среди лиц, имеющих криминальный опыт. Учитывая, что воспитательная работа с осужденными к менее строгим, нежели лишение свободы, уголовным наказаниям, сводится, как правило, к беседам, предусматривающим непосредственный контакт с человеком, методика их осуществления должна отвечать современным передовым технологиям.

Более технологично к решению заявленной проблемы подошли правоохранительные структуры многих зарубежных государств. Одной из прогрессивных методик выступает методика «криминалистического профайлинга», предусматривающая совокупность способов психологической диагностики личности, а также выявления и предотвращения заведомо ложной информации [11, с. 179]. В общих чертах она представляет собой психологическое средство выявления причастности лица к преступной деятельности, а также установления совершившего или подготавливающего преступление лица. Посредством диагностики личностных особенностей специалисты в области профайлинга способны выявить скрываемые мотивы и оценить сообщаемую информацию на предмет достоверности. Несмотря на критику подобного нетрадиционного метода, он широко используется в мире и приносит положительные результаты. При этом его возможности не ограничиваются описанием психологического профиля того или иного лица: многие государства, использующие технологии профайлинга, переходят к повсеместному применению технических

⁵ «ИБД-Ф» — интегрированный банк данных федерального уровня. URL: <https://telegra.ph/IBD-F--integrirovannyj-bank-dannyh-federalnogo-urovnya-05-24> (дата обращения: 08.05.2024).

средств. Например, речь идет об использовании компактных (в том числе нагрудных) тепловизоров для идентификации изменений температуры тела [12, с. 43]. Целесообразно утверждать, что в российских правовых реалиях (с учетом большой численности лиц, осужденных к различным уголовным наказаниям и находящихся на учетах в уголовно-исполнительных инспекциях) подобный опыт мог бы зарекомендовать себя с положительной стороны. Цифровые технологии, позволяющие по биометрическим данным распознавать ложную информацию, могли бы стать важнейшим механизмом, указывающим сотрудникам инспекций на лиц из группы риска, с которыми следует проводить дополнительные профилактические воспитательные мероприятия

в целях более точечного предупреждения повторного нарушения закона.

Обобщая изложенные проблемы, целесообразно отметить, что их оптимальное решение сводится к техническому оснащению современной пенитенциарной системы наиболее передовыми инновационными достижениями, выводящими деятельность по предупреждению рецидива преступлений среди осужденных на качественно новый уровень. Грамотная и последовательная реализация предложенных направлений позволит сделать процесс отбывания уголовных наказаний более технологичным, усилить контроль за осужденными к отдельным уголовным наказаниям лицами, а также снизить уровень повторной преступности в стране.

Список источников

1. Михайлов А. Е., Тараканов И. А. Рецидивная преступность: современное состояние и тенденции // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 3(25).
2. Петрушко Ю. А. Криминологическая характеристика рецидива насильственной преступности и проблемы ее предупреждения // Евразийский союз ученых. 2015. № 10-6(19).
3. Деревнин Е. М. Криминологические проблемы расследования убийств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-1(79).
4. Грушин Ф. В., Боярченкова О. В. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления, некоторые проблемы и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1(92).
5. Присич И. В. Эффективность исполнения наказания в виде ограничения свободы: проблемы и перспективы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4(50).
6. Чистотина О. Н. Предупреждение рецидивной преступности: актуальные проблемы и пути решения // Юрист-Правовед. 2017. № 1(80).
7. Мусагалиев А. Х. Личность преступника и психологические предпосылки преступного поведения // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. №5.
8. Глазкова Т. В., Глазков А. В. Социально-педагогическая профилактика криминального поведения подростков // Современное педагогическое образование. 2019. № 12.
9. Шихова К. И. О некоторых вопросах применения «профайлинга» как метода предотвращения преступлений // Вестник магистратуры. 2016. № 12-2(63).
10. Грибунов О. П. Применение технологий профайлинга в деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4(68).
11. Карпенко О. А. Криминологический профайлинг: проблемы применения и пути решения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4(91).
12. Абрамовский А. А. Применение профайлинга при раскрытии и расследовании преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 1.

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-230-234

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Преступления, совершенные на железнодорожном транспорте, как объект криминалистического исследования

Владимир Иванович Щукин

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики¹, ✉ Schukin56@yandex.ru

Алексей Михайлович Журбенко

кандидат экономических наук, доцент кафедры криминалистики¹, ✉ Zhurbenko6891.a@gmail.com

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия)

В статье рассматриваются вопросы, затрагивающие актуальность изучения преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, которая в значительной степени обусловлена необходимостью повышения качества расследования данной категории преступлений. Специфика функционирования железнодорожного транспорта, его отдельных объектов оказывает влияние на криминальную деятельность в этой сфере. Преступления, совершенные на железнодорожном транспорте, представляют собой важный объект криминалистического исследования, так как они имеют отличительные особенности. К общим криминалистическим признакам, объединяющим данные преступления, следует отнести характеристику способа совершения преступления, факторы, влияющие на его выбор, обстановку совершения, личность преступника. Деятельность по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений характеризуется рядом обстоятельств, связанных с расстоянием, временем, движением и экономической обусловленностью.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, перевозка грузов, перевозка пассажиров, преступления, криминалистические признаки, расследование преступлений

Для цитирования: Щукин В. И., Журбенко А. М. Преступления, совершенные на железнодорожном транспорте, как объект криминалистического исследования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 230–234.

Crimes committed on the Railway Transport as the Object of Forensic Study

Vladimir I. Shchukin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminalistics¹, ✉ Schukin56@yandex.ru

Alexey M. Zhurbenko

Candidate of Science (in Economics), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminalistics¹,

✉ Zhurbenko6891.a@gmail.com

¹ the Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after I. D. Putilin (Belgorod, Russia)

The article deals with the issues concerning the relevance of the study of crimes committed on railway transport, which is largely determined by the need to improve the quality of investigation of this category of crimes. The specifics of functioning of railway transport and of its individual objects has an impact on criminal activity in this area. Crimes committed on railway transport are an important object of forensic study, as they have features that distinguish them from crimes committed elsewhere. The general forensic features that unite these crimes include the characteristics of the method of committing the crime, factors influencing its choice, the environment in which it was committed, and the identity of the offender. The actions related to detection and investigation of the crimes under study are characterized by a number of circumstances connected with distance, time, movement and economic dependency.

Keywords: railway transport, carriage of goods, carriage of passengers, crimes, forensic features, investigation of crimes

Citation: Shchukin V. I., Zhurbenko A. M. Crimes committed on the Railway Transport as the Object of Forensic Study. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 230–234 (In Russ.).

Железнодорожный транспорт, являясь значительной частью экономики, обеспечивает эффективную, надежную и устойчивую перевозку грузов на внутренних и на международных направлениях,

пассажирские перевозки, особенно на длинные расстояния. Развитие железнодорожной инфраструктуры способствует созданию новых рабочих мест, повышению уровня жизни населения и стимулирует

экономический рост через инвестиции в строительство и обслуживание железнодорожных систем, что в свою очередь способствует экономическому развитию регионов, облегчая доступ к рынкам, сырью и ресурсам.

Выделим основные функции железнодорожного транспорта.

1. *Перевозка грузов.* Данный вид транспорта является одним из основных средств перевозки грузов (в 2023 г. — 2947,9 млн тонн).

2. *Перевозка пассажиров.* Железнодорожный транспорт выполняет важную функцию в сфере пассажирских перевозок, предоставляя возможность для быстрой и удобной перевозки людей на большие и малые расстояния (пассажирооборот в 2023 г. оценивается в 502,2 млрд. пасс-км)¹.

Специфика функционирования железнодорожного транспорта, его отдельных объектов оказывает влияние на криминальную деятельность в этой сфере. Так, значительные расстояния железнодорожных путей делают их более уязвимыми для криминальных действий, таких как кражи грузов, особенно на малых станциях, разъездах.

Большие объемы материальных ценностей, перевозимых железнодорожным транспортом, часто являются объектом посягательства преступников. Активный пассажиропоток на железнодорожном транспорте криминальные элементы могут использовать для совершения преступлений (кражи, мошенничество, террористические акты), а также для их сокрытия.

Преступления, совершенные на железнодорожном транспорте, представляют собой важный объект криминалистического исследования, так как они имеют особенности, которые отличают их от преступлений, совершенных в других местах.

Во-первых, железнодорожный транспорт представляет собой особое пространство, где преступления могут иметь место как в вагонах, так и на станциях. Наличие большого количества людей, движение поездов, а также специфика работы персонала обуславливают особенности совершения и раскрытия преступлений в данной сфере.

Во-вторых, криминалистическое исследование преступлений на железнодорожном транспорте включает изучение таких аспектов, как оценка места преступления, сбор и анализ следов, обнаружение улик, идентификация подозреваемых, а также восстановление хронологии событий. Эти процессы имеют специфику, связанную с местом совершения.

Классифицируя преступления, совершаемые на железнодорожном транспорте, следует выде-

лить виды, доминирующие в уголовной статистике в 2023 г.:

- кража чужого имущества (11 656), из них кража грузов (1527);
- мошенничества (1214);
- незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (8364.)

Всего в 2023 г. количество зарегистрированных преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, составило 31 942. Следует отметить, что значительное число преступлений (9169) совершено лицами, ранее совершавшими преступления.

Отдельные виды, группы преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, стали объектами научных исследований таких ученых, как А. М. Нудельштейн [1], О. В. Цуканова [2], О. П. Грибунов [3], А. Л. Пермяков [4], Е. А. Малыхина [5], А. Е. Антонов [6]. Они рассматривали факторы, влияющие на преступления данной категории. Осуществлялась разработка частных криминалистических методик расследования конкретных видов преступлений, совершаемых на данном виде транспорта, тактики отдельных следственных действий, решения практических задач, связанных с эффективностью информационно-познавательной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений указанной категории, разработкой рекомендаций по эффективному участию в этом процессе специалистов.

«При всем различии уголовно-правовых характеристик и квалификаций преступлений они могут входить в одну родственную в криминалистическом отношении группу преступлений. Они имеют сходство не только в части ряда важных признаков их криминалистических характеристик, но и принципов, подходов, средств их выявления и расследования» [7, с. 56]. Именно такой подход, предложенный Л. В. Бертовским в рамках своей научной работы, обусловил исследование в целях разработки общих положений криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте. Ее реализация весьма проблематична, так как преступления в этой сфере достаточно разнообразны по способу совершения, по следам, оставленным на месте происшествия, субъекту преступления.

С учетом этого следует обратить внимание на общие криминалистические признаки, объединяющие указанную категорию преступлений.

На наш взгляд, к таковым можно отнести характеристику способа совершения преступления, а также факторы, влияющие на его выбор, обстановки совершения преступления; личность преступника.

¹ URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 22.02.2024).

На действия преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, могут оказывать влияние различные субъективные и объективные факторы. К первым можно отнести следующие наиболее значимые факторы:

— наличие у преступника опыта совершения преступлений на железнодорожном транспорте. Анализ уголовной статистики свидетельствует, что значительная часть лиц, совершивших преступления на железнодорожном транспорте, ранее были судимы и, как правило, за совершение преступлений в этой сфере;

— служебное положение преступника и его знание правил перевозки грузов, пассажиров, организации работы различных служб железнодорожного транспорта, технологического процесса работы станций.

Большая часть лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, являлись работниками учреждений данного вида транспорта.

Существенное значение для выявления и раскрытия рассматриваемых преступлений имеет «закономерная связь преступлений с профессиональной деятельностью, а также закономерностями, которые лежат в основе этой деятельности» [8, с. 98].

Однако следует признать, что связь субъекта преступления с железнодорожным транспортом является не основным характеризующим признаком при анализе преступлений рассматриваемой категории, а лишь отправной точкой. Например, «в ночное время суток можно без проблем вскрыть закрытый либо запломбированный вагон» [9, с. 27], даже не обладая существенными знаниями в железнодорожной отрасли.

Исходя из этого, следует отметить, что субъектом преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, может быть:

— лицо, являющееся работником железнодорожного транспорта и обладающее по роду своей деятельности знаниями технологических особенностей перевозочного процесса и функционирования отдельных объектов;

— лицо, не являющееся работником железнодорожного транспорта, но обладающее знаниями в области функционирования железнодорожного транспорта, достаточными для совершения преступления в этой области.

К числу основных объективных факторов, оказывающих влияние на выбор способа при совершении преступлений на железнодорожном транспорте, следует отнести:

— особенности обстановки и места совершения преступления, с учетом конструктивной специфики подвижного состава данного вида транспорта, а также объектов инфраструктуры;

— время совершения преступления и его взаимосвязь с технологическими процессами, определяющими движение подвижного состава, его нахождение на станции и в пути следования.

— качественные и количественные характеристики перевозимых грузов, носильных вещей пассажиров и иного имущества, а также степень их защищенности и охраны [10, с. 23].

Обстановка, в которой совершается преступление, характеристика непосредственного места происшествия играют важную роль в планировании и совершении преступлений. По мнению О. П. Грибунова, «закономерности места преступления детерминируют возможность реализации виновными определенного способа совершения и сокрытия преступного деяния, требующего наличия у виновных соответствующих знаний и навыков. В пределах типичного места совершения преступления, в результате противоправных действий виновных в отношении предмета преступного посягательства, образуется соответствующая следования картина» [11, с. 61].

С учетом этого следует отметить, что к объектам железнодорожного транспорта, которые в оперативном плане обслуживаются органами внутренних дел на транспорте, относятся:

— железнодорожные пути на перегонах и железнодорожных станциях, предназначенные для осуществления операций по приему и отправлению поездов, приему и выдаче грузов;

— железнодорожные станции, строения, сооружения и помещения, инженерные системы и системы жизнеобеспечения, объекты локомотивного и вагонного хозяйства [12, с. 63].

В ведомственных нормативных документах объекты транспорта делятся на две достаточно большие группы. Это объекты подвижного состава и территориальные объекты транспортной инфраструктуры. Это обусловлено передвижением одних объектов и стационарным расположением других.

Специфика функционирования указанных видов объектов транспорта важна для линейных органов внутренних дел с точки зрения процесса обнаружения преступлений и их расследования. Характеристики данных объектов, технологических процессов, в которые они вовлечены, оказывают непосредственное влияние на способ совершения преступления в указанной сфере, способ сокрытия следов, а также предмет посягательства.

Преступники могут выбирать определенное время для совершения преступления, исходя из уровня охраняемости объекта, времени функционирования, нахождения в нем работников железной дороги, пассажиров. Могут планировать возможность безопасного ухода с места преступления, если

оно сопряжено с большим скоплением пассажиров, станционных зданий либо находится в подвижном составе.

Характерной особенностью преступлений на железнодорожном транспорте является то, что они могут совершаться на большом удалении от места проживания лиц, их осуществляющих. Но следует отметить, что преступники сбывают похищенное, как правило, вне объекта железнодорожного транспорта. Это обстоятельство влияет на раскрываемость рассматриваемых преступлений. Так, анализ статистики Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу свидетельствует, что раскрываемость краж чужого имущества в сфере пассажирских перевозок составляет 60,52%, мошенничества — 63,21%².

По мнению О. П. Грибунова, «организация деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, характеризуется рядом обстоятельств, связанных с расстоянием, временем, движением и экономической обусловленностью, а именно расстояние между грузом, его собственником, местом назначения и получателя груза» [13, с. 4].

Указанные характеристики лежат в основе линейного принципа организации деятельности ОВД на транспорте. Пути повышения эффективности указанной деятельности, в том числе по раскрытию и расследованию преступлений, предполагают активное взаимодействие следователя (дознателя) с другими органами, в том числе и территориальными ОВД. По мнению О. В. Цукановой, «взаимодействие будет максимально эффективным при условии его организации с учетом специфики совершенного преступления и особенностей функционирования железнодорожного транспорта. Содержание и объем взаимодействия напрямую зависят от це-

лей и организационно-правовых форм согласованной деятельности следователя с органом дознания» [14, с. 8].

Следующим направлением повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений является широкое использование специальных знаний, том числе в области железнодорожного транспорта, отдельных его технологических процессов.

Так, анализ статистики Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу за 2023 г. свидетельствует, что с участием специалистов проведено 4342 осмотра мест происшествия, из которых по преступлениям всего 1278, что составляет 24,9% от общего количества зарегистрированных преступлений. Нагрузка на одного эксперта по производству осмотра мест происшествия составила 47,9%. С изъятием следов и объектов специалистами проведено 3605 осмотров мест происшествий. Количество осмотров с изъятием следов рук от общего числа проведенных осмотров по преступлениям составило 51,7%³.

При исследовании проблем раскрытия и расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, мы выделили ряд криминалистических признаков. К ним, по нашему мнению, относятся особенности обстановки и места совершения преступления; время совершения, обусловленное спецификой функционирования объектов данного вида транспорта; предмет посягательства; особенности деятельности по раскрытию и расследованию данных преступлений. Эти признаки объединяют указанную группу преступлений, что в последующем может стать основой формирования общих положений криминалистической методики расследования исследуемой категории преступлений.

Список источников

1. Нудельштейн А. М. Расследование хищений имущества пассажиров на железнодорожном транспорте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Цуканова О. В. Первоначальный этап расследования преступлений, совершаемых в пассажирских вагонах железнодорожного подвижного состава : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
3. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016.
4. Пермяков А. Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016.
5. Малыхина Е. А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2018.

² Там же.

³ Там же.

6. Антонов А. Е. Поисково-познавательная деятельность и ее особенности в ситуациях расследования преступлений на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры : дис. канд. ... юрид. наук. Белгород, 2018.
7. Бертовский Л. В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
8. Лапин В. О. Преступления в сфере предпринимательской деятельности как объект криминалистического исследования // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2(54).
9. Гришин Д. А., Вилачева М. Н., Сошникова И. В. Хищение груза из подвижного железнодорожного состава: вопросы квалификации и расследования // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3.
10. Кузнецов А. А., Курбатова М. И. Расследование краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта : монография. Омск, 2009.
11. Грибунов О. П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5.
12. Захаров А. А., Феоктистова Е. Е. Характеристика наиболее распространенных преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Научный портал МВД России. 2016. № 4.
13. Грибунов О. П. Технические средства фиксации, используемые при проведении осмотра места происшествия по факту хищений грузов на железнодорожном транспорте // Российский следователь. 2015. № 16.
14. Цуканова О. В. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта // Российский следователь. 2015. № 19.

УДК 343.9:336.61

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-235-240

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности выявления и документирования фактов хищений бюджетных денежных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства

Динар Минзеферович Фарахiev

оперуполномоченный отдела¹, ✉ dfarakhiev@mail.ru

Гузель Руслановна Фарахиева

кандидат юридических наук, оперуполномоченный отдела², ✉ guzel.khusnutdinova@inbox.ru

¹ Управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан (Казань, Россия),

² Управление уголовного розыска МВД по Республике Татарстан (Казань, Россия)

Продовольственная безопасность Российской Федерации является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета — повышения качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. Это определено в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации¹. Подтверждается актуальность оперативно-служебной деятельности сотрудников оперативных подразделений МВД России. С учетом развития преступных схем и механизмов хищений бюджетных денежных средств, авторами раскрываются вопросы сбора оперативно значимой информации, организации взаимодействия между органами власти, а также предлагается алгоритм выявления и документирования исследуемых видов преступлений.

Ключевые слова: преступность, мошенничество, хищение, сельское хозяйство, выявление, документирование, оперативные подразделения, бюджетные средства

Для цитирования: Фарахiev Д. М., Фарахиева Г. Р. Особенности выявления и документирования фактов хищений бюджетных денежных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 235–240.

Peculiarities of Revealing and Documenting cases of Embezzlement of Budgetary Funds allocated for Agricultural Development

Dinar M. Farakhiev

operative officer of the unit¹, ✉ dfarakhiev@mail.ru

Guzel R. Farakhieva

Candidate of Science (in Law), operative officer of the unit², ✉ guzel.khusnutdinova@inbox.ru

¹ Economic Security and Anti-Corruption Department of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia),

² Directorate of Crime Detection of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia)

According to the Doctrine of Food Security of the Russian Federation, food security of the Russian Federation is one of the main areas of ensuring national security of the country, a necessary condition for the implementation of the strategic national priority — improving the quality of life of Russian citizens by guaranteeing high standards of life support. The authors prove the relevance of operational and service activities of officers of operational units of the Russian Ministry of Internal Affairs. The development of criminal schemes and mechanisms of embezzlement of budgetary funds taken into consideration, the issues of collecting intelligence data important for crime detection, organizing interaction between the authorities are revealed, and an algorithm to reveal and document the types of crimes under study is proposed.

Keywords: criminality, fraud, embezzlement, agriculture, revealing, documenting, operational units, budgetary funds

Citation: Farakhiev D. M., Farakhieva G. R. Peculiarities of Revealing and Documenting cases of Embezzlement of Budgetary Funds allocated for Agricultural Development. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 235–240 (In Russ.).

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4, ст. 345.

Преступность в сфере сельского хозяйства представляет собой динамическое явление в социальной и экономической областях, которое характеризуется преимущественно хищением бюджетных денежных средств, выделяемых в рамках федеральных (региональных) программ, субсидий и грантов. Иными словами, сельскохозяйственной преступности свойственны хищения денежных средств, выделяемых в рамках государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей.

О криминогенной ситуации в сфере сельского хозяйства в первую очередь можно судить по статистическим сведениям о состоянии преступности на территории Российской Федерации, а также по результатам оперативно-служебной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.

В настоящее время совершенствование сельскохозяйственной деятельности и увеличение ее эффективности — это приоритетные направления государственной политики. В условиях антироссийских санкций развитие сельского хозяйства является неотъемлемой частью деятельности органов власти. Председатель Правительства РФ М. В. Мишустин заявил: «Спрос на сельхозпродукцию и продовольствие из России растет с каждым годом. Санкции недружественных стран или иные вызовы — не помеха для агросектора»². По мнению В. Ю. Яруговой, основная форма поддержки сельского хозяйства — это бюджетная политика [1, с. 336].

Согласно статистическим данным МВД России в 2022 г. сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК) в сфере сельского хозяйства выявлено 1017 преступлений (-2,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), следствие по которым обязательно. Из них в сфере экономической деятельности выявлено 111 (-11,2%), против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления — 141 (+43,8%), в том числе фактов взяточничества — 105 (+50%), коррупционной направленности — 307 (+7,3%). За три квартала 2023 г. в сфере сельского хозяйства выявлено 932 преступления, следствие по которым обязательно. Из них в сфере экономической деятельности — 159, против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления — 130, в том числе фактов взяточничества — 39, коррупционной направленности — 305³.

Статистические данные о состоянии преступности в рассматриваемой сфере свидетельствуют о распространенности преступных посягательств, что подтверждает актуальность настоящего исследования. Кроме того, необходимо отметить, что преступления в сфере сельского хозяйства весьма разнообразны и затрагивают несколько разделов Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ).

Проведенный анализ преступности в сфере сельского хозяйства в динамике предоставляет возможность выявить общее сокращение преступности в сочетании с относительным увеличением отдельных противоправных деяний, а именно уменьшение количества зарегистрированных преступлений против собственности и мошенничеств в сфере экономической деятельности. При этом наблюдается увеличение количества преступлений коррупционной направленности, против интересов службы и службы в органах местного самоуправления. Кроме того, имеет место сокращение количества преступлений, совершаемых в крупном и особо крупном размере; отмечается смещение вектора в сторону преступлений, совершенных организованными группами либо преступными сообществами (преступными организациями).

Географическая составляющая сельскохозяйственной преступности по федеральным округам и субъектам России выглядит следующим образом: наибольшие показатели в 2022 г. зафиксированы в ПФО (235) и ЮФО (231), СКФО (184), ЦФО (149) и СФО (112); наименьшее количество преступлений выявлено в УФО (49), СЗФО (34) и ДФО (23). Максимальное количество преступлений, связанных непосредственно с хищением бюджетных денежных средств, выделяемых на поддержку сельского хозяйства, выявлено на территории Волгоградской области, Республики Татарстан, Воронежской области и Краснодарского края.

На поддержку сельскохозяйственной отрасли ежегодно выделяются значительные объемы бюджетных денежных средств. Так, в 2023 г. предусмотрено выделение 132 038,67 млн руб., однако по состоянию на октябрь 2023 г. перечислено сельхозпроизводителям 113 351,39 млн руб. Столь значительный объем денежных средств, направленный на финансирование исследуемой сферы, увеличивает риски их хищений. Вне зависимости от усилий, направленных на обеспечение безопасности бюджетных ресурсов, в настоящее время сохраняется высокий уровень криминализации бюджетной сферы.

² Мишустин заявил, что санкции Запада не стали помехой для российского агросектора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15962555> (дата обращения: 10.12.2023).

³ Состояние преступности на территории Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 10.12.2023).

На наш взгляд, наиболее распространенными преступлениями в исследуемой сфере являются:

1) составление и предоставление в уполномоченный контролируемый (надзирающий) орган фиктивных документов о приобретении или наличии крупного рогатого скота;

2) составление и предоставление в уполномоченный контролируемый (надзирающий) орган фиктивных документов о приобретении специальной техники, оборудования, а также иных сведений;

3) составление фиктивных справок об отсутствии задолженностей;

4) предоставление недостоверных сведений о проведенных мелиоративных и полевых работах;

5) предоставление фиктивных сведений о наличии посевных площадей;

6) завышение объемов произведенной продукции и др.

В целях минимизации и сокращения количества преступлений в сфере сельского хозяйства необходимо большое внимание уделять осуществлению комплекса оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками подразделений ЭБиПК, направленных на выявление и документирование фактов противоправной деятельности. Так, при осуществлении комплекса оперативно-розыскных мероприятий необходимо установить способ, обстановку и механизм совершения преступлений, а также следы противоправной деятельности [2, с. 134].

Применительно к исследуемой проблеме, к числу основных причин совершения преступлений многие авторы относят отсутствие должного контроля (надзора) за расходованием бюджетных средств [3, с. 29], в том числе выделяемых в рамках федеральных (региональных) программ, субсидий и грантов; отсутствие необходимого учета лиц, склонных к совершению преступлений; недостаточную работу оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению должностных лиц, потенциально склонных к совершению преступлений коррупционной направленности; недостаточную осведомленность сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел о способах совершения исследуемых преступлений и лицах, их совершающих и подготавливающих; криминальную обстановку в исследуемой сфере и др. [4, с. 164].

Одной из основных проблем выявления, пресечения и документирования рассматриваемых преступлений является отсутствие нормативной базы, которая предусматривает ответственность должностных лиц органов власти за принятие фиктивных документов; ненадлежащий контроль при проведении должностными лицами проверочных

мероприятий, связанных с соблюдением сельскохозяйственными товаропроизводителями условий для получения субсидий. Так, распространены случаи, когда сотрудники министерств (управлений) сельского хозяйства и продовольствия не осуществляют выезды на места проведения определенных сельскохозяйственных работ (приобретения оборудования, выращивания зерна или культур и прочее), не осуществляют проверку фактического приобретения кормов, наличия сельскохозяйственных животных и др. Кроме того, со стороны должностных лиц министерств (управлений) сельского хозяйства и продовольствия осуществляется слабый контроль при учете, регистрации и передвижении сельскохозяйственных животных, проходящих в рамках государственных программ финансирования агропромышленного (сельскохозяйственного) комплекса [5, с. 58].

Должностные лица министерства сельского хозяйства и продовольствия в процессе выдачи субсидий и (или) грантов без осуществления фактического анализа ограничиваются только сверкой документов, предъявляемых юридическими лицами в соответствии с перечнем, утвержденным нормативными правовыми актами⁴. Кроме того, необходимо отметить, что не проводится предварительная оценка добросовестности юридических лиц и не осуществляется прогнозирование добросовестности действий сельскохозяйственных товаропроизводителей. Данное обстоятельство порождает распространение злоупотреблений и иных должностных преступлений.

Так, в апреле 2022 г. бухгалтер К., действуя в интересах семи индивидуальных предпринимателей, являющихся главами крестьянских (фермерских) хозяйств (далее — КФХ), по предварительной договоренности с ними, в целях хищения бюджетных денежных средств, выделенных в качестве субсидии на возмещение части затрат, предоставила в Комитет сельского хозяйства недостоверные сведения о наличии поголовья овцематок, об объемах производства и реализации продукции собственного производства, вследствие чего незаконно завладела бюджетными денежными средствами на общую сумму свыше 3 млн руб.

В 2023 г. в «...» выявлено два факта хищения бюджетных денежных средств главами КФХ, осуществляющими деятельность по переработке и консервации картофеля, посредством предоставления в Министерство агропромышленного комплекса «...» подложных документов для незаконного получения субсидии на возмещение части затрат на проведение комплекса агротехнических работ по по-

⁴ Подтверждается результатами оперативно-розыскной деятельности.

вышению плодородия почвы в рамках реализации государственной программы «Государственная поддержка агропромышленного комплекса ...». Общая сумма ущерба составила свыше 300 тыс. руб.

Сфера освоения бюджетных денежных средств, выделяемых на совершенствование сельского хозяйства, обладает следующими характерными чертами:

1) пренебрежение бухгалтерским учетом на предприятиях агропромышленного (сельскохозяйственного) комплекса и его «ручное» ведение без использования средств автоматизации;

2) формальный контроль (надзор) со стороны уполномоченных органов и прежде всего региональных министерств (управлений) сельского хозяйства и продовольствия России;

3) упрощенная процедура бухгалтерского учета, используемая в большинстве сельскохозяйственных организаций и КФХ;

4) неэффективность исследования документов первичной отчетности.

Следует отметить, что в должностные обязанности сотрудников регионального министерства (управления) сельского хозяйства и продовольствия не входит непосредственная проверка фактически выполненных работ и произведенных затрат при освоении субсидий. Пользуясь этим, недобросовестные организации (хозяйства) предоставляют фиктивные документы о понесенных затратах (выполненных полевых работах, закупке животных и оборудования, специальной техники, удобрений и др.).

Необходимо подчеркнуть, что доказать факт наличия умысла на хищение бюджетных денежных средств посредством их нецелевого использования при получении лицами, зарегистрированными в качестве КФХ или индивидуальных предпринимателей, гранта либо субсидии на возмещение части затрат нередко возможно только по истечении нескольких лет, срока, установленного подзаконными нормативными правовыми актами, как правило, носящими региональный характер.

При предоставлении необходимой отчетной документации, связанной с осуществлением соглашений, следственные органы при решении вопросов о возбуждении уголовных дел принимают во внимание, в том числе, и субъективную сторону противоправной деятельности получателей денежных средств. Большое внимание следственные органы обращают на качество собранного сотрудниками подразделений ЭБиПК проверочного материала.

Сведения, полученные в рамках оперативно-розыскной деятельности, выступают в качестве доказательственной базы. В данной ситуации выражается связь в соотношении предметов документиро-

вания и доказывания. Сущность документирования и его содержание отражают содержание предмета доказывания. Справедливо указывают Л. П. Ижнин и А. Г. Маркушин: «Если результаты документирования предполагается использовать в доказывании, то его предмет с необходимостью должен соответствовать предмету доказывания» [6, с. 475].

Результаты документирования служат первоначальной информацией для дальнейшего криминалистического и следственного анализа, а ее оценка осуществляется с точки зрения определения: «Относимости к целям и задачам расследования; допустимости к использованию в качестве доказательственной информации; достаточности для принятия решений по материалу; значимости для расследования в случае принятия какого-либо решения; достоверности; принятия решения о целесообразности использования специальных познаний и соответствующих тактических и методических приемов с учетом сложившейся ситуации» [7, с. 166].

Исследуемые проблемы порождаются сложившейся практикой использования бюджетных денежных средств, направленных сельскохозяйственными организациями и индивидуальными предпринимателями не на цели, которые предусмотрены субсидиями, а на цели, связанные с личной заинтересованностью представителей сельскохозяйственных товаропроизводителей. Так, судами рассматриваются затраты на приобретение личного автомобиля за счет субсидирования в связи с тем, что данное транспортное средство может использоваться в том числе в деятельности сельскохозяйственной организацией.

Сотрудниками подразделений ЭБиПК в целях прогнозирования развития криминогенной ситуации и выработки решений, направленных на противодействие преступлениям в исследуемой сфере, осуществляется сбор, обобщение и анализ поступающей (запрашиваемой) оперативно значимой информации. При этом следует отметить, что в некоторых регионах имеется практика, направленная на истребование документов по конкретному получателю субсидий, в отношении которого поступила оперативная информация о совершении преступлений.

Более рациональной представляется договоренность о систематическом централизованном предоставлении развернутой информации о результатах освоения средств государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей с последующим обновлением и корректировкой сведений по мере их изменений в электронном виде.

Для обеспечения возможности постоянного свободного доступа сотрудников подразделений ЭБиПК к массивам обновленной и вновь поступающей информации, а также в целях сохранности данных

сведений целесообразно исследуемую базу данных разместить в локально-вычислительной сети подразделений ЭБиПК территориальных МВД России на ведомственном информационном ресурсе «Портал экономической безопасности».

Подобная организация оперативно-служебной деятельности, на наш взгляд, позволит сотрудникам подразделений ЭБиПК беспрепятственно получать необходимые сведения об освоении бюджетных денежных средств на обслуживаемой территории, давать правовую оценку складывающейся в районе экономической ситуации и по мере необходимости планировать проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и документирование преступлений в исследуемой сфере.

Кроме того, доступ к достоверной информации освободит сотрудников ЭБиПК от необходимости подготовки и направления запросов в органы исполнительной власти и позволит в значительной степени сократить время на формирование материалов проверки, а также исключить случаи уничтожения или фальсификации первичной отчетной бухгалтерской документации после проявления интереса к тому или иному «бюджетополучателю субсидии».

Для организации оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК необходимо наладить взаимодействие с подразделениями министерств (управлений) сельского хозяйства и продовольствия субъектов РФ, осуществляющими прием и проверку отчетной документации, предоставляемой для возмещения части затрат, а равно проверку фактического использования выделенных грантов и субсидий. Следует отметить, что обязательным условием, содержащимся в соглашении о предоставлении субсидий, является согласие получателей субсидий, чтобы министерство и (или) органы государственного финансового контроля могли обеспечить соблюдение условий получателями бюджетных денежных средств, цели и процедуры их достижения (реализации).

Особая роль в выявлении и документировании различных преступлений в исследуемой сфере принадлежит территориальным органам Федерального казначейства, которые проверяют законность и обоснованность перечисления денежных средств и иных документов, связанных с использованием (расходом) бюджетных денежных средств и др.

Кроме того, в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности на постоянной основе должен происходить обмен информацией в рамках проводимых совещаний при участии всех вышеуказанных органов власти: МВД России, министерства (управления) сельского хозяйства и продовольствия, Казначейства России на территориальных уровнях

и других заинтересованных органов (министерств, служб, ведомств).

Повышению эффективности деятельности сотрудников подразделений ЭБиПК по выявлению и документированию преступлений, связанных с хищениями бюджетных денежных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства, будет способствовать проведение анализа оперативной обстановки на обслуживаемой территории, планирование комплекса оперативно-розыскных мероприятий по установлению лиц, подготавливающих и совершающих преступления, повышение наступательности при проведении оперативно-розыскных мероприятий по документированию преступной деятельности фигурантов.

Итак, в процессе выявления и документирования хищений бюджетных денежных средств необходимо принимать во внимание, что существует высокая вероятность наличия коррупционных связей между лицами из числа должностных лиц администраций, надзорных органов и учредителей (руководителей) сельскохозяйственных предприятий (организаций). Именно данные устойчивые криминальные связи облегчают организацию преступной деятельности в исследуемой сфере.

С одной стороны, представляются подложные (фальсифицированные) документы и выдвигаются незаконные обоснования получения денежных средств, с другой стороны — представленные документы должным образом не проверяются должностными лицами контролирующих органов, вследствие чего предоставляется преимущественное право в получении денежных средств в качестве субсидий [8, с. 249].

Для предупреждения, выявления и документирования исследуемых видов преступлений, а также увеличения эффективности оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК требуется осуществлять следующие мероприятия:

- 1) истребовать в министерстве (управлении) сельского хозяйства и продовольствия личные дела сельскохозяйственных организаций, получающих субсидии: наименование субсидий, порядок выплаты, предоставление документов первичной отчетности; провести их анализ;
- 2) истребовать финансовые и иные документы, представляемые сельскохозяйственными организациями в министерство (управление) сельского хозяйства и продовольствия;
- 3) истребовать сведения о внесении приобретенного имущества в автоматизированную информационную систему и о выдаче ветеринарных сертификатов;
- 4) путем встречной проверки сравнить фактическую оплату за приобретенные специальные средства, оборудование и (или) имущество с предъявлен-

ными в министерство (управление) сельского хозяйства и продовольствия документами. Если осуществляется безналичный расчет, необходимо установить и проанализировать движение денежных средств. При этом следует обращать внимание на возможный возврат денежных средств;

5) провести встречную проверку с контрагентами, от которых осуществлялись переводы денежных средств, для установления их аффилированности и фактического приобретения средств, оборудования и (или) имущества;

6) опросить представителей (должностных лиц) министерства (управления) сельского хозяйства и продовольствия и сельскохозяйственных организаций на предмет получения денежных средств в форме субсидий и их фактические траты.

На наш взгляд, целесообразно придерживаться следующего алгоритма действий при выявлении и документировании исследуемых видов преступлений (по форме — исследование).

1. Информационное обеспечение: определение порядка получения конкретной выплаты (денежных средств в виде субсидий) и условий ее предоставления на основании требований нормативных правовых документов; установление перечня необходи-

мых учетных и отчетных документов (например, правоустанавливающие документы, документы первичной ответственности, регистры бухгалтерского учета, бухгалтерские и статистические отчеты и др).

2. Подготовка к проведению документального исследования: установление достаточной отчетной документации в целях проведения исследования; определение необходимости получения информации от третьих лиц на основании запросов и подтверждений; определение необходимости проведения фактических мер противодействия и пресечения противоправных действий.

3. Проведение документального исследования: формальное (нормативно-правовое) изучение документов; исследование документов в целях установления криминалистически значимых фактов и обстоятельств; установление размера ущерба и круга лиц, создавших и подписавших поддельные (фиктивные) документы.

4. Подведение итогов и формулировка выводов. Заключение специалиста-аудитора (ревизора) оценивается по значимости и достоверности не только органом или лицом, назначившим исследование, но и им самим — с точки зрения реальности применения результатов в следственной практике.

Список источников

1. Яргутова В. Ю. Особенности документирования преступлений в сфере бюджетного финансирования сельскохозяйственных производителей // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4(32).
2. Пахомов С. В. К вопросу об источниках оперативно значимой информации, получаемой в ходе выявления преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса // Философия права. 2020. № 4(95).
3. Лукин В. К., Петров Д. В. Причины преступлений в бюджетной сфере и их устранение // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 15(1).
4. Лисовский Д. Г. Проблемы оперативно-розыскной профилактики преступлений в сфере освоения бюджетных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства // Закон и право. 2022. № 4.
5. Ларичев В. Д. Проблемные вопросы, возникающие в процессе выявления и документирования преступлений в сфере освоения бюджетных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства, и меры по их устранению // Научный портал МВД России. 2023. № 2(62).
6. Ижнин Л. П., Маркушин А. Г. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2(33).
7. Старцева Е. А. Криминалистический анализ исходной информации следователем со специалистами при расследовании преступлений в сфере строительства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25).
8. Акимов В. В. Некоторые особенности раскрытия и расследования хищений бюджетных средств, выделяемых в рамках государственных программ поддержки агропромышленного комплекса // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48).

УДК 342.518:342.55

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-241-246

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Система обеспечения безопасности в городах (на примере Королевства Испания)

Юлия Леонидовна Корабельникова

кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров¹,

✉ korable79@yandex.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

Проблема обеспечения безопасности городов, порожденная интенсивностью процесса урбанизации, является важнейшей для большинства государств мира. В условиях нарастания имеющихся и возникновения новых опасностей и угроз на современном этапе существования человечества международным сообществом в целом, а также отдельными государствами осуществляется построение и развитие более эффективной системы обеспечения безопасности. При этом историческое развитие и геополитические характеристики, межгосударственные связи, форма государства и многие другие факторы оказывают влияние на формирование общих и особенных черт в системе обеспечения безопасности. Практическая ценность научно обоснованного анализа зарубежного опыта организации и функционирования системы обеспечения безопасности на примере Королевства Испания состоит в выявлении подходов к ее обеспечению, показавших свою эффективность.

Ключевые слова: безопасность, город, полиция, партнерство, взаимодействие с общественностью, зарубежный опыт

Для цитирования: Корабельникова Ю. Л. Система обеспечения безопасности в городах (на примере Королевства Испания) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 241–246.

System of Providing Security in the Cities (exemplified by the Kingdom of Spain)

Yulia L. Korabelnikova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, doctorate student of the faculty
of Research and Pedagogical personnel training¹,

✉ qazxsw1232007@yandex.ru

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The problem of ensuring the security of cities, generated by the intensity of the urbanization process, is the most important one for most countries of the world. As existing hazards and threats increase and new ones emerge at the present stage of the existence of humankind, the international community as a whole, as well as individual states, is building and developing a more effective system of providing security. At the same time, historical development and geopolitical characteristics, interstate relations, the form of the state and many other factors influence the formation of common and special features in the system of ensuring security. The practical value of the scientifically substantiated analysis of foreign experience in the organization and functioning of the security system exemplified by the Kingdom of Spain lies in the identification of approaches to its provision, which have shown their effectiveness.

Keywords: security, city, police, partnership, interaction with the public, foreign experience

Citation: Korabelnikova Yu. L. System of Providing Security in the Cities (exemplified by the Kingdom of Spain). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 241–246 (In Russ.).

В конце XX в. во многих демократических странах происходят острые дискуссии теоретиков, политиков и практиков относительно системы и структуры обеспечения безопасности. Следует отметить,

что выстроенная в течение XX в. система профессиональной полиции, традиционное централизованное административное управление в сфере обеспечения безопасности в демократических государствах пере-

стало отвечать потребностям граждан в связи со своей бюрократизированностью, инертностью и неповоротливостью. Необходимость соблюдения стандартных административных процедур не позволяла действовать по ситуации в динамично изменяющихся условиях. В связи с чем потребовался поиск более эффективных способов обеспечения безопасности, пересмотр границ профессиональной полицейской деятельности.

Реформирование полицейской деятельности происходило в теоретической и практической плоскостях, развивались идеи превращения полиции в общественную службу и ее сближения с гражданами. В этот период среди исследователей большую популярность приобретает конструктивистский подход к обеспечению безопасности. Он состоит в том, что угрозы безопасности, как и весь социальный мир, рассматриваются в качестве имеющих социально сконструированную природу. В связи с этим акцент делается на субъективной стороне безопасности, которая определяется или даже «производится» всеми участниками (актерами) поля безопасности [1]. Обновленные концепции безопасности разрабатывались в контексте новых способов и принципов управления, получивших название «governance» (англ.) или «gouvernance» (фр.), что означает способ управления системой, состоящей из множества элементов (государство, местные органы власти, негосударственные организации, ассоциации, международные инстанции), которые располагают способностью принимать решения [2, с. 41]. Ведущую роль в проведении реформ в сфере обеспечения безопасности сыграло распространение принципов и идей концепции полиции, ориентированной на общество («Community policing»). К базовым принципам данной концепции относятся: совместная деятельность полиции и граждан по обеспечению безопасности, в результате которой происходит их сближение; основанные на реальном партнерстве взаимоотношения с представителями местного сообщества и органов власти; усиление профилактики в деятельности полиции [3, с. 82–83]. И если первоначально она появилась в демократических странах в соответствии с запросом общества, то впоследствии, показав свою эффективность, широко распространилась и в других странах.

Совершенствование системы обеспечения безопасности в практике различных государств отличалось и основывалось на тех особенностях, которые

были присущи государственным системам управления в течение длительного времени. Однако в связи с тесным взаимодействием европейских государств в них формируются общие подходы к данному процессу, которые реализуются в том числе посредством создания региональных международных организаций. Так, после учреждения в 1987 г. Европейского форума городской безопасности были созданы аналогичные национальные форумы (бельгийский, итальянский, испанский, немецкий, португальский, французский), которым он оказывает поддержку в разработке, внедрении и оценке местной политики безопасности.

Одним из государств Европы, которое заслуживает внимания в контексте проводимой политики в отношении безопасности, является Королевство Испания. Рубежным этапом в истории страны служит период демократического транзита середины 1970-х гг. Важнейшим его результатом становится закрепление в Основном законе государства 1978 г. возможности создания региональных политических институтов, которые рассматриваются как часть децентрализации государственного управления в общем контексте демократического процесса. В результате автономным сообществам, территориальным по своей сущности, придается политическая субъектность [4, с. 63]. Развитие региональной идентичности, а также отдельные реформы центрального правительства усиливали политическую самостоятельность испанских автономий, что свидетельствует о фактической федерализации унитарного по Конституции государства [5, с. 88]. Это получило отражение в нормативном закреплении и практической реализации системы и структуры органов публичной власти в государстве. Одним из ее важнейших звеньев являются органы внутренней безопасности Испании, которые состоят из: 1) сил и органов государственной безопасности, подчиняющихся правительству страны, которые согласно ст. 104 Конституции «имеют в качестве своей задачи защиту свободного осуществления прав и свобод граждан и обеспечение их безопасности»¹; 2) органов полиции, находящихся в ведении автономных сообществ и 3) органов полиции, подчиняющихся муниципалитетам².

Министерство внутренних дел Испании осуществляет руководство общенациональными органами внутренней безопасности. К ним относятся главные управления: полиции, гражданской гвардии, по международным отношениям и делам иностранцев, коор-

¹ Конституция Королевства Испании. Ратифицирована на референдуме 6 декабря 1978 г.: санкционирована Королем Испании 27 декабря 1978 г. // Официальный вестник Королевства Испания. «BOE» № 311 от 29 декабря 1978 г. С. 29313-29424. URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)) (дата обращения: 23.03.2024).

² Органический закон 2/1986 от 13 марта 1986 г. о силах и органах безопасности. Официальный вестник Королевства Испания. «BOE» № 63 от 14 марта 1986 г. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1986-6859> (дата обращения: 25.03.2024).

динации и исследований, находящиеся под управлением Государственного секретариата безопасности³. Основной чертой, определяющей профессиональный профиль Национальной полиции, является ее ярко выраженный городской характер. Именно необходимость обеспечения безопасности в испанских городах определила, что в 1824 г. Его Величество король Фердинанд VII издал Королевский указ о создании Генеральной полиции Королевства, которая с самого начала подчинялась магистрату с титулом Генерального суперинтенданта.

Примечательно, что Бюллетень 1824 г. устанавливает двойную функцию, которую выполняет и современная полиция. С одной стороны, обеспечить свободное осуществление прав граждан путем преследования тех, кто их нарушает, и передачи их в руки правосудия. С другой стороны, «гарантировать добро и общественную безопасность». Это послание находит отклик в современном стремлении структур управления предоставлять услуги, обеспечивающие благополучие и необходимое качество жизни граждан⁴. Таким образом, с момента учреждения Национальная полиция является социально ориентированным органом обеспечения безопасности.

Городской характер деятельности современной Национальной полиции подтверждается действующим Органическим законом, где определено, что Национальная полиция выполняет функции по обеспечению безопасности в столицах провинций, а также в муниципальных и городских центрах, определенных правительством, а Гражданская гвардия — на остальной части национальной территории и в территориальном море⁵.

Как уже отмечалось выше, в связи с децентрализацией государства Конституцией Испании автономным сообществам также предоставлено право создания полицейских служб (п. 29 а). Полиция автономий создана и функционирует, например, в Каталонии (Mossos d'Esquadra), в Наварре (Policía Foral), в Стране Басков (Ertzaintza). Компетенция полицейских органов автономий ограничивается сферами их ведения, а также предусматривает сотрудничество с государственными органами. Для обеспечения координации общей политики общественной безопасности в автономиях создается Совет по политике безопасности, который возглавляет министр внутренних дел Испании. В его состав входят министры внутренних

дел или советники правительства автономных сообществ и такое же число представителей государства, назначаемых правительством страны.

Так, в Каталонии обеспечение безопасности автономного сообщества возложено на Правительство Каталонии, органы полиции, другие государственные и частные службы безопасности, граждан, существенную роль в этом процессе играют координационные органы по вопросам безопасности.

В числе общих принципов организации системы общественной безопасности Каталонии следует выделить: близость к гражданам и децентрализацию; деятельность в соответствии с общественным запросом; координацию и сотрудничество между органами власти, администрациями и службами, задействованными в обеспечении безопасности.

Правительство Каталонии утверждает Общий план безопасности, который должен интегрировать прогнозы общих рисков, чрезвычайных ситуаций, безопасности дорожного движения и других, оказывающих влияние на общественный порядок и безопасность людей и собственности в Каталонии, действия и средства в сфере общественной безопасности. Общий план безопасности формируется раз в два года, если фактические обстоятельства не требуют его пересмотра ранее этого срока, в нем устанавливаются руководящие принципы для подготовки местных и региональных планов безопасности в целях их интеграции, при составлении учитываются рекомендации Совета по политике безопасности Испании.

Полиция Женералитета (Mossos d'Esquadra) действует на всей территории Каталонии и выполняет функции, свойственные полиции, в следующих сферах: безопасность граждан и общественный порядок; административная полиция; судебная полиция и уголовные расследования⁶. На конституционном уровне также предусмотрено создание местной полиции (ст.148.22а). Полиция Женералитета и полицейские местные советы (могут называться «местная» или «муниципальная полиция») образуют полицию Каталонии. Женералитет осуществляет верховное руководство Mossos d'Esquadra и координацию деятельности подразделений местной полицией.

Приоритетной для внедрения инструментов, процедур и методов полицейской координации в Испании является модель территориального распреде-

³ Королевский указ 207/2024 от 27 февраля 2024 г., определяющий основную организационную структуру Министерства внутренних дел Испании (ч. 5 ст. 1) // Официальный вестник Королевства Испания. «BOE» № 52 от 28 февраля 2024 г. URL: <https://www.boe.es/eli/es/rd/2024/02/27/207/con> (дата обращения: 23.04.2024).

⁴ Официальный сайт Национальной полиции Испании. URL: https://www.policia.es/_es/tupolicia_conocenos.php (дата обращения: 25.03.2024).

⁵ Органический закон 2/1986 от 13 марта 1986 г. о силах и органах безопасности. Официальный вестник Королевства Испания. «BOE» № 63 от 14 марта 1986 г.

⁶ Статут Каталонии, 2006 (Estatut d'Autonomia de Catalunya de 2006). (Ст. 164, п. 30) // Библиотека конституций. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1761> (дата обращения: 22.04.2024).

ления. Города с населением более 10 тысяч человек имеют право на создание органов местной полиции. В исключительных случаях возможно создание таких органов в меньших по количеству населения городах. Местное полицейское управление каждого города должно быть объединено в единый орган, и его компетенция должна согласовываться с компетенцией соответствующего муниципалитета. Учитывая, что создание местной полиции не является обязанностью муниципалитетов, в некоторых из них действуют только правительственные органы полиции, в других есть только местная полиция, а в ряде городов наряду с комиссарами правительственной полиции функционируют местные органы.

Партнерские отношения в сфере обеспечения безопасности, а также установление общей, солидарной ответственности за ее обеспечение в городах прямо предусматриваются Законом № 4/2003 от 7 апреля 2003 г. «Об организации системы общественной безопасности Каталонии»: «Система общественной безопасности Каталонии основана на принципах сотрудничества, кооперации, институциональной лояльности и взаимной помощи между органами власти, администрацией и общественными службами, несущими ответственность в области безопасности»⁷.

Более того, закон включает культуру совместной ответственности, посредством которой Женеалитет Каталонии и муниципальные советы развивают местные советы и региональные комиссии по безопасности, а также инструменты планирования и координации, в их числе — соглашения о сотрудничестве, планы безопасности. Мэр признается высшим органом власти в вопросах безопасности в рамках своих полномочий, на него возлагается руководство местной полицией.

Сфера деятельности местной полиции охватывает территорию соответствующего города. Разница в численности определяется прежде всего количеством населения муниципалитета, в некоторых из них полицейские подразделения состоят из 4–5 агентов, в то время как в Городской гвардии Барселоны насчитывается около 3000 агентов. Следует отметить особый статус муниципального округа Барселона, установленный ст. 89 Статута Каталонии.

Муниципалитеты обладают собственными полномочиями в области обеспечения безопасности в общественных местах, регулирования дорожного движения, гражданской защиты, градостроительной дисциплины, охраны окружающей среды, охраны здоровья населения, общественного транспорта, энергоснабжения. Деятельность местной полиции, которая имеет право, в частности, применять оружие, производить арест, является определяющей в обеспе-

чении общественной безопасности. Тем не менее ее координация со всеми службами, работающими в муниципалитете, направлена на создание эффективной и качественной системы безопасности в целом.

На орган, отвечающий за общественную безопасность Каталонии, возлагается ответственность за эффективную координацию деятельности местной полиции. Объем и условия оказания взаимной помощи полиции Каталонии и местной полиции устанавливаются соглашением. Кроме того, они имеют право подписывать соглашения о сотрудничестве, в том числе разграничивающие их полномочия, причем на законодательном уровне устанавливается перечень полномочий, которые должны осуществляться полицией Женеалитета, могут осуществляться местной полицией, а также ими совместно. Важным законодательным положением является гарантирование сопоставимости содержания и качества услуг безопасности, оказываемых гражданам, независимо от места их проживания.

Таким образом, в Испании реализуется так называемая федеративно-автономная модель организации сил внутренней безопасности. Она характеризуется тем, что, с одной стороны, данная сфера деятельности находится в исключительной компетенции Испанского государства. С другой стороны, государство делегирует свои полномочия автономным сообществам в целях повышения эффективности обеспечения безопасности на соответствующей территории и усиления контроля со стороны субъектов обеспечения безопасности друг за другом. Однако весьма важным с точки зрения внутреннего суверенитета страны представляется то, что государство сохраняет за собой возможность оперативного и нормативного вмешательства, гарантируя таким образом единый режим законности на всей своей территории [6, с. 151].

Повышению эффективности деятельности субъектов, участвующих в обеспечении безопасности, способствует ее координация в рамках отдельных органов, созданных на различных уровнях управления и формирующих горизонтальные и вертикальные связи в целях согласования как собственной, так и совместной деятельности. К таким органам на уровне автономного сообщества можно отнести следующие.

1. *Совет Безопасности Каталонии*. Является высшим органом, координирующим деятельность полиции, сил и органов безопасности автономии. Его возглавляет министр внутренних дел Каталонии. В состав входят представители Женеалитата, местных администраций, общественных организаций и, если это согласовано с государством, — представители государственной администрации, судебной власти и прокуратуры. Участниками Совета Безопас-

⁷ Юридический портал Каталонии. URL: <https://dogc.gencat.cat/ca/document-del-dogc/?documentId=328396> (дата обращения: 26.03.2024).

ности являются также конкретные представители Комиссий: гражданской защиты, по дорожному движению и безопасности дорожного движения, по борьбе с насилием на спортивных мероприятиях, Консультативного совета по выступлениям и развлекательным мероприятиям, Координационного совета частной безопасности и Комитета по контролю за средствами видеонаблюдения.

2. *Правительственная комиссия по безопасности, которая должна обеспечить координацию действий государственных органов, участвующих в обеспечении безопасности, а также реализацию общей политики безопасности конкретными ведомствами.* В состав Правительственной комиссии по безопасности входят Президент Женералитета или Вице-президент (в случае отсутствия Президента), который ее возглавляет, и руководители ведомств, отвечающих за вопросы общественной безопасности, иммиграции, правосудия, защиты несовершеннолетних, борьбы с гендерным насилием, органов социальной защиты, здравоохранения, образования, промышленности, торговли, защиты прав потребителей, туризма, защиты окружающей среды, экономики и финансов⁸. Как видно, содержание безопасности понимается достаточно широко и обеспечивается органами, реализующими деятельность в различных сферах жизнедеятельности.

3. *Полицейская комиссия Каталонии, которая является коллегиальным консультативным органом, отвечающим за координацию действий между полицией автономии и местной полицией.* По решению комиссии могут создаваться подкомитеты и рабочие группы, постоянные или временные, для анализа совместной деятельности и дачи рекомендаций по ее совершенствованию. Как правило, в них входит министр внутренних дел, по пять членов, представляющих Правительство автономии и муниципальные советы.

В муниципальных образованиях органом, координирующим деятельность полиции и других служб, а также граждан в сфере обеспечения безопасности, является местный совет по безопасности, который возглавляет мэр. В его состав входят представитель Правительства автономии, член совета автономии по вопросам общественной безопасности, начальник полицейского участка автономии, начальник местной полиции. По согласованию с государственной администрацией могут входить руководители Гражданской гвардии и Национальной полиции, при необходимости — представители органов судебной власти и прокуратуры. Могут быть приглашены объединения жителей и отдельные граждане. Местные советы по безопасности определяют политику безопасности,

подготавливают и утверждают местный план обеспечения безопасности и конкретные мероприятия по его реализации, с учетом иных планов или мер по обеспечению безопасности, ежемесячно осуществляют контроль за их исполнением. Кроме того, могут разрабатывать и утверждать сезонные, специальные и иные планы безопасности, исходя из ситуации в городе.

В целях координации и сотрудничества различных органов и служб безопасности городов в них создаются постоянно действующие оперативные координационные советы. В состав входят руководители полицейского управления автономии и местной полиции, которые являются членами местного совета по безопасности, а также иных служб безопасности, определяемых местным советом. К их функциям относится выполнение постановлений местных советов безопасности, обмен информацией между полицией и службами безопасности города, обеспечение оперативной координации их деятельности, представление местному совету предложений по совершенствованию сотрудничества в сфере безопасности. При этом установлено, что силы безопасности должны действовать по непосредственным приказам соответствующих руководителей органов.

Таким образом, созданная в 1824 г. Национальная полиция продолжает играть важную роль в обеспечении безопасности городов, выполняя возложенные на нее функции. Однако, учитывая, что Испания признается государством автономий, обеспечение безопасности возложено не только на органы государства, подчиняющиеся правительству, но и автономных сообществ, а также муниципалитетов. Для координации их деятельности создаются советы безопасности различного уровня, составляются совместные планы безопасности, носящие как общий, так и специальный характер. К обеспечению безопасности, помимо полицейских органов, привлекаются различные службы, общественные организации, граждане. Важно подчеркнуть значение местных органов власти в обеспечении безопасности городов, что определяется их приближенностью к населению, обладанием достоверной информацией о проблемах городского развития. Ответственность за обеспечение безопасности распространяется также на все субъекты, участвующие в этом процессе. Таким образом, в Испании реализуется партнерская модель обеспечения безопасности, получившая распространение в демократических государствах, главными принципами которой являются социальная ориентированность, децентрализация, сотрудничество, солидарная ответственность всех субъектов, участвующих в обеспечении безопасности, взаимный контроль.

⁸ Закон 4/2003 от 7 апреля об организации системы общественной безопасности в Каталонии // Юридический портал Каталонии. URL: <https://dogc.gencat.cat/ca/document-del-dogc/?documentId=328396> (дата обращения: 26.03.2024).

Список источников

1. *Ceyhan A.* Analyser la sécurité: Dillon, Waever, Williams et les autres // *Cultures & Conflicts*. 1998. № 31–32. URL: <http://conflicts.revues.org/index541.html> (дата обращения: 24.03.2024).
2. *Андреева И. А.* Партнерство во имя безопасности: система совместного «производства» внутренней безопасности во Франции // *Право и безопасность*. 2012. № 1.
3. *Андреева И. А.* Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII — начало XXI вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015.
4. *Прохоренко И. Л.* Потенциал реформирования государства автономий // *Испания на выходе из кризиса*. М., 2015.
5. *Хайруллин Э. Р.* Проблемы безопасности Испании в контексте европейской интеграции // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2021. Т. 8, № 1(29).
6. *Астапенко П. Н.* Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского Союза и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

УДК 342

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-247-251

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Субъекты управления в сфере обеспечения безопасности государства и защиты жизненных ценностей граждан¹

Елена Владимировна Позднякова

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и трудового права¹,

✉ elena.pozdnakova@mail.ru

¹ Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Управление в сфере обеспечения безопасности является исполнительной деятельностью государства, которая направлена на реализацию разнообразных мер в сфере жизнедеятельности человека. Эти меры могут быть правовыми, экономическими, организационными и т. п. Они определяются государством и соответствуют угрозам незаконного вмешательства в общественные отношения. Обеспечение безопасности государства осуществляется путем взаимодействия различных органов государственной власти, а также повышения эффективности такого взаимодействия. Управление в сфере обеспечения безопасности и защиты жизненных ценностей человека представляет собой комплекс правовых средств, который включает различные виды прав и обязанностей государства, таких как юридические, организационные, административные и другие. Органы государственной власти реализуют данные обязанности, направляя свою деятельность на защиту человека и гражданина.

Ключевые слова: безопасность, иностранное вмешательство, должностное лицо, президентская власть, государственная власть, органы государственной власти, юридическая защита

Для цитирования: Позднякова Е. В. Субъекты управления в сфере обеспечения безопасности государства и защиты жизненных ценностей граждан // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 247–251.

Subjects of Administration in Providing Security of the State and Protection of Citizens' Life Values

Elena V. Pozdnyakova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, head of the chair of Administrative and Labour Law¹,

✉ elena.pozdnakova@mail.ru

¹ South-West State University (Kursk, Russia)

Management in the sphere of ensuring security is an executive activity of the state, which is aimed at implementing a variety of measures in the sphere of human activities. These measures can be of legal, economic, organizational character, etc. They are determined by the state and correspond to the threats of illegal interference into social relations. Ensuring the security of the state is carried out through the interaction of various public authorities, as well as improving the effectiveness of such interaction. Governance in the sphere of ensuring security and protection of human life values is a complex of legal means, which includes various types of rights and duties of the state, such as legal, organizational, administrative and others. Public authorities realize these responsibilities by directing their activities towards the protection of man and the citizen.

Keywords: security, foreign interference, official, presidential power, state power, public authorities, legal protection

Citation: Pozdnyakova E. V. Subjects of Administration in Providing Security of the State and Protection of Citizens' Life Values. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 247–251 (In Russ.).

Важнейшую роль в трансформации юридических средств безопасности общества играет институт высшего должностного лица в Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ Президент РФ является гарантом прав и свобод человека

и гражданина. Согласно статье 80 главного юридического документа в обязанности высшего должностного лица страны входит осуществление гарантии на обеспечение юридического статуса граждан в законодательном поле [1, с. 21], в том числе он обладает

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

исключительным правом в предложении законодательных инициатив гражданскому обществу. В большинстве случаев в той или иной степени данные предложения регулируют права и свободы человека и гражданина. В свою очередь Президент РФ, выступающий в качестве гаранта высшего юридического источника прав и свобод человека и гражданина, а также в роли руководителя страны, вправе отклонить нормы актов Правительства РФ в случае несоответствия их Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента Российской Федерации.

Согласно статье 83 Конституции Российской Федерации Президент назначает Председателя Правительства Российской Федерации, кандидатура которого утверждена Государственной Думой; осуществляет общее руководство и вправе председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации; принимает решение об отставке Правительства Российской Федерации; назначает на должность заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой; утверждает военную доктрину Российской Федерации; назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, в определенных случаях вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение (ст. 87 Конституции РФ); при обстоятельствах и в порядке, предусмотренном федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение в соответствии со статьями 88 высшего правового источника — Конституции РФ.

Исходя из этого можно сказать, что исполнительные органы и президентский контроль в принципе имеют системно-управленческую направленность. Но стоит отметить, что осуществлению президентских функций в рамках обеспечения безопасности государственно-общественного порядка присущи специфические черты, представленные большим перечнем функциональных обязанностей.

При этом должностное лицо, обладающее высшим статусом в стране (Президент РФ), является главным источником реализации системных полномочий в органах публичной власти и в конституционных органах государственного значения (Государственный Совет РФ).

Так, Государственный Совет является государственным органом, содействующим реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения функционирования и взаимодействия органов публичной власти². Президент действует также и через различные структуры и органы, создаваемые им в соответствии со ст. 83 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, согласно действующему указу Президента Российской Федерации от 25 марта 2004 г. № 400 закреплено предназначение важного органа президентской власти, а именно Администрации Президента РФ, который регламентирует контрольно-организационную политику в сфере обеспечения исполнения управленческих задач высшим должностным лицом³.

Данная государственная организация во взаимодействии с Президентом РФ согласно текущему законодательству наделяется особым правовым статусом, состоящим из регулятивной структуры, имеющей разносторонний и многоступенчатый характер. Стоит отметить, что специфика вышеупомянутого государственного аппарата раскрывает порядок реализации президентской власти и учитывает функциональную роль государственных органов в надлежущем формировании контроля за управленческим строем в Российской Федерации [2]. Так, в правовом русле институты государственной власти, с одной стороны, регламентируют поддержку жизнедеятельности социума, а с другой — обеспечивают равенство между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в целях недопущения организационных конфликтов между ними.

В рамках защиты демократического правового государства от внутренних и внешних угроз высшее должностное лицо страны вправе формировать Указы, не урегулированные настоящим законодательством, касающиеся охраны прав и свобод гражданина. При таком положении вещей главным элементом в регулировании юридического статуса физических лиц выступают послания Президента РФ, определяющие основной вектор развития в области обеспечения прав человека на достойные условия проживания в стране.

В свою очередь высшее должностное лицо Российской Федерации консолидирует всю государственную систему и охраняет конституционный строй управленческого механизма. Любой государственный институт, обладающий необходимыми полномочиями, осуществляет в своей деятельности юридический анализ эффективности нормативных элементов по должной защите традиционных ценностей в общественной среде. Кроме того, непосред-

² О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об Администрации Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 25 марта 2004 г. № 400.

ственно сам Президент РФ, обладая главными полномочиями согласно действующему законодательству или привлекая широкий спектр аппарата власти, может регламентировать данные стратегические направления в полном объеме.

В результате можно отметить, что высшее должностное лицо страны играет большую роль в регулировании деятельности органов государственной власти, лиц, исполняющих должностные обязанности по защите прав граждан, а также социально-общественных объединений в целях обеспечения функционирования гражданского общества на федеральном уровне.

Таким образом, «государственная машина» обязана исполнять нормативные компетенции на надлежащем и добросовестном уровне, исходя из действующего законодательства. Иначе в случае нарушения возложенных на должностных лиц полномочий Президент РФ имеет право применить комплекс мер санкционного характера для повышения эффективности деятельности органов власти по обеспечению защиты ценностных ориентиров общества [3]. К тому же высшее должностное лицо страны, являясь гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, проводит мероприятия правового содержания, которые выражаются в юридическом анализе жизненных интересов граждан [4, с. 34–35].

Важно отметить, что в системе институтов, ответственных за анализ деятельности в этой сфере, значительную роль играют законодательные органы: Федеральное Собрание Российской Федерации, его палаты, а также законодательные органы власти субъектов Федерации. Основные функции законодательных органов включают принятие законов и внесение изменений в действующие законодательные акты. При этом законодательные органы также взаимодействуют в сфере защиты прав.

Например, в некоторых странах парламенты имеют право давать авторитетное толкование своих законов с помощью своих решений. Это авторитетное толкование играет ключевую роль в применении законодательных актов, что является важным как для обеспечения эффективности норм закона, так и для защиты субъективных прав граждан [5].

Хотя в России не установлен институт аутентичного толкования, государственные и муниципальные органы, должностные лица, организации и отдельные граждане все же обращаются в Государственную Думу с просьбами разъяснить конкретные положения федеральных законов, особенно новых, по которым еще не сложилась практика применения.

Депутаты Государственной Думы осуществляют приём избирателей, в ходе которого они получают обращения от отдельных лиц и групп. В результате депутаты имеют возможность направлять различные запросы, ходатайства и другие обращения различным органам и должностным лицам.

При осуществлении своих полномочий депутаты Совета Федерации не имеют права отдавать приказы или распоряжения, даже в рамках парламентского контроля. Однако авторитет законодательной власти и народных избранников побуждает государственные и муниципальные органы, а также должностных лиц глубже изучать проблемы, поднятые гражданами в их обращениях.

Кроме того, депутаты обычно направляют обращения определенным государственным или муниципальным органам или должностным лицам после тщательного изучения вопроса с привлечением экспертов. Таким образом, в этих обращениях могут содержаться конкретные предложения и рекомендации, которые государственные или муниципальные органы или их должностные лица не могут оставить без внимания. Это способствует эффективной юридической защите субъективных прав и законных интересов отдельных лиц [5].

В России охрана прав человека осуществляется компетентными государственными структурами на федеральном, региональном и местном уровнях. На территории страны исполнительную власть возглавляет Правительство Российской Федерации. Согласно статье 23 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» на высший орган исполнительной власти накладываются функциональные полномочия по реализации задач, связанных с разработкой и реализацией государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; осуществлением мер по обеспечению законности, прав и свобод человека и гражданина, по охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями; обеспечением функционирования судебных инстанций⁴.

При регламентации вышеуказанных задач в части долгосрочного планирования⁵ высший орган исполнительной власти и его структурные подразделения в рамках поступления обращений граждан объясняют субъектам общественных отношений в электронном формате процессы функционирования настоящего законодательства, а также направляют в компетентные органы проблемные вопросы социально-правового характера для дальнейшего

⁴ О Правительстве Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ.

⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

их решения. В том числе такими же обязанностями обладают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Кроме того, текущие нормативно-правовые акты налагают на гражданских служащих федерального значения обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, а приоритет прав и свобод личности возведен в принцип государственной службы. Данный принцип взаимосвязан с другим принципом государственной службы — профессионализма и компетентности служащих⁶. Защита прав и свобод человека осуществляется в виде оказания юридической защиты в соответствии с действующим законодательством.

Названные принципы являются также основными принципами муниципальной службы в Российской Федерации⁷.

Публичная оценка эффективности юридических средств защиты жизненных ценностей человека, которую выражают государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица, имеет важное значение в правовой практике. Однако из-за преимущественно информационного и консультативного характера эта практика обычно рассматривается отдельно от положений ст. 48 Конституции Российской Федерации. Это объясняет отсутствие механизма привлечения к юридической ответственности в российском законодательстве как органов государственной власти, так и их должностных лиц за некачественную юридическую защиту, что нельзя считать правильным и соответствующим конституционным принципам России.

Механизмы обеспечения эффективности конституционного права субъекты Российской Федерации определяют на своих территориях самостоятельно, устанавливая, кроме того, дополнительные категории имеющих право на такую защиту граждан, количество документов, необходимых для получения юридической защиты, и объем средств защиты, предоставляемых для обеспечения жизненных ценностей человека.

Право на юридическую защиту гарантировано Конституцией. Конституционной обязанностью государства является предоставление данного права. Как повышение уровня гарантий реализации конституционного права на защиту интересов личности может быть представлено расширение возможностей для реализации этого конституционного права в отдельных субъектах Российской Федерации. В то же время это может быть способом предотвращения снижения уровня общественной безопасности. Поэтому важ-

но, чтобы при оценке эффективности используемых средств защиты были объективные основания для определения степени оправданности такой оценки.

Министерство юстиции РФ также регулирует организационно-правовые отношения в сфере юридической защиты государственно-общественного строя от иностранного вмешательства. Данный институт государственной власти выполняет важнейшие контрольные, надзорные и методические функции в анализируемой сфере, хотя не дает окончательной оценки эффективности юридических средств защиты жизненных интересов личности.

При этом следует отметить важную роль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» был издан в 1997 г.⁸ Согласно этому нормативному правовому источнику должностное лицо в принятии соответствующих решений не зависит от органов государственной власти, а также не находится в состоянии противоборства с данными структурами, руководствуясь на своей службе только Конституцией РФ и действующим отечественным законодательством. Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными юридическими принципами и нормами [6, с. 25]. В целом можно констатировать, что юридические функции данного должностного лица обеспечивают поддержание законности и правопорядка на всей территории Российской Федерации. Причем деятельность Уполномоченного, дополняя существующие средства защиты прав и свобод гражданина, не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивает защиту и восстановление нарушенных прав и свобод [6, с. 25].

Оценку системе управления безопасностью и применения юридических средств защищенности жизненных интересов личности вправе давать органы прокуратуры. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства органы прокуратуры исполняют надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина⁹. Прокурорский контроль внедряется в федеральные министерства, службы, агентства и иные федеральные органы исполнительной власти, представи-

⁶ О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

⁷ О муниципальной службе в Российской Федерации : федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ.

⁸ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ.

⁹ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1.

тельные (законодательные) и исполнительные органы субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, военно-политические структуры, органы контрольно-надзорной деятельности, а также управленческо-системные организации и др. [7]

Одним из главных направлений деятельности органов прокуратуры является надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В группу контрольно-надзорных функций органов прокуратуры входят компетенции прокурорских работников, включающие разъяснительные мероприятия пострадавшим гражданам в случае нарушения их правового статуса [8].

Таким образом, для управления в сфере обеспечения безопасности необходима реализация высоко-

эффективной государственной политики в данной сфере всеми субъектами управления с учетом современных внутригосударственных, геополитических, международных, экономических, военных и социокультурных условий. Суть данной политики должна сводиться к возможности беспрепятственного взаимного контроля органов государственной власти, участвующих в обеспечении безопасности страны. Иными словами, бездействие конкретного органа власти (или недостаточное реагирование на нарушение закона) должно «компенсироваться» реакцией другого органа. При таком подходе действительным приоритетом в системе ценностей будет безопасность государства и, как следствие, состояние защищенности прав и свобод каждого.

Список источников

1. *Лебедев В. А.* Гарантирующая роль Президента РФ в механизме охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина // Проблемы права. 2017. № 5(64).
2. *Конин Н. М.* Правовой статус Президента Российской Федерации и его администрации в системе исполнительной власти России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3(85).
3. *Миронов А. Л.* Реализация конституционного права человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
4. *Конджакулян К. М., Дикаева М. А.* Президент Российской Федерации и исполнительная власть. Вопросы взаимодействия // Государственная служба и кадры. 2021. № 2.
5. *Ботнев В. К.* Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
6. *Москалькова Т. Н.* Институт уполномоченного по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 4.
7. *Соловьев А. А.* Прокурорский надзор за соблюдением экономических прав граждан : монография. Астрахань, 2023.
8. *Миронов А. Л.* Реализация конституционного права человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи при осуществлении правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

УДК 343.01

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-252-256

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Информационная природа состава преступления

Александр Александрович Турышев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права¹,

✉ lawtech15@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Анализируются существующие в теории уголовного права точки зрения относительно природы состава преступления и выдвигаются аргументы в пользу его самостоятельной сущности. Производится соотнесение явлений преступления и состава преступления, последний определяется через термин «описание». Установленная информационная природа состава преступления делает его индифферентным к местонахождению. Как структурированное описание, состав преступления позволяет приводить общественно опасное поведение к единой форме. Он может реализовываться в описании множеств элементов в следующих областях: в уголовном законе, в сознании человека и процессуальных документах. Тем самым состав преступления выступает в роли фильтра, при квалификации отделяющего юридически значимые элементы от иных. Авторское определение природы состава преступления позволило выявить предназначение, сущность, формы и виды описания по степени конкретизации.

Ключевые слова: состав преступления, природа состава преступления, структурированное описание преступления, сущность состава преступления, теория состава преступления

Для цитирования: Турышев А. А. Информационная природа состава преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 252–256.

Informational Nature of Corpus Delicti

Alexandr A. Turyshev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Law¹,

✉ lawtech15@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The points of view existing in the theory of criminal law concerning the nature of the corpus delicti are analyzed, arguments in support of its independent essence being proposed. The correlation between the phenomena of crime and the corpus delicti is made, the latter being defined through the term 'description'. The established informational nature of the corpus delicti makes it indifferent to the location. As a structured description, the corpus delicti makes it possible to narrow down socially dangerous behaviour to a single form. It can be realized in the description of sets of elements in the following areas: in the criminal law, in the human mind and in procedural documents. Thus, the corpus delicti acts as a filter, which separates legally significant elements from other elements during qualification. The author's definition of the nature of the corpus delicti enables him to identify the purpose, essence, forms and types of description by the degree of concretization.

Keywords: corpus delicti, nature of corpus delicti, structured description of crime, essence of corpus delicti, theory of corpus delicti

Citation: Turyshev A. A. Informational Nature of Corpus Delicti. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 252–256 (In Russ.).

Вопрос о природе состава преступления возник не случайно, его решение влияет на установление понятия, выявление сущности, содержания и формы, а также соотношение с другими правовыми явлениями. Так, Н. Ф. Кузнецова считает, что «проблема квалификации (в целом уголовной ответственности) не разрешена по причине неразрешения до сих пор в уголовном праве вопроса о правовой природе преступления и его состава. Похоже, за целых полвека отечественным теоретикам уголовного права не удалось устранить имеющиеся противоречия в пони-

мании юридической природы преступления и его состава, возникающие в связи с двойственностью в трактовке состава преступления» [1, с. 45]. На несогласованность положений, составляющих концепцию преступления и состава преступления, лежащих в основе многих институтов уголовного права, указывает И. Я. Гонтарь: «Если преступление является юридическим фактом уголовного правоотношения, то почему тогда состав преступления признается основанием уголовной ответственности? Если состав преступления — основание уголовной ответствен-

ности, то чем он является в действительности — законодательным понятием или явлением, потому что только реальное явление может обуславливать возникновение правоотношения» [2, с. 5]. Подобные возражения позволяют задуматься, отключиться от «известных истин» и взглянуть на исследуемую область новым взглядом, увидеть и понять сущность, а в итоге предложить на текущем историческом этапе развития уголовного права новую модель взаимодействия и сущностного наполнения конструкции «преступление — состав преступления». Правильные вопросы задает И. Я. Гонтарь о составе преступления: «Где, в какой сфере действительности — в поведении людей или в уголовном законе — содержится состав преступления?» [2, с. 66]. Видимо, без понимания этого невозможно выстроить правильную модель оценки человеческого поведения в рамках уголовного права. Значит, выход один: устанавливать природу состава преступления.

В науке уголовного права можно выделить несколько подходов к пониманию состава преступления: 1) объективистский подход рассматривает его как явление объективной действительности, результат описания совершенного преступления или реальный состав; 2) нормативистский — состав преступления относится к юридической действительности как результат формулировки законодателем преступления в уголовном законе или нормативный состав; 3) промежуточный — состав преступления относится как к закону, так и к преступлению.

Вместе с тем существуют научные мнения, отрицающие состав преступления как таковой. В свое время П. А. Фефелов высказал интересную мысль, что преступление и состав преступления являются тождественными с точки зрения их объема и различаются лишь по своей конструкции [3, с. 85–87]. По поводу соотношения преступления и состава преступления И. Я. Гонтарь считает, что «они оба отражают один и тот же класс явлений и по существу представляют собой разную словесную форму одного и того же понятия. То, что в течение длительного времени в науке уголовного права принимается за понятие состава преступления, на самом деле является всего-навсего парафразом понятия преступления» [2, с. 82]. Однако это не совсем так, очень редко в науке существуют явления, названные по-разному, но имеющие одинаковый объем и назначение. Считаю, что преступление и состав преступления — понятия разные, обладающие собственным смысловым объемом каждое.

В изначальной позиции состав преступления отождествляли с поведением лица (следуя традиции *corpus delicti*). Так, В. С. Прохоров, определяя состав преступления совокупностью установленных уголовным законом признаков конкретного обществен-

но опасного деяния, утверждает, что состав преступления есть форма бытия преступления, вне которой оно существовать не может [4, с. 243–244]. Действительно, такая связь наблюдается, и сейчас мы уже не можем мыслить какое-либо преступление без его состава. Такая модель понятна и легка для практического применения, однако имеет ряд спорных вопросов в теории. В. П. Мальков указывает на вторичность понятия состава преступления, замечает, что «понятие состава преступления — это не понятие реального предмета, а понятие понятия, „вторичное, производное от понятия преступления“» [5, с. 106]. Не споря с его второстепенной ролью, следует отметить прямую связь с преступлением, которое точно представляет собой явление реального мира. На действительный характер состава преступления указывает В. Е. Жеребкин: «По своему источнику состав преступления — категория объективная. Признаки состава преступления являются отражением свойств, связей и отношений предметов (деяний), существующих в действительности. Законодатель, конструируя составы преступлений, лишь отбирает для этого необходимые признаки, а не создает их» [6, с. 19]. Следует согласиться с логикой Т. Т. Дубинина: «Если преступление — явление реальной действительности, объективное деяние, то и совокупность признаков этого деяния не может быть ничем иным, кроме как таким же явлением реальной действительности» [7, с. 20].

Диаметрально иной позиции придерживается А. В. Иванчин, подчеркивая, что «состав преступления — это не явление объективной действительности, это явление законодательное, нормативное. И существует оно не в жизни, а в уголовном законе» [8, с. 20]. А. И. Марцев писал: «Если преступление — конкретный акт человеческого поведения, то состав преступления — описание его в законе» [9, с. 109]. Развивая его точку зрения, К. Д. Николаев определяет: «Состав преступления — это правовое образование, сформулированная теоретическая модель, получившая законодательное закрепление и содержащая совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих такое общественно опасное деяние, как преступление» [10, с. 15–16].

Иное мнение высказывает А. А. Тер-Акопов: «Если бы состав преступления существовал только как описание преступления в законе и отсутствовал в конкретном совершенном деянии, то никогда невозможно было бы осуществить квалификацию преступления, суть которой состоит в установлении тождества признаков совершенного деяния с признаками состава, предусмотренного уголовным законом. Следует прийти к выводу, что состав преступления — это совокупность признаков преступле-

ния, не только закрепленных в уголовном законе, но содержащихся в каждом акте преступного деяния» [11, с. 23].

Вместе с тем в науке уголовного права существует промежуточная позиция, заслуживающая внимания. На двойственную природу состава преступления указывает А. В. Шеслер: «Состав преступления также существует и как конкретное явление, характеризующее конкретный акт человеческого поведения, и как его законодательное описание в диспозиции уголовно-правовой нормы» [12, с. 9]. Н. Ф. Кузнецова о роли состава писала следующее: «Состав преступления — одновременно и фактическая (социальная), и правовая категория» [13, с. 114]. В качестве аргументов Н. Ф. Кузнецова указывает на принадлежность состава: «Состав — такая же реальность, как и преступление, ядром которого он является. И языковое толкование говорит в пользу понимания состава как содержащегося в преступлении. Состав чего? — преступления, мы говорим о наличии или отсутствии состава не закона, а преступления» [1, с. 7].

О реальности природы состава преступления писал Ю. Ляпунов: «Состав преступления как понятие, сформулированное на основе детального изучения черт, признаков, свойств реально существующего оригинала (фактического аналога) и закрепленное в диспозиции правовой нормы, является своеобразным „правовым масштабом“ для оценки всех подобных деяний данного рода или вида» [14, с. 46].

На двойную сущность состава преступления указывают А. И. Коробеев и Чанхай Лун: «Состав преступления необходимо позиционировать как законодательную модель или абстракцию и в то же самое время как реальное явление. Иными словами, состав преступления характеризуется двойственностью. Мы вполне можем понимать сущность состава преступления в разных аспектах» [15, с. 168]. Продолжая мысль, Чайхан Лун утверждает: «Думается, необходимо восстановить естественное понимание понятия „состав преступления“, то есть рассматривать его как реальное явление, ограничивая при этом общественную опасность рамками уголовной противоправности. Лишь при таких условиях мы сможем обеспечить научность и целостность уголовного права, которая основывается на постулате общественной опасности совершаемых субъектами противоправных действий» [15, с. 184].

В. Д. Филимонов считал: «В юридической литературе состав преступления рассматривается в двух аспектах: как явление объективной действительности — совокупность предусмотренных в уголовном законе элементов реального общественно опасного деяния и как правовое понятие —

совокупность предусмотренных в законе юридических признаков конкретного преступления» [16, с. 91–92].

Н. А. Бабий, более подробно рассматривая дуальность состава, утверждает, что «состав преступления есть единство фактической и юридической составляющих преступления как социально-правового явления, что может быть отражено математической формулой: состав преступления = фактический состав + юридический состав. (Хотя в данном случае правильнее говорить не о сложении, а о соответствии факта праву)» [17, с. 134]. Согласно авторской позиции получается, что состав преступления заменяет собой квалификацию, однако такой термин уже зарезервирован уголовным правом. Состав преступления — это прежде всего явление (множество), а квалификация — это связь или отношение. Кроме того, в рассмотренной позиции следует подчеркнуть два важных момента. Во-первых, состав преступления — это описание, которое может иметь различную степень детализации (обобщения). Фактический состав предельно конкретен, а юридический — в обобщенной форме. Во-вторых, утверждение о нахождении состава преступления в двух местах позволяет говорить об информационной сущности состава преступления.

Завершить дискуссию можно утверждением Е. В. Ворошилина: «При вопросе о том, что такое состав преступления — явление реальной действительности, законодательная модель или научная абстракция, — можно ответить, что это и то, и то, и то ...» [18, с. 159].

Соотнесение понятий предполагает установление их сходства и различия, определение типа взаимодействия для понимания качественных и количественных характеристик их связи. Текущая модель понятна всем: преступление — это явление реальной действительности, а состав преступления — явление, относящееся к уголовному закону. Однако в рамках системы уголовного права при взаимодействии с различными понятиями (уголовной ответственностью, наказанием, квалификацией и т. д.) она имеет различное понимание, что отражается в утверждениях авторов.

Соотнести явления преступления и состава преступления не так просто, поскольку их существенные свойства и характеристики не исследованы. Дело осложняется многомерностью понимания состава преступления, которое как отражение преступления в форме информационных описаний фигурирует в правотворческой, правоприменительной или познавательной деятельности. Получается, преступление — явление, а состав преступления представляет собой описание этого явления. Оно может находиться и в сознании лица, осуществляющ-

щего квалификацию. Сложности добавляет то, что функционально описания могут иметь различную степень конкретизации — от частных до обобщенных.

Таким образом, каждый ученый, занимающийся темой состава преступления, задавался вопросами о том, какова его природа, происхождение и его фактическое местонахождение. Большинство ученых приходят к выводу, что состав преступления содержится в уголовном законе и тому есть веское подтверждение — Особенная часть УК РФ. Меньшее количество авторов видят его в каждом совершенном преступлении, т. е. рассматривают как фактический состав или поддерживают его дуальный характер. Однако существование подобных точек зрения позволяет допустить другую мысль, что состав преступления как элемент юридической реальности существует сам по себе.

Отвечая на вопрос «Состав чего?» — «преступления», — мы признаем его принадлежность к преступлению, такая привязка показывает подчиненное состояние в существующем представлении. При этом состав преступления — самостоятельное понятие, ассоциирующееся с уголовным законом, где Особенная часть УК РФ — матричная структура составов преступлений, исчерпывающе описывающая объем уголовно-правового запрета. Состав преступления отражается при описании деяния, совершенного в действительности, а также как описание деяния в уголовном законе. Вместе с тем не следует забывать о нахождении состава преступления в сознании следователя при квалификации преступления и в процессуальных документах по конкретному уголовному делу. На вопрос «Где находится состав преступления?» следует ответить: «как описание — во всех вышеперечисленных местах». Стоит перенести акцент с физического местонахождения на информационное представление, которое индифферентно к материальному воплощению.

Информационные явления обладают рядом особенностей, на которых следует остановиться. Во-первых, возможность копирования без затрат материальных ресурсов, поскольку процесс не требует материального воплощения. Во-вторых, сохранение происходит на информационных носителях, поддерживающих допустимые форматы. Такими носителями может выступать человек, материальный носитель (например, документ) или электронный носитель (компьютер, облачные хранилища и различные носители информации). Возможность хранения и копирования обеспечивается форматом описания (состав преступления), который среди юристов имеет унифицированную форму. Для нас не важна физическая структура отражения информационного

носителя, но интересна логическая структура описания, представленная объектом, объективной стороной, субъектом и субъективной стороной. Таким образом, состав преступления может находиться во всех областях, где возможно развертывание логической структуры юридического описания.

По своей сущности состав преступления представляет «ролевое описание элементов общественно опасного поведения», наделяющего и выступающего фильтром в процессе толкования признаков и квалификации преступлений для отделения необходимых элементов среди множества. По форме состав преступления представляет собой отражение признака противоправности преступления как стандартизированной формы описания для юридической нормализации конкретного экземпляра человеческого поведения.

По видам ролевого описания состав преступления может иметь следующие степени конкретизации: 1) в конкретных элементах общественно опасного поведения (в объективной реальности); 2) в обобщенных элементах в уголовном законе (в структуре диспозиции); 3) в предельно обобщенных элементах в науке уголовного права.

Основное предназначение состава преступления — в процессе квалификации соблюсти тождество юридически значимых элементов совершенного деяния (реальный состав) с элементами состава уголовного закона (нормативный состав). Сравнивать можно только подобное с подобным. Квалификация заключается в сближении и выравнивании составов, когда один обобщается, а другой конкретизируется до той меры, чтобы возникло тождество. Установление соответствия в сознании лица, осуществляющего процесс квалификации, происходит в автоматическом режиме на уровне вероятностного угадывания. Он строится на ментальных структурах мозга и основан на базовых операциях обработки информации, в частности, обобщения и конкретизации. Например, когда совершено убийство, лицо, квалифицирующее деяние, производит обобщение элементов фактического состава: погибший мужчина 35 лет, Иванов И. И. — человек; проникающее ножевое ранение в область сердца — причинение смерти; и т. д. Однако для завершения процесса квалификации необходимо конкретизировать элементы юридического состава преступления: причинение смерти — действие (указать тип действия); умышленно — прямой или косвенный умысел; субъект — человек, вменяемый, достигший возраста 14 лет; и т. д. Возможность сравнивать и устанавливать тождество фактического состава и юридического состава говорит о том, что они представляют собой сходные информационные структуры с разной степенью обобщения.

Таким образом, состав преступления — информационная структура (матрица), выполняющая функцию фильтра и реализующаяся через стандартизированное описание элементов общественно опасного деяния. Отбор построен на юридических стандартах и применим к структуре описания множеств элементов в следующих областях: в уголовном законе (как обобщенное описание преступления), в сознании человека или процессуальных документах (как конкретизированное описание преступления). Как информационная модель описания состав преступления: 1) позволяет отделять элементы, важные для квалификации преступлений, от иных;

2) наделяет каждый элемент ролевым значением; 3) формирует целостное представление о полученном множестве элементов.

Таким образом, состав преступления можно рассматривать как юридический инструментарий, позволяющий сепарировать в совершенном деянии юридически значимые элементы (уголовно-правовой состав) от иных (криминалистически и криминологически значимых). Состав преступления обладает информационной природой и является распределенным структурированным описанием преступления в фактическом поведении, в уголовном законе, в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Список источников

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М., 2007.
2. Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997.
3. Фефелов П. А. Основания уголовной ответственности в советском праве // Советское государство и право. 1983. № 12.
4. Курс советского уголовного права (часть Общая) : в 2 т. Л., 1968. Т. 1.
5. Мальков В. П. Состав преступления в теории и законе // Государство и право. 1996. № 7.
6. Жеребкин В. Е. Содержание понятий права (логико-юридический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1980.
7. Дубинин Т. Т. Основание уголовной ответственности // Реализация уголовной ответственности: уголовно-правовые и процессуальные проблемы: межвуз. сб. статей / отв. ред. С. А. Шейфер. Куйбышев, 1987.
8. Иванчин А. В. Состав преступления. Ярославль, 2011.
9. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.
10. Николаев К. Д. Соотношение содержания понятий «преступление» и «состав преступления» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4.
11. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003.
12. Шеслер А. В. Состав преступления. Новокузнецк, 2016.
13. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.
14. Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты // Уголовное право. 2005. № 5.
15. Коробеев А. И., Чанхай Лун. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2016.
16. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.
17. Бабий Н. А. Учение о структуре и составе преступления : монография : в 2 кн. Кн. I: Понятие структуры и состава преступления. М., 2019.
18. Ворошилин Е. В. Еще раз к вопросу о соотношении состава преступления и преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы V междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2008.

УДК 343.2/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-257-263

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Опыт регламентации составных преступлений в странах ближнего зарубежья

Валерия Валерьевна Медведева

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ valeriya.lapteva@mail.ru

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Статья посвящена сравнительному анализу регламентации составного преступления в отечественном уголовном праве и в законодательстве стран ближнего зарубежья: Азербайджанской Республике, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Молдова, Республике Таджикистан, Республике Туркменистан и Республике Узбекистан. Цель настоящего исследования — поиск легальных дефиниций составного преступления в уголовных кодексах указанных стран и выявление возможности заимствования передового положительного опыта для России. Для этого нами проанализировано уголовное законодательство некоторых стран ближнего зарубежья, а также некоторые теоретические аспекты регламентации составного преступления в них. С помощью метода сравнительного анализа выделены как общие закономерности развития феномена составного преступления, так и ключевые различия в его понимании в указанных странах. Выявленные тенденции развития составного преступления дополняют понимание исследуемого понятия в российском праве.

Ключевые слова: регламентация, составное преступление, единичное сложное преступление, совокупность преступлений, сравнительный анализ

Для цитирования: Медведева В. В. Опыт регламентации составных преступлений в странах ближнего зарубежья // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 257–263.

Experience in the Regulation of Complex Crimes in the Near abroad Countries

Valeriya V. Medvedeva

post-graduate student of post-graduate courses¹,

✉ valeriya.lapteva@mail.ru

¹ the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

The article is devoted to a comparative analysis of the regulation of the complex crime in domestic criminal law and in the near abroad countries: the Republic of Azerbaijan, the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Moldova, the Republic of Tajikistan, the Republic of Turkmenistan and the Republic of Uzbekistan. The aim of this study is to search for legal definitions of a complex crime in these countries and to identify the possibility of borrowing the best positive experience for the Russian criminal legislation. For this purpose the criminal legislation of some near abroad countries, as well as some theoretical aspects of the regulation of complex crime there, are analyzed. Based on the method of comparative analysis, both general regularities in the development of the phenomenon of a complex crime and key differences in its understanding in these countries are identified. The identified trends in the development of a complex crime complement the understanding of the concept under study in Russian law.

Keywords: regulation, complex crime, single complex crime, aggregate crimes, comparative analysis

Citation: Medvedeva V. V. Experience in the Regulation of Complex Crimes in the Near abroad Countries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 257–263 (In Russ.).

Развитие юридического знания — сложный, многоаспектный процесс. Эволюцию уголовно-правовых явлений, в том числе таких, как составное преступление, сложно представить обособленно. На нее оказывают существенное влияние как внутренние, так и внеш-

ние факторы. Большое значение для формирования общего и целостного представления о составном преступлении имеет сравнительно-правовой анализ, зарекомендовавший себя одним из самых востребованных методов исследования в юриспруденции [1, с. 130].

В силу этого сравнительно-правовой анализ опыта регламентации сходных общественных отношений дает возможность определить общее, особенное и единичное в различных правовых системах; установить степень важности исследуемого понятия, а также выделить основные причины и цели использования феномена составного преступления [2, с. 187].

Очень важно с точки зрения науки и практики исследовать, как составные преступления регулируются в уголовных кодексах стран, которые были ранее республиками Союза Советских Социалистических Республик [3, с. 1794]. Рассмотрим, каким путем развивалось законодательство в части регламентации составного преступления в странах, которые некоторое время руководствовались единым нормативным правовым актом — «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 г.¹

В отечественном уголовном праве составное преступление является видом единичного сложного преступления наряду с продолжаемым и длящимся. Мы придерживаемся позиции, что составное преступление — это общественно опасное деяние, которое характеризуется наличием нескольких самостоятельных преступлений. Квалифицируется такой сложный акт человеческого поведения по одной норме, охватывающей признаки обоих преступлений.

Кроме того, в ч. 1 ст. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) указано исключение: «Когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

В рамках нашего исследования мы последовательно изучили уголовное законодательство Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан. Выбор этих государств для анализа обосновывается тем, что они представляют различные регионы бывшего Советского Союза и имеют некоторые культурные, национальные, политические и экономические особенности. При этом немаловажную роль играет наличие общих основ развития права в целом, что представляет интерес для изучения регламентации составного преступления.

Так, в Особенной части Уголовного кодекса Азербайджанской Республики² (далее — УК АР) составные преступления встречаются достаточно часто: ст. 120.2.6 УК АР (убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или другими насильственными действиями сексуального характера); ст. 120.2.11 УК АР (убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством, терроризмом или бандитизмом); ст. 126.3 УК АР (причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего); ст. 136.2-1 УК АР (незаконное искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, медицинская стерилизация, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью лица) и др. Стоит отметить, что в УК РФ существуют аналогичные нормы, например, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство с целью сокрыть другое преступление), п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, сопряженное с разбоем). Вместе с тем легального определения составного преступления в УК АР не предусмотрено.

В Общей части УК АР нет упоминаний о составных преступлениях, в отличие от УК РФ, где, как уже отмечалось ранее, в ст. 17 УК РФ законодатель указывает исключение из совокупности, которое характеризует некоторые признаки составного преступления. Конструкции составных преступлений находят отражение в обоих уголовных кодексах.

В Уголовном кодексе Республики Армения (далее — УК РА) от 18 апреля 2003 г.³ о составных преступлениях упоминаний не было. Некоторые признаки составного преступления можно было встретить в статье, определяющей совокупность преступлений (ст. 20 УК РА). Однако совокупность предусматривает совершение нескольких самостоятельных деяний, ответственность за которые определена за каждое конкретное преступление отдельно, по самостоятельной норме. Таким образом, речи о признаках составного (единичного сложного) преступления не идет. В отечественном УК РФ в настоящее время наблюдается подобная ситуация.

Квалификация деяний, содержащих признаки сразу нескольких самостоятельных преступлений, зафиксированных в одной норме, вызвала вопросы как в правоприменительной практике, так и в научных трудах. Проблема двойного вменения признаков, которые отражены одновременно в составном

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : (утв. постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.) (утратил силу). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 03.02.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Армения - The Armenian Penal Code : принят Законом Республики Армения от 18 апреля 2003 г. (утратил силу). URL: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/am/am012ru.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

преступлении и в совокупности, неоднократно обсуждалась в науке уголовного права. Например, профессор С. С. Аветисян обращал внимание на необходимость легального определения составного преступления ввиду наличия многочисленных проблем, возникающих при квалификации различных составных преступлений (ст. 175 УК РА, п. 8 ч. 2 ст. 104 УК РА, п. 14 ч. 2 ст. 112 УК РА и др.) [4, с. 29].

В действующем УК РА⁴ введена ст. 2 УК РА, которая раскрывает некоторые основные понятия, например, «продолжающееся преступление», «продолжаемое преступление» и «периодичность». О составном преступлении, как и о других видах единичного сложного преступления, в указанной статье речи нет. Классификация преступлений, предусмотренная в ст. 17 УК РА, разграничивает преступления лишь по общественной опасности, иных типологий преступлений в Кодексе не предусмотрено.

Несмотря на отсутствие легальной дефиниции составного преступления, некоторые основные признаки (более чем одно преступное деяние; подпадает под признаки единого состава), присущие исследуемому понятию в отечественном праве, встречаются в Главе 9 «Множественность преступлений». В пункте 3 ст. 53 УК РА «совокупность преступлений» указано, что составное преступление не будет являться совокупностью: «3. Совокупность преступлений отсутствует также в случаях реализации имеющих объективную сторону альтернативных составов преступлений, когда одно и то же лицо с единым умыслом совершает более чем одно деяние, входящее в объективную сторону этого состава преступления».

Из пункта 3 ст. 53 УК РА следует, что интересующее нас составное преступление законодатель Армении предлагает понимать как совершение с единым умыслом более одного деяния, входящего в объективную сторону состава преступления, содержащего несколько альтернативных составов. Каких-либо дополнительных пояснений или определений в настоящей редакции не предлагается.

Интерес для исследования представляет то, что сегодня законодатель Армении ограничивает составное преступление от множественности. Из толкования п. 3 ст. 53 УК РА следует, что в таких случаях квалификации достаточно по одной статье. Тем самым проблема единовременного учета признаков самостоятельных составов, входящих в составное преступление, на законодательном уровне решена.

Кроме того, законодатель Армении установил правила квалификации составного преступления. В статье 52 УК РА «Конкуренция уголовно-правовых

норм, предусмотренных Особенной частью, и ее виды», в п. 6 сформулировано правило: «6. Если составной частью состава преступления является совершение другого преступления, то лицо за это привлекается к уголовной ответственности отдельно только в том случае, когда для этого преступления настоящим Кодексом предусмотрено наказание равное или более строгое, чем за тот состав преступления, составной частью которого является данный состав преступления». Значит, если характер и степень общественной опасности деяния, выражающегося в санкции статьи, входящего в состав другого преступления, такие же или выше, чем у основного состава, то используется институт совокупности: ответственность наступает за оба преступления по отдельности. Если общественная опасность одного из преступлений ниже, то деяния будут квалифицироваться по одному. Таким образом, законодатель Республики Армения легально закрепляет правила квалификации составного преступления. Такое законодательное решение, по нашему мнению, является положительным примером, который можно использовать и в отечественном уголовном законодательстве.

В Особенной части УК РА составные преступления, не отличающиеся от закрепленных в отечественном УК РФ, также присутствуют, например, п. 17 ч. 3 ст. 166 УК РА аналогичен ч. 4 ст. 111 УК РФ, ст. 252 УК РА мало чем отличается от разбоя (ст. 162 УК РФ) в уголовном праве России и др. [5, с. 36].

Таким образом, в действующем УК РА составные преступления рассматриваются с точки зрения исключения их из множественности, а вопросы их правильной уголовно-правовой оценки раскрываются в главе о конкуренции норм. Вопрос о месте и роли составного преступления в уголовном праве РА не решен. Но, исходя из перечисленных выше законодательных позиций, вектор развития уголовного права нацелен на решение проблемных аспектов регламентации составного преступления [6, с. 18]. Такие законодательные решения можно рассматривать как положительный опыт, применение которого могло бы также способствовать решению ряда проблемных аспектов регулирования составных преступлений в отечественном уголовном праве.

В Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь⁵ (далее — УК РБ) в ст. 4 УК РБ определены некоторые термины, но ни о видах единичных сложных, ни о составном преступлении речи нет. В определении понятия совокупности, зафиксиро-

⁴ Уголовный кодекс Республики Армения :принят Законом Республики Армения от 27 мая 2022 г. № ЗР-199. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 03.02.2024).

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 03.02.2024).

ванном в ст. 42 УК РБ, встречаются понятия различных стадий совершения преступлений и соучастия, признаки составного преступления не находят отражения.

При этом в Особенной части УК РБ составные нормы являются распространенными. Например, п. 4 ч. 2 ст. 139 УК РБ — убийство, сопряженное с похищением человека либо с захватом заложника; ч. 3 ст. 166 УК РБ — изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ, либо иные тяжкие последствия; ч. 2 ст. 205 УК РБ — кража, с проникновением в жилище и др. Законодатель Республики Беларусь использует составные нормы, конструируя их разными способами. В основном, как видно из приведенных выше примеров, составность является одним из альтернативных элементов.

Так, вопрос о существовании, месте в системе уголовного права, правилах квалификации или влиянии на назначение наказания исследуемого вида единичного сложного преступления в Общей части УК РБ не раскрывается. При этом составные нормы в Особенной части УК РБ встречаются часто.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее — УК РК)⁶ содержит три смежных категории: совокупность, неоднократность и продолжаемое преступление.

Некоторые признаки составного преступления отражены в ст. 13 УК РК о совокупности. А именно: ч. 2 раскрывает исключительный случай этого вида множественности: «Совокупностью уголовных правонарушений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки уголовных правонарушений, предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса. При такой совокупности лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное деяние по соответствующим статьям настоящего Кодекса, *если признаки одного деяния не охватываются нормой статьи настоящего Кодекса, предусматривающей более строгое наказание за другое деяние*» (курсив наш. — В. М.). Из представленного определения можно выделить признаки составного преступления: если признаки одного деяния охватываются одной нормой статьи настоящего Кодекса, предусматривающей более строгое наказание за другое деяние, то совокупность отсутствует. Такая трактовка предполагает решение проблемы

двойного вменения признаков состава преступления виновному лицу.

Согласно п. 4 нормативного постановления от 25 декабря 2006 г. № 11 «О квалификации неоднократности и совокупности уголовных правонарушений»⁷ Верховный Суд Республики Казахстан вид единичных сложных преступлений, к которым в России относится составное преступление, представляет исключительно продолжаемое преступление. При этом в Особенной части УК РК такие нормы, как разбой, хулиганство, умышленное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть, изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или особой жестокостью и другие присутствуют, т. е. конструкция Особенной части УК РК не отличается от отечественной.

Таким образом, отличительной особенностью уголовного законодательства и правопонимания Республики Казахстан является отсутствие разделения единичного сложного преступления на виды.

Далее рассмотрим Уголовный кодекс Кыргызской Республики (далее — УК КР). Формулировка составного преступления встречается в ст. 22 «Правила уголовно-правовой квалификации при конкуренции общей и специальной норм и конкуренции целого и части»: «Преимущество имеет ... норма о составном преступлении (учтенной законом совокупности преступлений) над нормой, предусматривающей составляющую такого преступления»⁸. Так, закон определяет составное преступление как учтенную законом совокупность и указывает на ее приоритет при квалификации.

Законодатель Кыргызской Республики воспринимает составное преступление как идеальную совокупность, кроме того, предусматривает легальное правило квалификации составного преступления. В то же время вопрос о сущности составного преступления не раскрывается, также неясно соотношение исследуемого понятия с множественностью: исходя из буквального толкования, между ними стоит знак равенства, что противоречит природе составного преступления как вида единичного сложного преступления.

В Особенной части УК КР «сопряженность» часто является одним из маркеров составного преступления. При конструировании квалифицированных составов сопряженность используется 24 раза (ст. ст. 122, 200, 212, 218, 220, 221, 223, 230, 231, 250, 280, 285, 295, 331, 372, 382 УК КР), непосредственно в дис-

⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1675;-26 (дата обращения: 03.02.2024).

⁷ О квалификации неоднократности и совокупности преступлений : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2006 года № 11. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30087257 (дата обращения: 03.02.2024).

⁸ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.05.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 03.02.2024).

позиции статей 11 раз (ст. ст. 200, 218, 220, 221, 223, 231, 331, 372, 382 УК КР).

Так, уголовное законодательство Кыргызской Республики не определяет составное преступление в законе, но выделяет особые правила для его квалификации.

Подобным образом регламентировать отечественное законодательство, касающееся составных преступлений, в 2015 г. предлагал профессор З. Б. Соктоев [7, с. 254], высказывая предложение о том, что дефиницию составного преступления не следует закреплять в УК РФ, существует необходимость разработать статьи о правилах при конкуренции норм.

С указанным тезисом сложно согласиться, потому что приведенные выше явления не одинаковы, и рассматривать их в одной плоскости нецелесообразно. Составное преступление — это особый вид преступления, а правила при конкуренции норм — это механизм для унификации практической деятельности. Отечественный законодатель не торопится изменять традиции и продолжает использовать составные преступления при конструировании норм в УК РФ [8, с. 227].

Таким образом, УК РК определяет составное преступление как учтенную законом совокупность и закрепляет правила квалификации таких деяний. Особенная часть УК РК содержит составные нормы.

Рассмотрим Уголовный кодекс Республики Молдова⁹ (далее — УК РМ). Статья 28 УК РМ раскрывает понятие единичного преступления: «Единичное преступление представляет собой действие (бездействие) или совокупность действий (бездействий), квалифицируемых в соответствии с положениями одной нормы уголовного закона». Такой широкий круг общественных отношений может включать в себя составные преступления [9, с. 53].

Молдавский законодатель видами единичного преступления признает делящееся (ст. 29 УК РМ) и продолжаемое (ст. 30 УК РМ). Отдельной статьи для регламентации или определения составного преступления в УК РМ не предусмотрено, т. е. в общей статье 28 УК РМ упоминание о составном преступлении как о виде единичного преступления есть, а отдельного толкования нет.

Тем не менее в ч. 1 ст. 33 УК РМ раскрывается понятие совокупности с уже привычной особенностью, «исключая случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено в статьях Особенной части настоящего Кодекса как отягчающее ответ-

ственность обстоятельство». По сути, это исключение как раз является составным преступлением, однако в УК РМ просто указано, что совокупность исчезает, если одно из преступлений является обстоятельством, влекущим более строгое наказание. То есть совокупности нет, как и названия, и определения для получившейся конструкции. Точно так же, как в УК РФ.

Если говорить об Особенной части УК РМ, то составные преступления сконструированы разными способами: 1) признаки составного преступления предусмотрены законодателем в диспозиции статей: ст. 287 УК РМ «Хулиганство», ст. 289 УК РМ «Пиратство»; 2) составные преступления, предусмотренные квалифицирующими признаками: ч. 4 ст. 151 УК РМ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть», п. «е» ч. 2 ст. 171 УК РМ «Изнасилование, сопряженное с умышленным заражением венерическим заболеванием», п. «с» ч. 2 ст. 180.1 УК РМ «Умышленное воспрепятствование деятельности средств массовой информации или запугивание за критику, сопряженное с хищением либо порчей материалов или аппаратуры журналиста с целью воспрепятствования журналистской деятельности» также встречаются в УК РМ.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан¹⁰ (далее — УК РТ) составные нормы встречаются в Особенной части, например, п. «л» ч. 2 ст. 110 УК РТ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера»; п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РТ «Умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести в процессе массовых беспорядков»; п. «д» ч. 3 ст. 130 УК РТ «Похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего либо иные тяжкие последствия»; ч. 2 ст. 244 УК РТ «Кража с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище». При этом в УК РТ отсутствует определение составного преступления, его признаки не встречаются ни в одной из статей. Таким образом, легальное определение составного преступления в УК РТ отсутствует, однако конструкции составных преступлений — явление встречающееся часто.

Уголовный кодекс Туркменистана¹¹ (далее — УК Туркменистана) также не содержит определения составного преступления. Примечательным является,

⁹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.04.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 05.02.2024).

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.11.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 05.02.2024).

¹¹ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 05.02.2024).

что в ст. 15 УК Туркменистана «длящееся и продолжаемое преступление» разделяется на два вида единичного сложного преступления, оставив составное преступление за рамками легального закрепления. Признаков составного преступления не обнаружено и в статьях о множественности.

В Особенной части УК Туркменистана составные преступления присутствуют: ч. 2 ст. 119 УК «Неоказание помощи больному, если оно повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью больного лица либо его смерть»; п. «б» ч. 4 ст. 113 «Мужеложство, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинившее тяжкий вред его здоровью или заражение его ВИЧ-инфекцией», ч. 2 ст. 216 «Принуждение к даче показаний, соединенное с применением насилия или издевательства над личностью» и др.

Таким образом, дефиниция составного преступления в УК Туркменистана отсутствует, при этом составные нормы в Особенной части встречаются.

Перейдем к рассмотрению Уголовного кодекса Республики Узбекистан¹² (далее — УК РУ). В статье 32 УК РУ указаны виды единичного сложного преступления: длящееся и продолжаемое, которые законодатель Республики Узбекистан отдельно выделяет как категории, не относящиеся к повторности. Упоминаний о составных преступлениях в УК РУ не предусмотрено.

Однако Особенная часть УК РУ содержит составные нормы: пп. «е», «з», «л», «о» ч. 2 ст. 97 «Умышленное убийство», п. «а» ч. 2 ст. 155 «Терроризм», п. «а» ч. 2 ст. 207 «Должностная халатность», п. «а» ч. 2 ст. 222 «Побег из-под стражи или из-под охраны» и др.

Так, законодательное понимание составного преступления в Республике Узбекистан практически не отличается от понимания его в Туркменистане и Республике Таджикистан.

Таким образом, в ходе проведенного нами анализа уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, целью которого было выявление общих и частных особенностей понимания составного преступления, установлено следующее.

1. В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан признаков составного преступления в законодательстве не раскрывается. Структура особенных частей мало чем отличается от отечественной, нормы с составными конструкциями присутствуют.

2. Республика Армения, Республика Казахстан и Республика Молдова рассматривают составные преступления через исключение их из множественности, что является положительным примером в понимании значения составного преступления для системы уголовного права. Однако вопрос о сущности исследуемого понятия так и остается без законодательного внимания во всех изученных странах.

3. Республика Армения раскрывает некоторые правила квалификации составного преступления в статьях о конкуренции норм, что можно считать попыткой к унификации практической деятельности. С учетом того, что новые правила квалификации составных преступлений существуют лишь в УК РА с 2022 г., оценивать их результативность в полной мере пока рано, однако попытка решить некоторые проблемы квалификации составных преступлений на законодательном уровне — положительный пример.

4. Особенности части уголовных кодексов всех изученных стран содержат конструкции составных преступлений, что свидетельствует о том, что составное преступление не является единичным или уникальным явлением, присущим одной стране или группе стран. Также к общим чертам можно отнести отсутствие его легального определения в уголовном законодательстве во всех указанных странах.

Список источников

1. Петрушенков А. Н. Когерентность Общей и Особенной частей в уголовном законодательстве Израиля и Молдовы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3(27).
2. Клубничкина А. А. Использование сравнительно-правового метода в исследовании вопросов конституционного права // Молодой ученый. 2020. № 12(302).
3. Грязнова Т. Е. Теория и практика социализма в России: взгляд Н. Н. Алексеева // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : мат-лы XIX междунар. науч.-теорет. конф. : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2022.
4. Аветисян С. С. Дискуссионные вопросы квалификации разбоя в правоприменительной практике Армении // Уголовно-правовая охрана конституционных прав и свобод граждан, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2021.

¹² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.06.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 05.02.2024).

5. *Уголовное право. Общая часть* : учебник / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин, К. В. Ображиев [и др.]. 2-е изд. М., 2020.
6. *Турдыев А. А. Корыстный мотив преступления* // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4(79).
7. *Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления* : монография. М., 2015.
8. *Ботвин И. В. Уголовное право в эпоху цифровизации: новая парадигма или просчет законодателя?* // *Личность, общество, государство в условиях цифровизации* : сб. мат-лов III междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2022.
9. *Куличенко Н. Н. Единичное сложное преступление в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья (сравнительный анализ)* // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2004. № 7.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-264-271

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Основания для избрания меры пресечения: реабилитация доказывания

Александр Викторович Победкин

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики¹,

✉ apobedkin71@mail.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

В статье вновь поднимается вопрос об основаниях для избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Дискуссия, состоявшаяся на международной конференции, посвященной 70-летию профессора Б. Б. Булатова (16 февраля 2024 г., Омская академия МВД России), подчеркнула многообразие, в том числе полярность мнений по данному вопросу. Меры, существенно ограничивающие права человека, часто применяются исключительно с точки зрения здравого смысла, под влиянием общественного мнения или одной лишь тяжести совершенного преступления. Законодатель, как и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, не обозначают в полной мере четкой позиции о роли доказывания и доказательств при установлении оснований для избрания мер пресечения. На общем фоне утраты доказыванием еще недавно аксиоматичной позиции как единственного средства установления обстоятельств, значимых по уголовному делу, возрастает угроза необоснованного избрания мер пресечения. Аргументируется подход, согласно которому основания для избрания меры пресечения могут быть установлены исключительно посредством доказательств, необходимых для формирования внутреннего убеждения вероятности (реальной возможности) совершения действий, указанных в ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: меры пресечения, основания, меры пресечения, доказательства, доказывание, внутреннее убеждение, оценка доказательств

Для цитирования: Победкин А. В. Основания для избрания меры пресечения: реабилитация доказывания // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 264–271.

Grounds for Selecting a Preventive Measure: Rehabilitation of Proof

Alexandr V. Pobedkin

Doctor of Science (in Law), Professor, chief of the chair of Criminal Policy¹,

✉ apobedkin71@mail.ru

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article again raises the issue of the grounds for the selection of preventive measures in criminal proceedings. The discussion held at the international conference dedicated to the 70th anniversary of Professor B. B. Bulatov (16 February 2024, Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs) highlighted the diversity, including the polarity of opinions on this issue. Measures that significantly restrict human rights are often applied solely from the point of view of common sense, under the influence of public opinion or the mere gravity of the committed offence. The legislator, as well as the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, does not indicate a clear position on the role of proof and evidence in establishing the grounds to select preventive measures. As proof loses the recently axiomatic position as the only means of establishing the circumstances relevant to the criminal case, the threat of unjustified selection of preventive measures is growing. The approach is argued, according to which the grounds for the selection of a preventive measure can be established only by means of evidence necessary to form an inner conviction of the probability (real possibility) of committing the actions specified in part 1 of Article 97 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: preventive measures, grounds, evidence, proof, inner conviction, assessing evidence

Citation: Pobedkin A. V. Grounds for Selecting a Preventive Measure: Rehabilitation of Proof. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 3(94). Pp. 264–271 (In Russ.).

Основные проблемы применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве напрямую связаны с вопросами уголовно-процессуального доказывания. Доказывание в уголовном судопроизводстве «вернейший масштаб умственного развития народа в данный момент ... в деле исследования важнейшего вида правды, правды юридической [1, с. 4], а теория доказывания — «центральный узел всей системы судопроизводства» [1, с. 11]. Такая оценка уголовно-процессуального доказывания как точна, так и аксиоматична. Доказывание — основное содержание уголовного судопроизводства, поскольку без него немислимо действительно правильное установление значимых обстоятельств, а значит, и принятие справедливых решений. Англо-американский подход, основанный на «формальной истине», модный в России в конце прошлого века, не может быть принят российским народом и не соответствует отечественному пониманию публичности уголовного процесса [2, с. 110].

Доказывание, протекающее в детально установленной процессуальной форме, гарантирует не только правильное установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Сама процедура доказывания обеспечивает права и законные интересы человека, вовлеченного в уголовное судопроизводство. Не только обоснованными, но и законными процессуальными решениями могут считаться, только если они основаны на доказательствах. На первый взгляд — аксиома.

Однако несколько последних десятилетий уголовно-процессуальное доказывание неуклонно утрачивает статус основного смысла уголовного судопроизводства, а теория доказывания сегодня находится в кризисном состоянии. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) включены не только отдельные нормы, но и целые институты, фактически отрицающие доказывание (особые порядки принятия судебного решения, дознание в сокращенной форме) [3, с. 41–49; 4, с. 31–36], которое уже не рассматривается как неперемное условие принятия даже решения о виновности.

Длительное время и в теории и в правоприменительной практике «тлеющей» проблемой остается основание принятия процессуальных решений о применении мер принуждения и прежде всего мер пресечения, оказывающих мощное влияние на судьбы людей еще до принятия итогового решения по уголовному делу.

Актуальность этой проблемы подтверждается не только продолжающимися дискуссиями в теории. К отрицанию существенной роли доказывания при избрании мер пресечения склоняется и правоприменительная практика, на которую часто опреде-

ляющее влияние оказывает общественное мнение, особенно по резонансным преступлениям. Да и разве возникает у любого человека сомнение в том, что единственно возможной мерой пресечения для обвиняемых в совершении чудовищных злодеяний может быть только заключение под стражу? Во всех ли случаях избрание мер пресечения должно сопровождаться доказыванием оснований? Следует ли эти основания вообще доказывать?

Интересная дискуссия под этому вопросу, частично нашедшая отражение в опубликованных материалах, состоялась в рамках международной конференции, посвященной 70-летию профессора Б. Б. Булатова, одного из известнейших специалистов в вопросах государственного принуждения в уголовном судопроизводстве [5]. Полярность мнений о способах установления оснований для избрания мер пресечения — яркое свидетельство актуальности проблематики.

Введением в поиск ее решения должно стать разрешение вопроса о содержании предмета доказывания в уголовном процессе. Законодатель, определяя круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, ограничивает их только необходимыми для принятия итогового решения (ст. 73 УПК РФ). Энтропия возрастает и в связи с нормативным определением доказательств. Под ними понимаются сведения, на основании которых устанавливаются наличие или отсутствие обстоятельств, «подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Разве иные обстоятельства, имеющие значение в уголовном судопроизводстве, не являются обстоятельствами, подлежащими доказыванию? Возможен и другой вопрос: все ли обстоятельства, имеющие значение по уголовному делу, подлежат установлению посредством доказательств.

Правильной позицией, имеющей методологическое значение, является понимание предмета доказывания как совокупности обстоятельств, включающей не только указанные в ст. 73 УПК РФ, но и другие: доказательственные (промежуточные) факты и обстоятельства, установление которых необходимо для принятия различных процессуальных решений [6, с. 88]. Все, что подлежит познанию в уголовном процессе, должно быть доказано в определенном законом порядке, т. е. включено в предмет доказывания. Равно и «наоборот, все относящееся к предмету доказывания, должно быть надлежащим образом познано и удостоверено с помощью доказательств» [6, с. 50], как констатируют Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов. Иначе уголовное судопроизводство утрачивает самоидентификацию, сливается с иными видами процессуальной и правоохранительной деятельности.

Идеи о возможности установления оснований для принятия процессуальных решений не только посредством процессуальной информации в литературе обосновывались не раз [7, с. 40–41; 8, с. 160]. Так, О. И. Цоколова пишет, что фактические данные, позволяющие полагать, что обвиняемый скроется от следствия и суда, воспрепятствует установлению истины или будет продолжать преступную деятельность, «могут иметь характер непроцессуальной информации и быть недостаточно конкретными» [8, с. 182]¹.

Конечно, сведения, не являющиеся доказательствами, могут использоваться в ходе уголовно-процессуальной деятельности (в целях оптимальной организации процессуального действия, выбора его тактики), но не для принятия процессуальных решений. Иначе теряет смысл проверка их обоснованности, процедуры обжалования утрачивают эффективность, а принятые решения чреватые не только необоснованностью, но и грубым нарушением прав человека. Особенно опасными эти угрозы становятся при принятии решений о применении мер процессуального принуждения, неизбежность и жесткость которых требует надежной системы процессуальных гарантий законности и обоснованности.

Парадоксально, но основания именно таких решений в УПК РФ ясно не определены. Можно было бы полагать, что обозначенный методологический подход и здесь не может быть поставлен под сомнение, если бы не нормативные формулировки, которые при применении мер пресечения ориентируют правоприменителя на некие «достаточные основания полагать» наличие оснований для избрания меры пресечения. Законодатель будто бы старается избегать определенности по вопросу о характере сведений, подтверждающих наличие оснований избрания меры пресечения. В главе 13 УПК РФ («Меры пресечения») указание на необходимость подтвердить основания избрания меры пресечения доказательствами встречается однажды косвенно и только для конкретного случая («дополнительные доказательства обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу», — п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ).

Заметим, что хотя и зыбкую, но все же позицию относительно качества сведений, подтверждающих основания для избрания меры пресечения, законодатель занимает только для заключения под стражу, однако и здесь уклоняется от прямого указания на доказательства, ограничиваясь паллиативом «конкретные фактические обстоятельства». Эта конструкция выглядит тем более странно, что следующим предложением законодатель разъясняет: этими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в том числе результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ². Какие именно данные имеет в виду законодатель, как не доказательства? Однако это слово законодатель скрывает за многословными неточными формулировками. Может быть, оставляя приоткрытой дверь для обоснования избрания заключения под стражу данными, которые не являются доказательствами?

В части 3 ст. 108 УПК РФ, вменяя в обязанность следователю (дознавателю) излагать в постановлении мотивы и основания необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и прилагать к постановлению материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства, вновь умалчивается, что ими могут быть только доказательства. Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд)³. верно решает вопрос о характере сведений, которыми могут быть подтверждены обстоятельства, обосновывающие избрание меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока ее действия: только доказательства. Однако в этом постановлении есть, к сожалению, и положение, которое дает повод усомниться в этой, безусловно, правильной позиции. Так, в п. 21 постановления Пленума от суда требуется при продлении срока содержания под стражей проверять наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, подтверждаемых доказательствами и иными достоверными сведениями. Надо полагать, что в данном случае под достоверными сведениями следует подразумевать все же информацию не о наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, а о наличии иных процессуальных условий продления срока

¹ При этом автор пишет, что хотя выводы следователя при выборе меры пресечения носят вероятностный характер, фактические данные, их обосновывающие, должны быть достоверными [8, с. 172]. Трудно, однако, оценить как достоверные результаты непроцессуальной деятельности.

² Приведенные положения ст. 108 УПК РФ некорректны и с точки зрения процессуальной теории, и с позиций логики. Во-первых, «обстоятельства» не тождественны «данным», во-вторых, ст. 89 УПК РФ не предусматривает никаких требований относительно представления результатов оперативно-розыскной деятельности.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (п. 29) (далее — постановление Пленума). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

содержания под стражей (правовая и фактическая сложность уголовного дела, своевременность производства следственных и иных процессуальных действий, эффективность действий должностных лиц и др.). В то же время именно эти условия могут подразумеваться под требованием о необходимости учитывать «другие обстоятельства, обосновывающие продление срока применения меры пресечения в виде заключения под стражу» (п. 21 постановления Пленума). Что тогда имеется в виду под «иными достоверными сведениями»? Таким образом, однозначная позиция о характере информации, которая необходима для подтверждения наличия или отсутствия оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не обозначена ни законодателем, ни Пленумом Верховного Суда.

Между тем правильное решение вопроса о характере сведений, подтверждающих наличие оснований для избрания меры пресечения, необходимо в целях разрешения проблемы необоснованного применения меры пресечения именно в виде заключения под стражу [9, с. 8]. Эта мера пресечения продолжает оставаться особо привлекательной для правоприменителя, что обусловило неоднократную реакцию руководства Верховного Суда, настойчиво ориентирующего судей на избрание заключения под стражу лишь в крайних случаях, когда недостаточно потенциала иных мер пресечения.

Необходим первый шаг — ясно выраженная однозначная позиция законодателя о необходимости подтверждения наличия оснований для избрания меры пресечения только доказательствами.

Касается это не только заключения под стражу, но и всех других мер пресечения [10, с. 33]. В науке, однако, обращалось внимание на невозможность отождествления оснований избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу и оснований избрания иных мер пресечения. Так, С. И. Вершинина пишет, что предусмотренные ст. 97 УПК РФ основания для избрания меры пресечения имеют значение только при решении вопроса об избрании в качестве таковой заключения под стражу. Трудно представить, полагает С. И. Вершинина, чтобы была избрана иная мера пресечения, если лицо может совершить действия, составляющие содержание предусмотренных оснований [11, с. 43]. Поэтому доказывание оснований предлагается осуществлять только для избрания заключения под стражу. В иных же случаях — применять меру пресечения «на опережение», по одному лишь факту приобретения процессуального статуса обвиняемого (подозреваемого), ибо постановка лица в такой статус свидетельствует о появлении оснований полагать, что лицо может уклониться от исполнения обязанностей [11, с. 43]. Идеи об избрании меры пресечения лишь в связи

с приобретением лицом процессуального статуса обвиняемого (подозреваемого) высказывалась и ранее. Так, О. Я. Баев ставит вопрос о том, нет ли «определенного правового ханжества в требовании доказанности оснований для избрания меры пресечения обвиняемому», тем более, что в самом начале расследования основной задачей следователя является не доказывание, а раскрытие преступления и изобличение лица, его совершившего [12, с. 248–249].

Невозможность установить основания, предусмотренные ч. 2 ст. 97 УПК РФ, согласно позиции С. И. Вершининой, исключает избрание заключения под стражу и ставит правоприменителя перед необходимостью выбора иной меры пресечения, предусматривающей ограничения, обусловленные конкретными обстоятельствами. Фактически предлагается осуществлять доказывание только при решении вопроса об избрании мер пресечения, связанных с ограничением конституционных прав личности.

Между тем жизнь человека может существенно поменяться и в случае применения к нему мер пресечения, напрямую не ограничивающих конституционные права. Кроме того, вряд ли можно однозначно утверждать, что конституционные права не страдают, например, при применении подписки о невыезде (право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства), некоторых видах ограничений, предусмотренных запретом определенных действий (право на получение информации).

Ключевой слабостью позиции о необязательности доказывать наличие оснований для избрания меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, является смешение самого наличия оснований со *степенью вероятности* совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Наличие оснований для избрания меры пресечения означает, что доказана вероятность совершения таких действий. Здесь не будет ошибкой говорить о *достоверно установленной опасности*, заключающейся не только в их возможности (возможно, как известно, все, что не противоречит физическим закономерностям), а именно вероятности (реальной возможности).

В постановлении Пленума (п. 41) подчеркивается, что основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу должны подтверждаться только такими фактическими обстоятельствами, которые свидетельствуют о *реальной* (курсив наш. — А. П.) возможности совершения лицом действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Однако *реальная* возможность совершения таких действий должна быть доказана для применения любой меры пресечения. Именно реальная возможность их совершения

и представляет собой содержание соответствующих оснований.

Уточним, речь не о качестве доказанности (хорошо или слабо доказаны основания), а о несомненной доказанности наличия вероятности, того, что обвиняемый (подозреваемый) совершит действия, препятствующие уголовному судопроизводству, или продолжит преступную деятельность.

Пленум Верховного Суда занимает по этому вопросу четкую и правильную позицию: ни одна мера пресечения не может быть избрана при отсутствии достаточных данных (лучше было бы — доказательств), позволяющих полагать, что обвиняемый (подозреваемый) совершит действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а наличие таких данных не свидетельствует о необходимости применять именно заключение под стражу (п. 5 постановления Пленума).

Суды, к сожалению, часто ссылаются лишь на наличие оснований полагать, что будут совершены действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Ссылки на данные о личности, состоянии здоровья, характер и обстоятельства (курсив наш. — А. П.) предъявленного обвинения не конкретизируются, оценка оснований для выводов о необходимости применения меры пресечения в постановлении не приводится⁴.

Следующий важный вопрос, по которому нужна ясность, — вопрос о достаточности данных, свидетельствующих о наличии оснований для избрания меры пресечения.

«Достаточные основания» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ) или «достаточные данные» полагать, что обвиняемым (подозреваемым) будут совершены действия, о которых речь идет в ст. 97 УПК РФ, — термины неопределенные. Они допускают различные трактовки содержания внутреннего убеждения следователя (дознателя) при принятии решения об избрании меры пресечения. В. А. Михайлов считает, что избрание меры пресечения возможно лишь в случае, если должностное лицо уверено, исходя из имеющихся доказательств, что обвиняемый (подозреваемый) скроется, будет заниматься преступной деятельностью, препятствовать установлению истины, исполнению приговора. На основании предположительных суждений он считает такое решение недопустимым [10, с. 34].

Доказательства, прямо свидетельствующие о намерении лица совершить такие действия, конечно, могут быть получены, однако, это явно нетипичная ситуация. Следовательно, В. А. Михайлов допускает, что уверенность должностного лица должна основываться

на доказательствах иного рода, тех, которые свидетельствуют, что такое поведение возможно. Требовать от следователя, дознателя, суда убежденности в несомненности перечисленных действий на основании таких доказательств, значит допускать возможность формирования внутреннего убеждения не только на этом основании. Конечно, на формирование внутреннего убеждения влияют не только совокупность доказательств, но и иные факторы (закон, совесть, правосознание), и все же в его основании лежат именно доказательства. Они же в подавляющем большинстве случаев свидетельствуют только о реальной возможности совершения действий, препятствующих судопроизводству, или продолжения преступной деятельности. Для избрания меры пресечения уверенности в этом вполне достаточно.

Конечно, сам факт приобретения статуса обвиняемого (подозреваемого) об этом свидетельствовать не может. Для этого необходимы сведения об обстоятельствах, находящихся за рамками юридических актов по уголовному делу. Пленум Верховного Суда, называя тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок основаниями для заключения под стражу обвиняемого (подозреваемого) на первоначальных этапах производства по уголовному делу, фактически дезавуирует положение ч. 1 ст. 97 УПК РФ о необходимости иметь достаточные основания полагать, что обвиняемый (подозреваемый) совершит действия, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Обвинение в конкретном преступлении (пусть даже тяжком) не может абсолютно во всех случаях свидетельствовать, что надлежащее поведение лица может быть обеспечено только заключением под стражу.

Пленум Верховного Суда следует в этом вопросе за правовыми позициями Европейского Суда по правам человека, которые не согласовывались с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд), признавшего, что материально-правовая характеристика преступлений как опасных презюмирует наличие оснований для заключения под стражу, но не предполагает освобождения соответствующих должностных лиц от обязанности в каждом случае подтверждать эти основания достаточными данными⁵. При этом Пленум Верховного Суда не конкретизирует, насколько тяжким должно быть обвинение и насколько длительным возможным срок наказания в виде лишения свободы, чтобы эти обстоятельства считать основаниями для заключения лица под стражу.

⁴ См., напр.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2023 г. № 18-АПУ23-3-К4.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нестеренко Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 89 и частью второй статьи 96 УПК РСФСР : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2021 г. № 148-О.

Тяжесть преступления является обстоятельством, учитываемым при избрании меры пресечения, и одновременно в совокупности с другими данными (доказательствами) может влиять на формирование внутреннего убеждения о наличии оснований для такого решения. К сожалению, тяжесть преступления часто становится решающим обстоятельством при принятии решения о заключении под стражу не только на начальных этапах расследования (хотя и здесь должна быть только одним из учитываемых факторов), но и при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей [9, с. 8], когда следователь уже имеет возможность собрать совокупность доказательств, достаточную для вывода о склонности лица к совершению противоправных действий. Заметим, что дозволение избирать заключение под стражу по основанию тяжести предъявленного обвинения и возможному длительному сроку лишения свободы *только на первоначальных этапах расследования* свидетельствует, что возможность совершения действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, на самом деле не всегда является реальной. Иначе эти обстоятельства следовало бы считать основаниями заключения под стражу и на других, последующих этапах производства. Однако при продлении срока заключения под стражу уже требуется подтверждать наличие оснований достаточными данными.

Вероятность (реальная возможность) совершения действий, не соответствующих интересам уголовного судопроизводства, или новых преступлений, конечно, определяется обстоятельствами совершения преступления, его мотивами, целями, конкретной обстановкой, характеристикой личности и т. д. О наличии оснований для избрания меры пресечения могут свидетельствовать доказательства обстоятельств совершения конкретного преступления, факта прежней судимости, привлечения к административной ответственности, поведения лица по месту работы и жительства, а также других обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ. Обстоятельства, предусмотренные этой статьей, учитываются не только при решении вопроса о выборе меры пресечения, но и при определении самих оснований для ее избрания. Об этом правильно пишет Б. Б. Булатов, справедливо обращая внимание, что и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, должны быть подтверждены доказательствами [13, с. 17–23].

Действительно, если лицо обвиняется (подозревается) в тяжком, особо тяжком преступлении, основания для избрания меры пресечения в большинстве случаев имеются. Однако и в этих случаях они определяются не обвинением, а *доказательствами совершения вменяемого деяния*, которые одновременно являются и доказательствами возможности скрыться,

совершить новые преступления, уничтожить доказательства, воздействовать на свидетелей и т. д. Ориентируясь на разъяснение постановления Пленума Верховного Суда (п. 2) о необходимости убедиться в обоснованности подозрения в причастности лица к совершению преступления, суд, принимающий решение об избрании меры пресечения, получает доступ к указанным доказательствам.

Конечно, случаи совершения чудовищных преступлений, повлекших многочисленные жертвы бесчеловечных, циничных злодеяний, не оставляют сомнений в необходимости избрания заключения под стражу. Однако уголовно-процессуальный закон должен формировать унифицированный механизм, позволяющий принимать законные, обоснованные и справедливые решения в каждом случае. Путь исключений для отдельных категорий лиц или для обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных лишь некоторыми нормами уголовного закона, отнюдь не оптимален. Невозможность принять определенное решение при его очевидной обоснованности и, наоборот, возможность — при недоказанности оснований — подрывает единство процессуальной формы, дискредитирует теорию судопроизводства, обосновавшую непреложные процессуальные закономерности, многие из которых достигают степени аксиоматичности. В этой связи даже в отношении обвиняемых в тяжчайших преступлениях избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу осуществляется не на основании предъявленного обвинения, а на основании доказательств совершения ими таких преступлений, которые не оставляют сомнений в противоправности их поведения в период производства по уголовному делу.

Одним из самых сложных является вопрос о выборе конкретной меры пресечения. Бесперспективной попытки дифференцировать избрание мер пресечения в зависимости от самого наличия доказанных оснований. Так, С. И. Вершинина, которая, как указывалось выше, полагает, что все основания для избрания меры пресечения установлены законом только для заключения под стражу, пишет, что для «мягких» мер пресечения основания их избрания (по сути, речь идет об отсутствии доказанных оснований) не должны быть аналогичными основаниям избрания заключения под стражу [11, с. 43]. В. А. Михайлов, справедливо и жестко отрицая в качестве критерия выбора конкретной меры пресечения степень доказанности вины лица в совершении преступления [10, с. 42] как не имеющего ничего общего «с подлинными принципами доказывания обвинения и обоснования решений о применении мер пресечения», тем не менее предлагает формализовать выбор меры пресечения зависимостью от реального наказания (а не только санкции статьи уголовного

закона), которое может грозить лицу, признанному виновным [10, с. 40–41]. Некоторые специалисты полагают, что следует учесть опыт процессуальной деятельности, урегулированной Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., и дифференцировать виды допустимых мер пресечения в зависимости от категории преступления, что «облегчит задачу следователя при выборе меры пресечения, упростит действия судьи ... устранил сомнения субъекта в том, что с ним поступили неправомерно» [8, с. 188].

Законодатель и сейчас ограничивает возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу формальными признаками (ч. 1, 1¹ ст. 108 УПК РФ). Длительное время обсуждается законопроект, предусматривающий внесение в УПК РФ изменений, ограничивающих возможность избрания заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях средней тяжести ненасильственного характера⁶.

При этом не учитывается, что отказ от применения меры пресечения в виде заключения под стражу при доказанности общих оснований для избрания меры пресечения и конкретных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания именно заключения под стражу, не только ставит под угрозу реализацию публичного назначения уголовного судопроизводства (на что обращается внимание в официальном отзыве на законопроект Правительства Российской Федерации⁷), но и негативно сказывается на доктринальном положении о доказывании как основании принятия процессуальных решений.

Предлагаемые изменения не учитывают суть меры пресечения как процессуального средства, обеспечивающего судопроизводство, степень угроз которому определяется не только (а иногда и не столько) возможным наказанием. К сожалению, позицию, основанную на недостаточно верном понимании смысла мер пресечения, занял и Конституционный Суд, который, неоправданно широко толкуя содержание принципа презумпции невиновности, связывает строгость избранной меры пресечения с грозящим наказанием. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда смысл принципа презумпции невиновности состоит и в том, что до вступления обвинительного приговора в законную силу на обвиняемого (подозреваемого) не могут быть наложены

ограничения, в совокупности сопоставимые по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более, его превышающие⁸. Меры процессуального принуждения имеют уголовно-процессуальный, а не материальный характер, они — не наказание и применяются в том числе и для того, чтобы установить лицо, действительно виновное в совершении преступления. Подход, избранный Конституционным Судом, опасен возможными требованиями о возмещении вреда, причиненного применением мер процессуального принуждения, по причине превышения их жесткости грозящего или назначенного наказания. Купируя такие негативные случаи, суды непременно будут склоняться к назначению наказания, исходя из степени процессуального принуждения, примененного к лицу на досудебном производстве (практика, с которой и сейчас идет затяжная борьба).

Пленум Верховного Суда требует приводить в судебных решениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу мотивировку необходимости избрания именно данной меры пресечения соответствующими доказательствами, результатами их оценки (п. 29 постановления Пленума). Совершенно верное требование. Формализовать без ущерба для интересов уголовного судопроизводства подход к решению вопроса о выборе меры пресечения, в том числе — определить случаи необходимости избрания именно заключения под стражу, невозможно, поскольку выбор меры пресечения напрямую связан с результатами свободной оценки доказательств.

Оценка доказательств, как известно, производится на предмет относимости, допустимости, достаточности и достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). При этом доказательства не могут быть оценены по уровню их достоверности как более или менее достоверные. Достоверность — обоснованное соответствие действительности. В этой связи вероятность совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, позволяющая избрать меру пресечения, должна быть обоснована доказательствами (относимыми и допустимыми сведениями), отвечающими требованиям достоверности, а вся их совокупность — достаточности. Однако внутреннее убеждение (имеется в виду внутреннее убеждение как результат оценки доказательств) о степени такой вероятности не поддается мотивировке с точки зрения формальной логики. Здесь уместна

⁶ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 19.

⁷ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8>.

⁸ По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П.

параллель с выбором конкретного вида и размера наказания. Конечно, оно должно быть справедливым и соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновного, следует при этом учесть смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, а также влияние наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Внутреннее убеждение в необходимости назначить конкретное наказание и в конкретном размере, конечно, формируется на основе доказательств, однако оно в любом случае может быть мотивировано только в самом общем виде. В этом отличие внутреннего убеждения в доказанности определенных обстоятельств от внутреннего убеждения при принятии решения о виде и размере наказания. В первом случае существование факта должно быть не просто обосновано, но и мотивировано с исчерпывающей полнотой. Во втором — мотивировка обоснованности всегда составляет некую *terra incognita*. Н. С. Ной по этому вопросу писал: «Логически обосновать назначение конкретного наказания за конкретное преступление вообще невозможно» [14, с. 61]. Также невозможно исчерпывающе логически моти-

вировать выбор конкретной меры пресечения. Этап ее выбора, следующий за установлением оснований для избрания, подчиняется требованиям совести и лежит в сфере здравого смысла, хотя и зиждущегося на результатах оценки доказательств.

Поводя итог, подчеркнем, что доказывание остается единственной процессуальной формой установления наличия оснований для избрания меры пресечения, которая может быть избрана только при наличии доказанной вероятности (реальной возможности) совершения обвиняемым (подозреваемым) действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Доказательствами такой вероятности могут быть и сведения об обстоятельствах совершения самого преступления. Выбор конкретной меры пресечения не может быть формализован и осуществляется с учетом конкретных обстоятельств, на основе результатов оценки доказательств. Постановка вопроса о необязательности доказывания оснований для избрания меры пресечения находится в резонансе с аксиоматичной ролью доказывания в уголовном судопроизводстве как обязательного средства установления оснований принятия любых процессуальных решений.

Список источников

1. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001.
2. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. 2016. № 3(26).
3. Баев О. Я., Баев М. О. Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2.
4. Победкин А. В. Теория уголовно-процессуального доказывания — научная фикция? (по поводу дифференциации процессуальной формы досудебного производства) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.
5. Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Б. Б. Булатова / пред. ред. кол. А. В. Павлов. Омск, 2024.
6. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
7. Семенцов В. А., Гладышева О. В., Репкин М. С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. М., 2010.
8. Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М., 2008.
9. Москалькова Т. Н. Правовые и гуманитарные проблемы института уголовно-процессуального принуждения в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Б. Б. Булатова / пред. ред. кол. А. В. Павлов. Омск, 2024.
10. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.
11. Вершинина С. И. О закономерностях функционирования института уголовно-процессуального принуждения // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Б. Б. Булатова / пред. ред. кол. А. В. Павлов. Омск, 2024.
12. Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве // Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2001. Т. 2.
13. Булатов Б. Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей : учеб. пособие. Омск, 2017.
14. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Саратов, 1973.

УДК 343.146

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-272-277

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Обращение с вещественными доказательствами: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации

Петр Валерьевич Козловский

кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела¹,

✉ kozlovskypv@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье анализируется эволюция порядка обращения с вещественными доказательствами, обусловленная решениями Конституционного Суда РФ. Выделены и систематизированы ключевые правовые позиции. Отмечается их фрагментарный характер, обусловленный разрешением отдельных ситуаций в правоприменительной практике. Аргументируется необходимость научного осмысления и комплексного решения проблемы обращения с вещественными доказательствами на основе определения границ реализации непосредственности судебного разбирательства и допустимых пределов отступления от нее. Предлагается создание на основе правовых позиций Конституционного Суда РФ сбалансированного механизма, позволяющего учитывать как интересы правосудия, так и иные общественно значимые интересы. Обозначены подходы к реализации указанных правовых позиций Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике.

Ключевые слова: вещественные доказательства, злоупотребление правом, непосредственность, обращение, правовые позиции, Конституционный Суд РФ, публичные интересы, судебное разбирательство, частные интересы

Для цитирования: Козловский П. В. Обращение с вещественными доказательствами: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 272–277.

Handling Physical Evidence: Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Petr V. Kozlovsky

Candidate of Science (in Law), chief of the research department¹,

✉ kozlovskypv@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article analyzes the evolution of the procedure of handling physical evidence determined by the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The key legal positions are specified and systematized. Their fragmentary nature due to the resolution of individual situations in law enforcement practice is noted. The author argues that it is necessary to develop scientific comprehension and a complex solution of the problem of handling physical evidence on the basis of establishing the boundaries of the implementation of the immediacy of the court proceedings and the permissible limits of deviation from it. The paper proposes creation of a balanced mechanism based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which makes it possible to consider both the interests of justice and other socially important interests. Some approaches to the implementation of these legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in law enforcement practice are recommended.

Keywords: physical evidence, abusing the right, immediacy, handling, legal positions, the Constitutional Court of the Russian Federation, public interests, court proceedings, private concerns

Citation: Kozlovsky P. V. Handling Physical Evidence: Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 3(94). Pp. 272–277 (In Russ.).

Общественные отношения, возникающие при обращении с вещественными доказательствами, претерпели серьезные изменения за последние десятилетия. Механизм, изначально предназначенный для обеспечения процесса доказывания, стал существен-

но затрагивать широкий круг публичных и частных интересов [1, с. 27–31], оказывая влияние на правоотношения за пределами уголовного судопроизводства.

Законодатель, конструируя при разработке УПК РФ ст. 82, лишь отчасти учел происходящую

трансформацию. Изменение характера вещественных доказательств, увеличение их стоимости, значения для осуществления экономической деятельности привели к тому, что их изъятие стало серьезной мерой процессуального принуждения, направленной на решение комплекса задач, не относящихся к доказыванию. В сочетании с чрезмерно широким толкованием понятия «вещественное доказательство»¹ порядок обращения превратился во внесудебный механизм ограничения, а в некоторых случаях и лишения права собственности. Т. В. Трубникова полагает, что любое использование органами расследования своих полномочий по применению норм, входящих в правовой институт вещественных доказательств, для достижения целей, не связанных с доказыванием, является злоупотреблением [2, с. 49]. Данное утверждение представляется излишне категоричным, так как порядок обращения с вещественными доказательствами служит достижению различных целей, в том числе охране жизни и здоровья, общественной нравственности и др. Однако необходимо констатировать использование механизмов, предусмотренных ст. 82 УПК РФ, для решения задач, не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (внесудебный арест имущества, фактическое разрешение спора об имуществе), а также наличие негативных последствий, которые не проявлялись в советский период (ограничение экономической деятельности и трудовых прав, снижение налоговых поступлений и др.).

Возникшие в результате несовершенства закона действия сотрудников правоохранительных органов повлекли нарушения прав участников уголовного судопроизводства, что привело к многочисленным обращениям в Конституционный Суд РФ, решения которого существенно повлияли на регулирование порядка обращения с вещественными доказательствами. Дальнейшее развитие правового регулирования порядка хранения, возвращения, реализации и уничтожения вещественных доказательств требует

анализа и систематизации высказанных в данных решениях правовых позиций.

Можно выделить следующие проблемные вопросы и связанные с ними правовые позиции, оказавшие существенное влияние на современную редакцию и интерпретацию ст. 82 УПК РФ.

1. *Запрет на конфискацию имущества без судебного решения.*

Впервые указанная позиция представлена в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 марта 1998 г. № 8-П² применительно к возможности конфискации товара в рамках таможенных процедур. Законодателем такой подход не был системно реализован в иных законах, в том числе при разработке УПК РФ: согласно ст. 82 УПК РФ реализация и уничтожение вещественных доказательств допускались по решению органа расследования. В результате возникли аналогичные обращения в Конституционный Суд РФ, связанные с определением судьбы вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Рассматривая вопрос о возможности передачи для переработки и уничтожения этилового спирта, Конституционный Суд РФ в определении 10 марта 2005 г. № 97-О³ указал, что *сформулированная ранее правовая позиция, в соответствии с которой изъятие имущества, представляющее собой процессуальную меру обеспечительного характера, допустимо без судебного решения, распространяется лишь на те случаи, когда изъятие имущества является временным, не порождает лишения гражданина права собственности и его переход к государству. Уничтожение или переработка этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, признанной вещественными доказательствами, без судебного решения были признаны недопустимыми.*

Указанная правовая позиция не была системно учтена применительно к иным видам вещественных доказательств. Давая в постановлении от 16 июля 2008 г. № 9-П⁴ оценку реализации вещественных

¹ Полагаем, признание объектов недвижимости вещественными доказательствами является одним из наиболее ярких примеров злоупотребления правом и подмены механизма наложения ареста на имущество (см., напр.: *О прекращении производства по делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 38, частей первой и второй статьи 39, подпункта «а» пункта 1 части второй статьи 82, частей первой и второй статьи 119, части первой статьи 120, статей 121, 122 и 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Премиум»* : определение Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2017 г. № 213-О). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М. М. Гагловой и А. Б. Пестрякова : постановление Конституционного Суда РФ от 11 марта 1998 г. № 8-П.

³ По жалобе гражданина Головкина Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части 12 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о направлении на переработку или уничтожение изъятых из незаконного оборота либо конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» : определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. № 97-О.

⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П.

доказательств в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле (вертолетов), Конституционный Суд РФ пошел дальше и признал возможным лишение права собственности по данной категории вещественных доказательств только на основании приговора (итогового решения в порядке гражданского судопроизводства, если вопрос о вещественных доказательствах не был разрешен в приговоре). В описательно-мотивировочной части решения отмечено, что оспариваемая норма имеет целью избежать затруднений или значительных издержек по обеспечению специальных условий хранения громоздких вещей, больших партий товаров, что признано менее значимым интересом, нежели защита права собственности.

2. Изъятие имущества, признанного вещественным доказательством, является крайней мерой и должно применяться при невозможности выбрать иные способы обращения.

Согласно определению Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П⁵ пунктом 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ в системе действующего правового регулирования предполагается, что при определении судьбы вещественных доказательств до вступления в законную силу итогового решения дознаватель, следователь или суд обязаны исследовать вопрос, возможно ли иным способом, кроме изъятия имущества, признанного вещественным доказательством, обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач, учитывая тяжесть инкриминируемого преступления, стоимость имущества, его значимость для законного владельца и общества, а также возможность причинения ущерба доказыванию по делу вследствие возврата данного имущества владельцу.

Решение об отказе в возвращении вещественного доказательства должно быть мотивированным, в том числе и в случаях, когда с ходатайством об определении судьбы вещественного доказательства

обращается владелец, имеющий процессуальный статус свидетеля или не имеющий процессуального статуса [3, с. 51–52].

В развитие указанной правовой позиции отмечена недопустимость длительного и неопределенного по времени ограничения права собственности лиц, не являющихся подозреваемыми и обвиняемыми. В постановлении Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П⁶ применительно к наложению ареста на имущество говорится о том, что налагаемый на неопределенно длительный срок запрет пользоваться и распоряжаться имуществом сопоставим по своему содержанию с конфискацией имущества, применяемой по приговору суда. В случае приостановления производства по уголовному делу допускается сохранение только ограничения права распоряжения имуществом. Позднее в постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П⁷ указано на необходимость ограничения во времени наложения ареста в отношении лиц, не привлеченных к уголовной ответственности. В определении от 14 мая 2015 г. № 1127-О⁸ указанные правовые позиции преломлены применительно к вещественным доказательствам, подчеркнута, что режим хранения вещественных доказательств как мера обеспечения доказывания по уголовному делу *тем более* не должен ограничивать право владения и пользования имуществом лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, гражданскими ответчиками по уголовному делу.

3. Необходимость учета иных частных и публичных интересов в случаях признания вещественными доказательствами предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности.

В постановлении от 11 января 2018 г. № 1-П⁹ акцентируется внимание на негативном эффекте изъятия продукции, средств производства для общества в целом: нарушение производственных циклов, неисполнение обязательств перед контрагентами,

⁵ По жалобе гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части четвертой статьи 56, частью первой статьи 81, пунктом 2 части второй статьи 82, статьями 119 и 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П.

⁶ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П.

⁷ По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена : постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П.

⁸ По жалобе гражданки Немецковой Т. А. на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 1 части 2 статьи 82 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 14 мая 2015 г. № 1127-О.

⁹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» : постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П.

прекращение предпринимательской деятельности, что неизбежно ведет к ухудшению положения работников, вплоть до их вынужденного увольнения, сокращение налоговых поступлений. Делается общий вывод, что указанные предметы должны изыматься только в крайнем случае, если обеспечить их сохранность и предотвратить дальнейшее использование для совершения преступных действий другим способом невозможно. При изъятии для проведения следственных действий предметы должны быть незамедлительно возвращены после минования надобности.

Высказанная правовая позиция ставит перед законодателем более общий вопрос о необходимости обеспечения баланса различных публичных и частных интересов при обращении с вещественными доказательствами (и не только), о том, что иной публичный интерес может быть важнее, нежели обеспечение процесса доказывания (например, сохранение производства важнее, нежели сохранение похищенных станков в неизменном виде до вступления приговора в законную силу).

4. Необходимость сохранения вещественных доказательств для непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства по другому уголовному делу.

В постановлении от 19 июня 2023 г. № 33-П¹⁰ указывается на недопустимость уничтожения вещественных доказательств после вступления в законную силу приговора по тому уголовному делу, в котором они исследовались, в условиях, когда они одновременно являются доказательствами по другому уголовному делу и *имеется возможность их хранения* (они не относятся к скоропортящимся, громоздким и не обладают иными особенностями, из-за которых решение об иных способах обращения принимается на стадии предварительного расследования).

Указанное решение подчеркивает важность непосредственного исследования доказательств в ходе судебного разбирательства, которое не может быть компенсировано даже предшествующим судебным разбирательством в отношении иного подсудимого. Представляется, что данный вывод должен быть учтен не только при обращении с психотропными веществами и наркотическими средствами, но и применительно к иным видам вещественных доказательств. Важно отметить, что строгие требования о хранении относятся только к вещественным дока-

зательствам, длительное изъятие и хранение которых не наносит ущерба иным частным и публичным интересам. К данной категории предметов также можно отнести оружие, запрещенное в гражданском обороте, орудия преступления и т. п.

В иных случаях ограничение права собственности должно быть минимизировано. Особенно это касается имущества, не принадлежащего подозреваемому, обвиняемому, и имущества, используемого в предпринимательской деятельности¹¹. Выбирая способ обращения, важно помнить, что «основная познавательная ценность вещественного доказательства состоит в возможности его сохранения в неизменном виде при уголовном деле — в своеобразной процессуальной «консервации», предполагающей способность быть представленным для визуального обозрения в любой момент уголовного судопроизводства» [4, с. 93]. Если это невозможно, длительное хранение вещественного доказательства теряет смысл.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ носят фрагментарный характер, что обусловлено реакцией на обращения по конкретным делам. Законодатель на решения органа конституционного контроля реагирует точно. В УПК РФ в полной мере реализованы правовые позиции относительно уничтожения этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. В части обращения с предметами, которые в силу громоздкости не могут храниться при уголовном деле, закон допускает возможность реализации вещественных доказательств на основании судебного решения до вступления приговора в законную силу (пп. «в» ч. 2 ст. 82 УПК РФ), но при условии невозможности обеспечить хранение или возвращение законному владельцу. С одной стороны, норма закона не в полной мере соответствует содержанию решения Конституционного Суда РФ. С другой стороны, необходимость реализации или уничтожения вещественных доказательств может возникнуть в условиях, когда уголовное дело приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а владелец имущества остается неизвестным. Ряд правовых позиций еще не нашел отражения в законе.

Накопившаяся совокупность проблемных ситуаций свидетельствует о необходимости поиска комплексного решения. Обращение с вещественными доказательствами в досудебном производстве в определенной части оказалось оторванным от су-

¹⁰ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова : постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П.

¹¹ Необходимо отметить, что речь идет не о категории уголовных дел, а о существенных признаках предметов, которые могут быть объектами любых, в том числе общеуголовных преступлений. С учетом изложенного, введение ст. 81¹ УПК РФ нельзя признать удачным и отвечающим содержанию правовых позиций Конституционного Суда РФ.

дебного производства: значительные издержки по хранению не всегда способствуют достижению задач правосудия, но при этом может не обеспечиваться сохранение вещественных доказательств для непосредственного исследования судом в случаях, когда это возможно без ущерба для реализации иных интересов.

Требует научного переосмысления сущность вещественных доказательств, одни из которых в силу своих свойств не могут быть представлены в суд, другие не содержат следов преступления (имущество, приобретенное на преступные доходы; деньги, полученные в результате совершения преступления, за исключением случаев, когда купюры или монеты обладают индивидуальными признаками, и др., которые могли бы быть восприняты в результате осмотра судом и сторонами.

Признание нецелесообразности длительного хранения отдельных категорий вещественных доказательств предполагает создание компенсационного механизма, позволяющего их оспорить по аналогии с показаниями.

Требуется «урегулировать порядок хранения общего вещественного доказательства, необходимого для использования в доказывании по нескольким уголовным делам, статус (признание доказательственного значения для всех уголовных дел) и порядок передачи из одного уголовного дела в другое доказательств, сформированных в рамках разделенных производств, в основе которых лежат единые фактические обстоятельства, участие в исследовании (оспаривании) вещественных доказательств заинтересованных лиц, проходящих по другому уголовному делу» [5, с. 126]. Это далеко не полный перечень проблем, требующих разрешения в данной области.

Оптимизация и дифференциация порядка обращения с вещественными доказательствами является важной научной задачей, которая должна быть решена в контексте проблемы преодоления дисбаланса между судебным и досудебным производством, возникшим в процессе реформирования уголовно-процессуального законодательства [6, с. 3]. Ответы на поставленные вопросы зависят от понимания непосредственности судебного разбирательства и допустимых пределов отступления от нее, норматив-

ной трактовки вещественных доказательств и ряда иных аспектов. Представляется, Конституционный Суд РФ ориентирует нас на создание сбалансированного механизма, где определенное усиление требований к личному восприятию судом вещественных доказательств сочетается с пониманием невозможности абсолютизации начала непосредственности, необходимости учета широкого круга интересов.

Научное разрешение поставленной задачи и совершенствование законодательства являются сложным и длительным процессом. Правоприменительная практика не может длительное время оставлять без внимания происходящие изменения. С учетом изложенного считаем возможным высказать ряд рекомендаций для сотрудников органов предварительного расследования, которые могут смягчить остроту поставленных проблем до их окончательного разрешения законодателем.

1. Изъятие имущества, если при этом существенно затрагиваются иные частные или публичные интересы, должно иметь место только в том случае, если возвращение или передача на хранение законному владельцу невозможны. При этом должна быть дана оценка возможности и целесообразности сохранения в неизменном виде вещественных доказательств в случае хранения в месте, определенном органом расследования и судом.

2. В постановлении о признании вещественным доказательством должен быть обоснован выбранный способ обращения, если закон предусматривает альтернативные варианты, можно предложить дать оценку возможному негативному эффекту реализации иных частных и публичных интересов.

3. Необходимо изменять способ обращения с вещественным доказательством после завершения следственных действий, если для его изъятия отпали основания. В обязательном порядке передавать на хранение законным владельцам, не являющимся подозреваемыми и обвиняемыми, вещественные доказательства по приостановленным уголовным делам.

4. Нужно исключить признание вещественными доказательствами объектов недвижимости, производственных комплексов и иных неотделимых от окружающей обстановки объектов, являющееся подменой механизма наложения ареста на имущество.

Список источников

1. Козловский П. В. Обращение с вещественными доказательствами: конкуренция частных и публичных интересов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 3(78).
2. Трубникова Т. В. Признание вещественным доказательством — новый вид меры принуждения? (По материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.

3. *Владыкина Т. А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам хранения вещественных доказательств по уголовному делу // *Юридический мир*. 2013. № 8.
4. *Россинский С. Б.* Рассуждения о сущности вещественных доказательств // *Труды Института государства и права РАН*. 2022. Т. 17, № 2.
5. *Кальницкий В. В., Бондаренко А. А.* Особенности формирования, оценки, хранения и судьбы вещественных доказательств в сложносоставном уголовном деле // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*. 2024. № 1.
6. *Кальницкий В. В.* Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования : учеб. пособие. Омск, 2019.

УДК 1:340.12

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-278-288

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Цифровой Паноптикон: устанавливая пределы¹

Дмитрий Владимирович Попов

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии²,

✉ dmitrivpopov@mail.ru

² Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Цифровой Паноптикон является метафорой властного надзора за жизнью человека при помощи современных вычислительных технологий. Он представляет собой комплекс управленческих, организационных, технико-технологических и биополитических решений, реализуемый во вполне конкретных программах надзорного капитализма, социального кредита, новой нормальности и государства биобезопасности. Надзорный капитализм и система социального кредита представляют собой апробированные частным капиталом и государственным аппаратом системы конструирования социального поведения, опирающиеся на мощь цифрового Паноптикона. Новая нормальность и государство биобезопасности, опираясь на ценность голой жизни, создают условия для эффективного использования цифрового Паноптикона в условиях чрезвычайного положения. Принятие новых условий существования человека требует сохранения за человеком ряда его неотъемлемых прав: на забвение, на ошибку, на несовершенство, на милосердие, на жизнь в будущем времени. Закрепление за человеком этих прав позволит в условиях жизни в цифровом Паноптиконе сохранить человечность и избежать расчеловечивания.

Ключевые слова: Паноптикон; цифровой Паноптикон, государство, право, власть, человек

Для цитирования: Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: устанавливая пределы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 278–288.

Digital Panopticon: Establishing the Boundaries

Dmitry V. Popov

Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Chief of the chair of Philosophy and Political Studies¹,

✉ dmitrivpopov@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The Digital Panopticon is a metaphor for the authoritative surveillance of human life through modern computational technologies. It represents a set of managerial, organizational, techno-technological and biopolitical solutions implemented in quite specific programmes of surveillance capitalism, social credit, new normalcy and the biosecurity state. Surveillance capitalism and the social credit system are systems tested by private capital and the state apparatus to construct social behavior and relying on the power of the digital Panopticon. The new normalcy and the biosecurity state, based on the value of naked life, create conditions for the effective use of the digital Panopticon in a state of emergency. The adoption of new conditions of human existence requires the preservation of a number of inalienable human rights: to oblivion, to error, to imperfection, to mercy, to life in

¹ В этой публикации автор продолжает исследовать тему, которой была посвящена статья: Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: принимая неизбежное // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2(93).

future time. Under conditions of living in the digital Panopticon, the preservation of these rights will make it possible to preserve humaneness and avoid dehumanization.

Keywords: Panopticon, digital Panopticon, state, right, power, man

Citation: Popov D. V. Digital Panopticon: Establishing the Boundaries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 3(94). Pp. 278–288. (In Russ.).

Но не только плодовые мушки неосознанно реагируют на социальное доказательство. Вот признание известного писателя-путешественника Дуга Лански, который, придя на Королевские скачки в Аскоте, Англия, мельком увидел британскую королевскую семью и приготовил свою камеру для фотосъемки. «Я сфокусировал внимание на королеве. Рядом с ней сидели принц Чарльз и принц Филипп. Но внезапно меня осенило: „А зачем мне вообще понадобилась эта фотография?“ В мире и так достаточно фотографий королевской семьи. Никакие таблоиды не предлагали мне большие деньги за снимок. Я же не папарацци. Но когда фотоаппараты защелкали вокруг меня, словно пулеметы «Узи», я все равно присоединился к безумию. Я ничего не мог с собой поделаться». *Щелк, жжж... Щелк, щелк, щелк.*

Роберт Чалдини [1]

Смотрители зоопарка в Бронксе никак не могли справиться с гориллой. Им нужно было перевести животное в открытый вольер, чтобы вычистить клетку. Но обезьяна сидела у дверей и мешала их закрыть. Смотрители и пищу бросали, и бананами гориллу заманивали, но зверь не обращал на них никакого внимания или хватал пищу и бегом возвращался на прежнее место, прежде чем двери удавалось закрыть. За помощью обратились к дрессировщику зоопарка. Он отметил, что размахивание бананами и подбрасывание пищи были попытками закрепить поведение, которое еще не проявилось. Это можно назвать простым словом «подкуп». Решение заключалось в том, чтобы не обращать внимания на гориллу, когда та сидела возле дверей, но поощрять ее пищей, когда она сама сойдет с этого места. Проблема была решена.

Карен Прайор [2]

Напоминание, тождественное введению

Данная статья является продолжением статьи (Попов Д. В. *Цифровой Паноптикон: принимая неизбежное*), опубликованной в № 2 Научного вестника Омской академии МВД России в этом году. Подытоживая сказанное в указанной статье, отметим, что «новый цифровой мир» (Э. Шмидт, Дж. Коэн) вступил в свои права и оказывает беспрецедентное социальное давление на современников. Человечество практически прошло пять стадий принятия неизбежности власти современных вычислительных технологий. «Паноптикон», буквально означающий «полный обзор», дает наглядную репрезентацию возможностей наблюдения, надзора, контроля и конструирования поведения человека, потенциально имеющихся у современного государства. Цифровой Паноптикон многократно усиливает эти возможности, принимая формы синоптикона, баноптикона, краудсорсингового паноптикона, суперпаноптикона. Будучи метафорой власти, Паноптикон представляет собой комплекс управленческих, организационных, технико-технологических и биополитических решений, реализуемый во вполне конкретных программах надзорного капитализма, социального рейтинга (социального кредита), государства безопасности и биобезопасности. Именно эти «аватары» цифрового Паноптикона будут рас-

смотрены в предлагаемом читателю «сиквеле» ранее опубликованной статьи.

Жизнь в цифровом Паноптиконе

Современный мир предлагает новые впечатляющие версии цифровых Паноптиконов, которые идут дальше по пути наблюдения, надзора и контроля за человеком. На основе данных наблюдения они стремятся видоизменять, конструировать поведение индивида. Таковыми, в частности, являются: надзорный капитализм (англ. Surveillance Capitalism, термин введен Ш. Зубофф); система социального кредита; новая нормальность и парадигма биобезопасности, о которых пишет Дж. Агамбен; подобным потенциалом обладает цифровая валюта центрального банка (CBDC или Central Bank Digital Currency). В настоящее время этот финансовый регулятор проходит апробацию. Так, цифровая найра, или eNaira, используется сейчас в рамках пилотного проекта в качестве расчетной единицы и одновременно фактора, призванного стимулировать определенное социальное поведение в Нигерии.

Надзорный капитализм. В первую очередь следует обратиться к примеру надзорного капитализма, блестяще проанализированного Шошаной Зубофф [3]. Надзорный капитализм — особый этап развития капиталистических экономик, неразрыв-

но связанный со стремительным прогрессом в обработке информации, достигнутом ИТ-гигантами в начале XXI в.²

Важнейшим следствием развития нового цифрового мира является то, что *homo dictyous* (Н. Кристикис, Дж. Фаулер), т. е. «сетевой человек», испытывает социальное давление сети и трансформируется под ее влиянием. Совершенно справедливо Ш. Зубофф, исследуя «социальную физику» А. Пентленда, производную от радикального бихевиоризма Б. Ф. Скиннера³, отмечает, что «Пентленд прибегает к ярлыку *Homo imitans*, чтобы передать тот факт, что именно мимикрия... определяет человеческое существование... мы рождены, чтобы подражать друг другу... весь человеческий род чувствителен к социальному

давлению как эффективному средству изменения поведения» [3, с. 566–567]. В простейшем случае это давление выражается в том, что «всякий раз, когда я проверяю свою почту или количество отзывов в моем блоге, я подобен крысе в опытах Скиннера по выработке условных рефлексов» [7, с. 318].

Надзорный капитализм в качестве новейшей разновидности капитализма максимально эффективно использует возможности трансформации поведения человека под воздействием сигналов, стимулов и подкреплений, исходящих от искусственно сконструированной техногенной среды. «Надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для превращения его в данные о человеческом поведении.

² После того как тренды оптимизации капиталистического предприятия и предельной рационализации в управлении в XX в. стали повсеместными, возник разрыв между капиталом и трудом. Сознательный отказ от курса на предельную эффективность, предполагавший поддержку работника и одновременно потребителя, перестал считаться целесообразным. В рамках того явления, которое Ш. Зубофф обозначает как «второй модерн», в капиталистическое производство вовлекается желание индивида быть индивидуальностью, иметь неповторимый стиль, вкус, имидж. Здоровая тенденция быть личностью превращается в стремление «из кожи вон лезть», чтобы жить полноценной жизнью. Цифровые технологии, для которых эффективность, оптимизация и рационализация являются имманентными благодаря математическим принципам, лежащим в их основании, устремляются к поиску новых возможностей извлечения прибыли. Неожиданно обнаруживается «поведенческий излишек» — массив данных, который можно обработать и продать заинтересованным клиентам. На этом пути возникает надзорный капитализм. Он основан на сборе, анализе и использовании намеренно накапливаемого массива данных пользователей интернета. Надзорный капитализм предстает как этап развития капитализма, в рамках которого ИТ-компании создают инструментарий, позволяющий достичь крайней степени эффективности в получении прибыли за счет довольно точного знания о потребностях, желаниях, образе жизни и поведении индивида. Безусловно, речь идет о незначительной горстке ИТ-гигантов, обладающих мощным научным и технологическим потенциалом, а также административным ресурсом, позволяющим реализовывать свои планы. Надзорный капитализм, «обогащая» «выхлоп данных», не только стимулирует потребление, но и подталкивает к поведению и образу жизни, гарантирующему прибыль для капитала. Эксплуатация желания жить «полноценной жизнью», предугадывание и потакание желаниям потребителя, стимулирование образа жизни в погоне за полноценностью, прицельная точность в индивидуальном предложении товаров и услуг, гарантированно соответствующих потребностям и желаниям потребителя, — все это способствует интенсификации экономических процессов, характерных для надзорного капитализма.

³ Б. Ф. Скиннер развил идеи методологического бихевиоризма Дж. Уотсона и учения И. П. Павлова о рефлекторной природе психофизиологических процессов, придя к заключению, что «бихевиоризм — это не наука о человеческом поведении, это скорее его философия» [4, с. 7]. Исследуя «деликатную область» человеческого поведения, он пришел к пониманию особого значения «оперантного обусловливания», в процессе которого «поведение, помогающее достичь желаемого, становится более вероятным... поведение подкрепляется его последствиями, и по этой причине сами последствия называются „подкрепляющими факторами“» [4, с. 55]. Скиннер различал положительное и отрицательное подкрепления, безусловно предпочитая первое. «Существует два вида подкрепления: положительное и отрицательное. Положительное подкрепление — это нечто желанное для субъекта... Отрицательное подкрепление — это то, чего субъект хочет избежать... Поведение, которое уже проявляется, пусть даже нерегулярно, всегда можно закрепить с помощью положительного подкрепления» [2, с. 8]. Полагая, что «единственное, что имеет значение, — это повседневное счастье и надежное будущее» [5, с. 254], что «наше богатство — это наше счастье» [5, с. 255], Скиннер стремился к модификации общественных отношений на основе положительного подкрепления поведения людей исходя из их личных предпочтений, интересов, склонностей. Свою антропологическую доктрину о природе воли, свободы, достоинства, ценностей; о значении подкрепления; о возможностях конструирования поведения человека и проектирования культуры Скиннер изложил в «По ту сторону свободы и достоинства» [6]. В утопии «Уолден 2» (Walden Two; название отсылает к автобиографической повести «Уолден, или Жизнь в лесу» Г. Торо) описал общину, построенную на началах позитивного подкрепления, минимизации власти, насилия и наказания. В частности, устами персонажей утопии Б. Ф. Скиннер утверждал: «Итак... если в нашей власти создать любую ситуацию, которая нравится человеку, или устранить любую ситуацию, которая ему не нравится, мы можем контролировать его поведение. Когда он ведет себя так, как мы хотим, мы просто создаем ситуацию, которая ему нравится, или устраняем ту, которая ему не нравится. В результате вероятность того, что он снова будет вести себя подобным образом, возрастает, чего мы и добиваемся. Технически это называется „позитивным подкреплением“» [5, с. 244]. Значение позитивного подкрепления в «Уолден 2» граничит с религиозным откровением: «„И мне нравится играть в Бога!.. В конце концов, даже Иисус Христос считал себя Богом!“... Его тон был почти набожным. Он говорил так, словно Иисус был его уважаемым коллегой, чьи технические открытия он высоко ценил. <...> «Что такое любовь, — сказал он, пожав плечами,— кроме другого названия для использования положительного подкрепления?» [5, с. 281–282]. Именно идеи Б. Ф. Скиннера о принципиальной конструируемости поведения человека, а через конструирование поведения — детерминации сознания, легли в основу многочисленных модальностей цифрового Паноптикона.

Хотя часть этих данных используется для улучшения продукта или услуги, остальное объявляется проприетарным поведенческим излишком, передается передовым производственным процессам, известным как „машинный интеллект“, и перерабатывается в прогнозные продукты, предсказывающие, что вы сделаете прямо сейчас, в ближайшем или более отдаленном будущем...» [3, с. 17].

Основанием надзорного капитализма становится извлечение и анализ поведенческого излишка — электронного следа, оставляемого человеком в сети. Полученные данные позволяют моделировать поведение человека, делать прогнозы и торговать на рынке фьючерсов человеческого поведения. Этому способствует специально созданная техногенная среда. В новейшем исполнении Internet of Things (IoT) приближается к модели Дж. Парадизо, в которой происходит «исчезновение интернета», что понимается как исчезновение видимых надзорно-аналитических элементов сети, растворение IoT в привычной для человека среде, предугадывание «желания» сетевыми алгоритмами, точно откалиброванными под каждого пользователя. «Без „всепроникающей сенсорной среды“, — пишет Парадизо, — „когнитивные двигатели этого повсеместно подключенного мира глухи, тупы и слепы и не могут правильно реагировать на события реального мира, которые они стремятся дополнить“... повсеместная компьютеризация бессмысленна без повсеместных органов чувств, которые поставляют пищу для компьютерных вычислений» [3, с. 272]. Важной стороной надзорного капитализма становится теоретически разработанная А. Пентлендом «социальная физика»⁴, которая представляет собою основанную на скиннеровских идеях конструирования поведения средствами подкрепления статистически обнаруженную и технически отслеживаемую палитру вариаций поведения человека, приспособленную к биокапиталистической логике максимализации эффективности в извлечении выгоды из индивидуальных поведенческих стратегий. Одновременно, это современная форма биополитики, основанная на производстве потребителя с использованием передовых достижений цифровой среды. «Оцифровка» человеческого поведения и формирование прогноза на основании «выхлопа данных» позволяют осуществлять «добычу реальности» (reality

mining), открывающую перспективу предсказуемого управления людьми на основании их индивидуальных цифровых следов, историй и траекторий, которые «рисуют более точную картину нашей жизни, чем все, что мы можем поведать о себе сами... Цифровые следы — это летопись нашего поведения, составляемая по мере того, как оно происходит» [8, с. 547].

Государство в рамках надзорного капитализма моделирует ситуацию бентамовского Паноптикона. Но если И. Бентам предлагал универсальное надзорное учреждение, в котором за счет манипуляций с неочевидностью наблюдения фабрикуется взгляд невидимого Бога, то современная версия цифрового Паноптикона, поэтически изображаемая А. Пентлендом как «взгляд с высоты Бога», универсальнее. Для А. Пентленда новая цифровая реальность, позволяющая «взглянуть с высоты Бога на самих себя» имеет своей целью «компьютеризованное общество, где наша взаимная видимость становится привычной средой, где мы подстраиваемся друг к другу, создавая основанные на подражании социальные закономерности, которыми можно манипулировать, чтобы добиться слияния, как и предполагает логика машинного улья. <...> Самое важное, что этот инструментарий позволяет тем, кому доступен взгляд с высоты Бога, изменять поведение остальных» [8, с. 556, 564].

Социальный рейтинг (социальный кредит). Надзорный капитализм является новейшей версией паноптического капитализма, за которым стоят современные (чаще — американские, шире — «западные») IT-гиганты. Параллельно в Китае разработана и реализована всеобъемлющая система «социального кредита». В то время как на Западе «основные инструментальные мощности принадлежат крупным надзорным капиталистическим фирмам, и государство, чтобы получить доступ к той власти, к которой оно стремится, должно действовать в согласии с этими фирмами и через них», «в китайском контексте командовать парадом будет государство, и это будет не рыночный, а политический проект, машинное решение, которое формирует новое общество автоматизированного поведения для гарантированных политических и социальных исходов...» [3, с. 513]. Вместе с тем, как бы ни отличались Запад и Восток, их «культуры и политические системы, имеющие-

⁴ Алекс Пентленд следующим образом определяет цель разработанной им социальной физики: «Социальная физика стремится понять, как поток идей и информации переходит в поведенческие изменения» [8, с. 17]. Пентленд, полагая, что обществом правят подобные «вихрям» потоки идей, стремится средствами социального давления управлять социальным обучением людей, стимулировать их поведение и тем самым способствовать целенаправленному формированию угодных проектировщикам такого социального мира ценностей и социальных норм. Привлечение мощных вычислительных возможностей современной техники позволяет собирать и анализировать статистические данные, определять флуктуации потоков идей и математически точно управлять общественными процессами, прививая и распространяя желаемые модели поведения.

ся... свидетельства китайских инициатив в области социального кредита передают логику надзорного капитализма и создаваемой им инструментальной власти... китайских пользователей оцифровывают, классифицируют и ставят в очередь на составление прогнозов, и ровно то же самое происходит и с нами (т. е. на Западе, так как автор — Шашана Зубофф — американка. — Д. П.)» [3, с. 512].

Система социального кредита, как и надзорный капитализм, нацелена на надзор и наблюдение, благодаря результатам которого поощряется / не поощряется, сохраняется / конструируется определенный тип поведения индивида. «Система отслеживает «хорошее» и «плохое» поведение в различных сферах финансовой и социальной деятельности, автоматически назначая наказания и награды, чтобы решительно толкать поведение в направлении «укрепления честности» в экономической, социальной и политической жизни...» [3, с. 506]. В результате для каждого «поднадзорного» участника проекта формируется «файл, накапливающий данные из открытых и частных источников <...> с возможностью поиска по отпечаткам пальцев и другим биометрическим характеристикам» [3, с. 506].

Уже в 2015 г. Центральный банк Китая запустил пилотный проект, в ходе которого ряд ведущих ИТ-компаний Китая занялись разработкой программного обеспечения для системы персонального кредитного рейтинга. Компания Ant Financial предложила систему под названием Sesame Credit. Алгоритмы Sesame Credit занимаются оценкой покупок, затрат на образование и развлечения, ранжируют социальные связи. Рейтинговая система «гарантирует, что плохим людям в обществе будет некуда пойти, в то время как хорошие люди могут передвигаться свободно и безо всяких помех... Те, кто заработал высокий рейтинг, получают награды и поощрения» [3, с. 508]. Пользователи системы свидетельствуют о неполной прозрачности критериев, при помощи которых «теневой текст» рейтинговой системы начисляет кредитные баллы. Имели место случаи внезапного понижения рейтинга и ситуации, когда рейтинг начинал резко снижаться из-за того, что само понижение рейтинга приводило к разрыву социальных связей с людьми, которые, точно «прокаженно», опасались человека с низким рейтингом.

Испытание системы социального кредита доказало, что она работает достаточно эффективно. Под влиянием бонусов и ограничений, которые использует система социального кредита, происходит трансформация поведения, направление которой можно в известной степени регулировать (например, влиять на уровень лояльности, понижать уровень критики в сети, влиять на траты, связанные с со-

мнительными привычками и т. д.). Реальные ограничения в виде отказов на продажу билетов, выезд за пределы определенной территории и т. п. заставляют менять шаблоны поведения.

Результаты эксперимента впечатляют. «Китайское правительство, похоже, понимает, что власть достается владельцам средств изменения поведения. Именно владельцы устанавливают поведенческие параметры, которые определяют гарантированные результаты <...> Роль бихевиористского бога, владеющего теневым текстом и определяющего график подкреплений, и формируемые им способы поведения возьмет на себя государство. Свободу променяют на знание, но это будет государственное знание, с помощью которого государство будет не извлекать прибыль, а продлевать свое собственное существование» [3, с. 509, 513].

Одним из эффективных инструментов, органично дополняющих концепцию социального рейтинга, является *цифровая валюта Центрального банка* (CBDC или Central Bank Digital Currency). Эта финансовая возможность заключает в себе две взаимосвязанные опции: быть средством платежа и быть средством стимулирования определенного типа социального поведения.

Цифровая валюта Центрального банка, будучи электронными деньгами, предназначена для осуществления финансовых операций (платежи, переводы и т. п.). Однако цифровая валюта Центрального банка, особенно если она становится основным финансовым инструментом, вытеснившим прочие фиатные деньги и криптовалюту, может быть успешно интегрирована в программы социального рейтинга. Тогда цифровая валюта как единственное доступное средство приобретения материальных ценностей и оплаты услуг может быть связана с определенными формами подкрепления того или иного поведения, связанного с финансовыми тратами. Например, можно стимулировать более / менее рациональное расходование имеющихся средств. Можно установить пределы трат или, напротив, стимулировать траты, закрепив срок, после которого предоставленные банком средства обнулятся. Гипотетически можно представить адресное установление ограничений на объем, способы, направления, место, время расходов, возможность / невозможность накопления средств на счету; доступный перечень услуг и товаров. Например, возможно установление ограничения на продажу алкоголя сверх жестко определенного лимита лицу, имеющему склонность к злоупотреблению им. Или возможен отказ на продажу бензина лицу, допустившему ряд нарушений ПДД или достигшему установленного потолка потребления топлива за определенный период, и т. д. Потенциально можно привязать

цифровую валюту к определенным локациям и торговым точкам, где и только где можно совершать траты. В случае критического понижения социального рейтинга можно блокировать счет до особого предписания контролирующих социальных органов. Облегчается контроль за выдачей адресных субсидий и иных выплат, которые можно потратить только на определенные нужды. Легко установить параметры трат на определенные мероприятия (командировка, отпуск, покупка автомобиля в рамках диапазона, соответствующего социальному статусу, и т. д.). Поскольку цифровым деньгам можно будет задать адресно различные параметры использования, постольку можно стимулировать различные формы поведения и социального действия, корректируя их в направлении общественно поощряемой нормы. Цифровые деньги, увязанные с определенным набором социальных программ, соответствующих возрасту, полу, социальной категории граждан, правовому статусу, законопослушности, лояльности и т. п., становятся не просто деньгами, но еще и льготой, привилегией, талоном, допуском к определенному благу, дозволенным (не дозволенным, приостановленным) координатором социальной программы, распространяемой на обладателя цифровых денег. Безусловно, этот инструмент, как и весь инструментарий социального рейтинга, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Такие импликации цифрового Паноптикона способны воспитывать, прививать социально одобряемые привычки, корректировать поведение. Однако эти средства могут превратить личность в конструктор по заданным извне лекалам, лишая свободы и автономного проектирования собственного будущего. Оценка возможностей применения таких технологий, как и скрытого инструментария надзорного капитализма, требует самого пристального изучения. Широкое распространение подобных технологий надзора и контроля должно быть ограничено довольно ясными представлениями о пределах вмешательства в конструирование поведения человека.

«Новая нормальность» и государство биобезопасности. Понятие «новая нормальность» ворвалось в жизнь вместе с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Под новой нормальностью стали понимать жизнь в соответствии с установленными государственной властью новыми правилами поведения, ограничениями и запретами, целью которых являлась целенаправленная минимизация возможности распространения инфекции и последовательное преодоление пандемии. В широком смысле слова, под новой нормальностью стали понимать любой новый социальный порядок, с одной стороны, установленный и поддерживаемый властными полно-

мочиями, с другой стороны, порывающий с привычным образом жизни в том или ином отношении, неизбежный и необратимый. Следует отметить, что «в период пандемии требование безопасности выступило основной характеристикой качества жизни, существенно ограничив пространство свободы и самореализации индивида» [9, с. 87]. Возникший во время пандемии как защитная мера «санитарно-полицейский биополитический режим воспроизводит эволюцию мер защиты от инфекций, пройденную человечеством, с существенной поправкой на достижения современной науки, в первую очередь проявившие себя не столько в ходе разработки вакцин, сколько в получении статистических данных; обработке полученной информации и формировании математических моделей, определяющих стратегии реагирования на распространение инфекции; а также в широкомасштабном применении технологий слежения, контроля, допуска, эксклюзии индивидов, в зависимости от их ковид-статуса и эпидемической обстановки» [9, с. 89]. Особое внимание в период новой нормальности здоровью и безопасности позволило Джорджо Агамбену концептуализировать эту ситуацию как утверждение парадигмы «государства биобезопасности» (the new paradigm of biosecurity) [10]. Полномасштабное применение цифровизации в ходе пандемии позволяет нам рассматривать государство биобезопасности и, шире, новую нормальность, как модальность цифрового Паноптикона.

Дж. Агамбен полагает, что государство биобезопасности стало развитием идеи «государства безопасности», возникшего после 11 сентября 2001 г. как парадигма борьбы с террористической угрозой. Следует вспомнить, что Ж. Деррида характеризовал американскую внешнюю политику после 11 сентября 2001 г. как аутоиммунную реакцию [цит. по: 11, р. 75]. Эта во многом саморазрушительная агрессия, явившаяся продолжением предшествующей политики холодной войны, обрушила всю мощь военно-полицейской машины на нового врага — международный терроризм, который мыслился одновременно и как внешний, и как внутренний враг. В целях обеспечения безопасности государства был принят «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act», — вступивший в силу в 2001 г. нормативный правовой акт, широко известный как USA PATRIOT Act. Это документ, призванный сплотить, укрепить и наделить юридическими инструментами США перед лицом террористической угрозы. Этот (по духу) закон чрезвычайного времени существенно расширил полномочия специальных служб и ограничил гражданские права и свободы. Последствия применения USA PATRIOT

Акт значительны. В частности, были сформированы (в США, а далее — в каждом государстве, имеющем достаточный уровень технического развития) специальные программные инструменты сбора, обработки и накопления информации, позволяющей предотвратить террористическую угрозу. Скандал, вызванный дезавуированием деятельности АНБ Э. Сноуденом, раскрыл масштабы проникновения государства в пространство частной жизни, связанного с системой мер, прямо или косвенно одобренных обществом, направленных на пресечение угроз безопасности государства. Эти события позволили Дж. Агамбену убедительно обосновать концепцию, согласно которой новым номосом земли в послевоенное время стал лагерь с характерным набором инструментов контроля и надзора [12; 13].

«Государство безопасности» получило свое развитие в форме, которую Дж. Агамбен обозначает как «парадигма биобезопасности». В результате «то, что американские политологи называют Security State, государством безопасности, основанном на борьбе с терроризмом, теперь уступило место парадигме управления, которую мы можем назвать биобезопасностью, основанной на сохранении здоровья» [14, с. 59]. Агамбен подчеркивает, что «биобезопасность потенциально превосходит по эффективности и всеобъемлемости все известные нам формы управления людьми». Рассматривая события пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, он отмечает, что эти события практически повсеместно продемонстрировали, что «стоит возникнуть угрозе здоровью, люди без раздумий соглашаются на ограничение своих свобод, на что они никогда бы не пошли в прошлом. Это привело к парадоксу: прекращение всех социальных отношений и политической деятельности представляется как образцовая форма гражданского участия» [14, с. 60].

Предысторию событий недавней пандемии подробно рассматривает Патрик Зильберман [15]. Он отмечает, что во многом неожиданное окончание холодной войны, связанное со стремительным распадом СССР в 1991 г., привело к непредвиденному эффекту: мощные аналитические центры, столкнувшись со схлопыванием реальной угрозы, взялись за осмысление иного рода опасностей, обладающих смертоносным потенциалом. Аналитики переключили свое внимание с явных и доказанных угроз на неуловимые. Конкретный анализ интересов, намерений и возможностей противников уступил место новым методам оценки, основанным на сценариях. В рамках освобождения стратегического мышления от «тирании правдоподобия» любой, в том числе даже самый маловероятный риск, стал считаться достойным внимания. Возобладала тенденция отказа от релевантной оценки вероятностей тех или иных

событий в пользу просчета реализации «наихудших сценариев» [15, с. 17]. «Непредсказуемость, нестабильность, неопределенность — эти идеи теперь занимали центральное место в новом мышлении, подпитываемом постоянным обменом между реальностью и вымыслом» [15, с. 20]. Мир неожиданно стал вновь неуютным, опасным и уязвимым.

На складывавшуюся новую парадигму существенное влияние оказал художественный вымысел. «Билл Клинтон, заядлый читатель, поглощал все, что связано с терроризмом... Президент Билл Клинтон заинтересовался проблемой биотерроризма в 1997 г., прочитав „Событие кобры“ (The Cobra Event)» [15, с. 5] — роман Ричарда Престона, описывающий гипотетическую биотеррористическую атаку на США. Таким образом, внезапно возникший вакуум реальных угроз, исправно функционирующие мощные аналитические центры, задачей которых является ликвидация уязвимостей, переключение внимания на гипотетические угрозы в логике развития наихудших сценариев вызвали к жизни разработку стратегии противодействия основанной на вымысле биотеррористической операции против США. В дальнейшем этот кейс сформировал тщательно разработанные программы, протоколы, методы и способы реагирования на угрозы биобезопасности как в отношении отдельного государства, так и на региональном и планетарном уровне.

Медицинские и организационные меры непрерывно совершенствовались на фоне реальных вызовов лихорадки Эбола, атипичной пневмонии, птичьего и свиного гриппа, биотеррористических операций с использованием бацилл сибирской язвы в качестве биологического оружия. Финансирование структур, отвечающих за биобезопасность, возрастало. Исследования все убедительнее доказывали многообразие и смертоносность потенциальных угроз. Когда грянула пандемия COVID-19, планетарные медицинские службы, правительства и наднациональные координирующие структуры встретили ее во всеоружии рекомендуемых организационных, санитарных, гигиенических и, собственно, доступных медицинских мер, исходя из восприятия возникшей угрозы в логике наихудшего сценария, т. е. как чрезвычайной опасности, угрожающей человечеству.

Отсюда комплекс мер, направленных на формирование «барьерной» среды, блокирующей перемещения в пространстве; меры изоляции заболевших; особый порядок захоронения умерших; непрерывная модернизация протоколов лечения больных; организация особых зон лечения; активный и во многом экспериментальный поиск действенных вакцин; координация усилий в планетарном масштабе. Но, пожалуй, важнейшее, что мы можем

вынести из рассмотрения этой проблематики, заключается в том, что «парадигма биобезопасности» является, по преимуществу, инструментарием социального реагирования на угрозу, и лишь во вторую очередь — арсеналом собственно медицинских средств противодействия болезни. Среди социальных инструментов (изоляция, дистанцирование, массовый переход работников, где это возможно, в он-лайн режим) наиболее современными явились средства, связанные с возможностью наблюдения за здоровьем людей при помощи персональных гаджетов, а также средства анализа массивов данных в интернете, что позволяло прогнозировать развитие ситуации и оперативно реагировать на возникающие тенденции.

Заложенная на этапе, предшествующем обозначенным событиям, «идея упреждающих действий» и даже так называемая «профилактическая агрессия» [15, с. 20], выдвинутая еще Диком Чейни в 2001 г., сыграли свою роль во время пандемии.

Широкомасштабное и беспрецедентное реагирование на угрозу (возможно, переоцененную) стало возможным благодаря особому статусу объекта этой угрозы в современном мире — индивидуальному здоровью и жизни. Дж. Агамбен полагает, что «биобезопасность — это государственный инструмент, который является результатом соединения новой религии здоровья и государственной власти с чрезвычайным положением» [14, с. 8]. Оценивая биобезопасность как «самый эффективный в истории Запада» инструмент контроля, при котором «если существует угроза здоровью, люди готовы принять такие ограничения свобод, о которых они и не могли подумать ни во времена двух мировых войн, ни при тоталитарных диктатурах» [14, с. 8–9], Дж. Агамбен обнаруживает, что основанием парадигмы биобезопасности является «медицинская религия». Сетую на то, что «наше общество больше не верит ни во что, кроме голой жизни», Дж. Агамбен утверждает, что наука и медицина в рамках парадигмы биобезопасности «действовали как своего рода религия, чьим божеством является голая жизнь» [14, с. 17, 62]. В итоге в этой модели отношения к жизни и друг другу в обществе сформировались квазирелигиозные установки, в рамках которых «светская власть должна обеспечить, чтобы литургия медицинской религии, которая сейчас совпадает со всей жизнью, пунктуально соблюда-

лась на практике. Сразу же бросается в глаза то, что это культовая практика, а не рациональная, научно обоснованная потребность... все наше существование превращалось в обязанность быть здоровыми» [14, с. 50]⁵.

Драматизируя ситуацию, Дж. Агамбен утверждает, что «медицинская религия без колебаний перехватила у христианства апелляцию к эсхатологии, которую оно оставило». Однако «подобно капитализму и в отличие от христианства, медицинская религия не предлагает перспективы спасения и искупления. Напротив, исцеление, которого она стремится достичь, может быть только временным, так как злой бог, вирус, не может быть устранен раз и навсегда, напротив, он постоянно изменяется и принимает новые, вероятно более опасные, формы», в результате чего «парадигма биобезопасности не является временной» [14, с. 51, 52, 60]. По логике Дж. Агамбена, именно «медицинская религия», порождающая «обязанность быть здоровым», является драйвером самого широкого надзора за населением, от которого требуется выполнение разнообразных медицинских предписаний (вакцинация, дистанцирование, изоляция, профилактический осмотр и т. д.). Все это приводит к развитию особой модальности цифрового Паноптикона, непосредственно влияющего на поведение, образ жизни и мировоззрение людей. Для Дж. Агамбена это означает, что «„прежний мир“, как мы сейчас начинаем его называть, больше не может существовать. В этом, как и во всяком смутном предчувствии, конечно же, есть религиозный элемент. Здоровье заменило спасение, биологическая жизнь заняла место вечной жизни... <...> Поддержание любой ценой голой жизни, абстрагированной от социальной, является наиболее ярким фактом нового культа, установленного медициной в качестве религии» [14, с. 94, 63]. Пожалуй, со многими выводами Дж. Агамбена можно и не согласиться, но то, что технологии надзора и контроля, возникшие в ходе пандемии, продолжат существовать и во времена без пандемии, сомневаться не приходится.

Так, К. Шваб и Т. Маллере (Thierry Malleret) в «Covid-19: The Great Reset» (в переводе на русский «Covid-19: Великая Перезагрузка» («Великая перезагрузка» в названии работы также переводится и как «Великое Обнуление», и как «Великий Сброс») [16] в рамках развиваемой модели «капитализма заинте-

⁵ Тему «обязанности быть здоровым» Агамбен поднимает настойчиво и многократно. Для него «голая жизнь — это не то, что объединяет людей, а скорее то, что ослепляет и разъединяет их». «В буржуазных демократиях каждый гражданин имел „право на здоровье“; сейчас это право без ведома людей превращается в юридическую обязанность в отношении собственного здоровья, которая должна быть исполнена любой ценой». Парадигма биобезопасности стремится «максимально усилить доверие институтам власти, порождая своего рода гражданскую сверхответственность, при которой налагаемые обязательства представляются как свидетельство альтруизма, а сам гражданин уже не то чтобы имеет право на здоровье (health safety), а становится юридически обязанным быть здоровым (biosecurity)» [14, с. 17, 55].

ресованных сторон» (англ. Stakeholder Capitalism)⁶, призванного сочетать интересы корпораций и персонала, собственников и работников, капитала и труда, предлагают не отказываться и даже широко распространить опыт пандемии в отношении социального дистанцирования, работы на дому, ограничений в перемещении в пространстве, использования гаджетов для контроля за потенциальными опасностями, обязательности медицинского контроля за здоровьем. Сочетая проблематику экономии ресурсов, экологической безопасности, перманентной угрозы пандемии и необходимости нахождения баланса между властью и населением, трудом и капиталом, капитализм заинтересованных сторон поддерживает ограничения и требования, характерные для чрезвычайной ситуации пандемии. В этом формате логика государства биобезопасности становится доминирующей и универсальной, а чрезвычайное положение и характерные для него методы регулирования — перманентными.

Заключение. Выход есть!

Итак, реализация комплекса управленческих, организационных, технико-технологических и био-

политических решений, которые обобщенно мы обозначили как «цифровой Паноптикон» идет полным ходом. Опробуются различные проекты. Они оказываются эффективными в области наблюдения, надзора, контроля и даже конструирования поведения индивидов. Однако, несмотря на то что «принятие» цифрового Паноптикона является практически свершившимся делом, как представляется, это принятие возможно исключительно в границах, которые можно очертить рядом *диспозитивов*⁷.

1. Цифровой Паноптикон в высшей степени предназначен для усовершенствования коллективной памяти человечества, но существует необходимость того, чтобы были реализованы оговоренные и обязательные условия, при которых Паноптикон не сохраняет определенную информацию и ее следы. Паноптикон должен быть одновременно «памятлив», но «забывчив». Человек обладает *правом на забвение*⁸.

2. Цифровой Паноптикон должен быть как «зряч», так и «слеп». Он обладает превосходящими воображения возможностями наблюдать. Его зрение обращено вовне и вовнутрь, он полиграфичен во всех

⁶ «Капитализм заинтересованных сторон» опирается на концепцию ESG (Environmental, Social and Governance), стремясь к одновременному решению экологических, социальных и управленческих проблем. Провозглашается, что «основной целью компаний больше не может быть только безудержная погоня за финансовой прибылью; теперь они обязаны служить всем заинтересованным сторонам, а не только тем, кто владеет акциями» (с. 172; процитировано по русскому переводу книги, см.: URL: <https://vladimir-bezborodov.ru/2021/12/04/russkij-perevod-knigi-klaus-shvab-terri-mallere-covid-19-the-great-reset-kovid-19-velikij-sbros-perezagruzka/> (дата обращения: 11.06.2024)). Итоги пандемии и необходимость изменять капиталистическую экономику исходя из идей экологического активизма, экономии планетарных ресурсов, безопасности и биобезопасности, а также социальной справедливости составляет основное содержание «капитализма заинтересованных сторон»: «Пандемия не оставляет в залах заседаний советов директоров сомнений в том, что отсутствие соображений ESG способно... поставить под угрозу жизнеспособность бизнеса. Поэтому ESG будет более полно интегрировано и внедрено в основную стратегию и управление компаний... Поощрение доброй воли сотрудников и общества будет ключевым фактором укрепления репутации бренда. Все чаще компаниям придется доказывать, что они хорошо относятся к своим работникам, приветствуя улучшенную практику труда и уделяя внимание здоровью и безопасности, а также благополучию на рабочем месте. Компании будут придерживаться этих мер не обязательно потому, что они действительно «хорошие», а скорее потому, что «цена» отказа будет слишком высока с точки зрения гнева... как инвесторов-активистов, так и социальных активистов... Похоже, что чем более восприимчивым становится мир к широкому набору макрорисков и проблем, тем больше необходимость в принятии капитализмом заинтересованных сторон и стратегий ESG. Эссе, написанное в апреле 2020 г. Лео Стрином, влиятельным судьей в корпоративной Америке, подчеркивает необходимость изменений в корпоративном управлении: «Мы снова расплачиваемся за систему корпоративного управления, в которой не уделяется должного внимания финансовой устойчивости, созданию устойчивого благосостояния и справедливому отношению к работникам. Слишком долго власть фондового рынка над нашей экономикой росла за счет других заинтересованных сторон, особенно работников»... По мере того, как вопросы безопасности, оплаты труда и льгот становятся все более важными, повестка дня капитализма заинтересованных сторон будет набирать актуальность и силу» [16, с. 173–176].

⁷ Под понятие диспозитива подпадают любые идеи, которые наделены «способностью захватывать, ориентировать, определять... контролировать и гарантировать поведение... мнения и дискурсы живых людей» [17, с. 29]. Поскольку цифровой Паноптикон является в указанном в тексте смысле слова метафорой, постольку, используя троп олицетворения, наделяющей неодушевленные предметы человеческими свойствами, припишем ему ряд антропоморфных свойств, которые мы, дабы не сбивать читателя с толку, *поместим в кавычки*.

⁸ Как отмечает А. В. Антипов, «для возможности управления данными вводится понятие „право на забвение“». Это право человека на удаление своих персональных данных, если они были добровольно (или нет) размещены в интернете. Оно представляет собой возможность менеджмента данных их создателем. В настоящее время на это способны в основном посредники в виде платформ, на которых размещается информация: социальные сети устанавливают правила приемлемого и неприемлемого контента. Модерация данных их создателем позволит расширить границы информационной автономии субъекта... Согласно мысли создателей концепта, «информационная автономия или самоопределение означает контроль над личной информацией, т. е. право человека на определение того, какая информация о себе будет раскрыта, кому и с какой целью». Информационная автономия становится содержанием права на забвение и позволяет человеку самостоятельно определять границы допустимого вмешательства и распространения личной информации» [18, с. 37–38].

смыслах слова и обладает аналитическими возможностями «додумывания», «осмысливания», поиска корреляций и закономерностей. Однако цифровой Паноптикон должен быть слеп к тому, что не выходит за рамки обыденного характера повседневных взаимодействий между людьми, за рамки нормы. Это требует установления «красных линий», которые цифровой Паноптикон не должен переходить. «Пелена неведения» необходима для того, чтобы человек ежесекундно не находился перед взором «Великого Открытого Комитета Мирового Трибунала» (The Great Open Committee of the Tribunal of the World [19, с. 48]). Издержки культуры отмены демонстрируют, насколько быстро технически оснащенное многочисленное высокоорганизованное интерактивное сообщество способно перейти в режим карающей «чрезвычайки», что влечет правовой, нравственный и коммуникационный коллапс. Человек имеет *право на ошибку*.

3. Цифровой Паноптикон способен видоизменять поведение, привычки, сознание и мировоззрение индивида. Он в определенном смысле «конструирует» человека. Именно поэтому требуется ограничение этой функции Паноптикона. Цифровой Паноптикон должен и «конструировать», и «сохранять». Если Паноптикон эффективно контролирует и направляет индивида, исподволь влияя на принимаемые решения, то он становится поводом, малопомалу лишая воли, свободы, нравственного выбора, права жить своей собственной жизнью. Человек имеет *право быть собою*⁹.

4. Цифровой Паноптикон обладает возможностями влиять на правосознание индивида. Он «поощряет» законопослушное поведение и «наказывает» издержками человека, совершившего проступки (во многом системы социального рейтинга построены именно на этом механизме положительного и отрицательного подкрепления поведения, заимствованного из искусства дрессировки и прекрасно описанного в радикальном бихевиоризме Б. Ф. Скиннера). Незабывающий, зрячий, трансформирующий Па-

ноптикон искушает возможностью оптимизации социальной жизни на путях постоянного повышения планки требований (как правовых, так и моральных) к индивиду. Соблазн правотворчества под надзором искусственного Ока Всевышнего в системе «право — минимум нравственности» (В. С. Соловьев), когда итерация за итерацией изменяется право, имея целью якобы усовершенствование нравственного сознания индивида, может привести к противоположным последствиям. Человек, как это ни парадоксально, имеет *право на несовершенство*. Паноптикон может способствовать правотворчеству, но его использование должно быть нацелено на человеко-размерное право и требования к индивиду. Паноптикон призван содействовать развитию правосознания индивида и рассчитан на «здоровое правосознание» (И. А. Ильин) среднестатистического законопослушного гражданина. Цифровой Паноптикон должен быть «правомерен» и «человеко-размерен».

5. Паноптикон в высшей степени способен «взвесить, измерить и признать легковесным»¹⁰, однако этот доступный Паноптикону в отношении человека биополитический инструментарий отбора / отбраковки, инклюзии / эксклюзии, например, в форме возможной бессрочной банниции, порождает безжалостность, бесчеловечность. Напротив, человек имеет *право на милосердие*. Паноптикон способен обнаружить преступления, правонарушения, проступки, но если позволить цифровому Паноптикону «наказывать» в соответствии с алгоритмическим расчетом без участия человека и его суда, то это путь, по которому в мир приходит «тотализирующая интенция» [21, с. 22] и расчеловечивание.

Невыполнение указанных условий возвращает нам неметафорическую реальность Паноптикона И. Бенгама, а именно теперь — уже как планетосоразмерной тюрьмы. *Принятие* паноптической реальности возможно только при условии соблюдения права человека остаться человеком, а не превратиться в *homo captivus* (человека-узника).

⁹ Ш. Зубофф удачно формулирует для человека «право на жизнь в будущем времени» [3, с. 430]. С ее точки зрения, требуется «отвоевывать назад право на жизнь в будущем времени у влиятельных сил нового надзорного капитализма, решившего претендовать на одностороннюю власть над цифровым будущим <...> В конечном счете они (IT-гиганты — лидеры надзорного капитализма, — Д. П.) вынуждают разрабатывать чрезвычайно новаторские, но безусловно секретные новые способы вмешательства в наше поведение и изменения его ради надзорных доходов. Эти операции ставят под сомнение наше стихийное право на жизнь в будущем времени, то есть право действовать свободно от влияния незаконных сил, работающих вне нашего сознания, чтобы влиять на наше поведение, изменяя его в нужном направлении. Мы теряем чувствительность к этим вторжениям и к тому, как они деформируют нашу жизнь» [3, с. 82, 258].

¹⁰ Именно так говорится в Книге пророка Даниила. Современные гаджеты-палантиры вполне соперничают в этом отношении с Оком Всевышнего. Как откровенно высказывается один из создателей психометрии М. Косински: «Обычно для построения точного профиля вполне достаточно чего-то одного — ваших интересов в Фейсбуке, например, или истории посещения страниц из браузера... Достаточно десяти лайков (интересов), чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга» (см.: URL: <https://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/my-ne-zametim-kak-mir-zahvatit-iskusstvennyj-intellekt-7413> (дата обращения: 16.03.2024)). Его слова подтверждает Ю. Н. Харари: «Если вам случится триста раз лайкнуть в Facebook, его алгоритм сможет предсказывать ваши мнения и желания лучше, чем ваши муж или жена!» [20, с. 397–398].

Список источников

1. Чалдини Р. Психология влияния. М., 2022.
2. Прайор К. Не рычите на собаку! Книга о дрессировке людей, животных и самого себя. М., 2016.
3. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М., 2022.
4. Скиннер Б. Ф. О бихевиоризме. М., 2023.
5. Skinner B. F. Walden Two. Indianapolis/ Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2005.
6. Скиннер Б. Ф. По ту сторону свободы и достоинства. М., 2023.
7. Худ Б. Иллюзия «Я», или Игры, в которые играет с нами мозг. М., 2015.
8. Пентленд А. Социальная физика. Как Большие данные помогают следить за нами и отбирают у нас частную жизнь. М., 2018.
9. Попов Д. В. Vita COVIDa как биополитическая модальность жизни в пандемию // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 2.
10. Agamben G. Where Are We Now? The Epidemic as Politics Trans. V. Dani. Lanham, 2021.
11. Esposito R. Bios: Biopolitics and Philosophy. Translated and with an Introduction by T. Campbell. University of Minnesota Press. Minneapolis. London, 2008.
12. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
13. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011.
14. Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М., 2022.
15. Zylberman P. Tempêtes microbiennes Le monde transatlantique et les scénarios épidémiques (1998–2006) // XIe congrès de l'Association française de science politique, Strasbourg, 2011. URL: <https://www.afsp.info/archives/congres/congres2011/sectionsthematiques/st23/st23zylberman.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).
16. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset, World Economic Forum: Forum Publishing, 2020.
17. Современная социальная философия : учеб. пособие / Ю.В. Бурбулис и др. ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Т. Х. Керимова. Екатеринбург, 2015.
18. Антипов А. В. Информационная автономия как основание права на забвение // Онтология и аксиология права : тезисы докладов и сообщений Одиннадцатой междунар. науч. конф. (Омск, 26–27 октября 2023 г.) / под ред. С. К. Бурякова. Омск, 2023.
19. Weissman J. The Crowdsourced Panopticon. Conformity and Control on Social Media. Lanham, Boulder, New York, London, 2021.
20. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018.
21. Каспэ С. И. Свет и власть. Паноптикон как политическая форма и ее вариации // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 1.

УДК 168:342.9

doi: 10.24412/1999-625X-2024-394-289-294

5.7.6. Философия науки и техники

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научный подход в системе обеспечения безопасности дорожного движения

Евгений Вячеславович Сальников

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹,

✉ esalnikov2005@yandex.ru

Илья Юрьевич Чупахин

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹, ✉ ilchu@list.ru

Инна Николаевна Сальникова

преподаватель кафедры сервиса², ✉ inna-salnikova@yandex.ru

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Орел, Россия),

² Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Орел, Россия)

Авторы исследуют сущностную специфику научного подхода к обеспечению безопасности дорожного движения. Проводится критический анализ концепта научности, лежащего в основе мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения в таких странах, как США и Россия. Осуществлена историческая реконструкция теоретических принципов, приведших к возникновению Научного центра безопасности дорожного движения МВД России. Обозначены две фундаментальные модели научных основ безопасности дорожного движения. В основе первой модели, предложенной В. В. Лукьяновым, лежит концепция познания единой объективной истины. Вторая модель основана на конвенциональном принципе, допускающем в качестве ведущего критерия истинности практику наряду с консенсусом экспертов. Делается вывод о значимости Научного центра безопасности дорожного движения МВД России и его роли не только как административной единицы, осуществляющей научные исследования в области безопасности дорожного движения, но и как гносеологического контрапункта трактовки научности.

Ключевые слова: научный подход, НЦ БДД, В. В. Лукьянов, безопасность дорожного движения, консенсус экспертов, экспертное мнение

Для цитирования: Сальников Е. В., Чупахин И. Ю., Сальникова И. Н. Научный подход в системе обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3(94). С. 289–294.

Scientific Approach in the Road Traffic Safety System

Evgeny V. Salnikov

Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Chief of the chair of Social Sciences and Humanities¹,

✉ esalnikov2005@yandex.ru

Ilya Yu. Chupakhin

lecturer at the chair of Social Sciences and Humanities¹, ✉ ilchu@list.ru

Inna N. Salnikova

lecturer at the chair of Service², ✉ inna-salnikova@yandex.ru,

¹ V. V. Lukianov Orel Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Orel, Russia),

² Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia)

The authors explore the essential specifics of a scientific approach to maintenance of road traffic safety. The authors critically analyze the concept of scientific character of road traffic safety measures in such countries as the USA and Russia. A historical reconstruction of the theoretical principles that led to the emergence of the Scientific Centre for Road Traffic Safety of the Russian Ministry of Internal Affairs is performed. Two fundamental models of the scientific foundations of road traffic safety are outlined. The first model, proposed by V. V. Lukianov, is based on the concept of cognition of a single objective truth. The second model is based on the conventional principle, which suggests practice, along with the expert consensus, as the leading criterion of truth. The conclusion is made about the significance of the Scientific Centre for Road Traffic Safety of the Russian Ministry of Internal Affairs and its role not only as an administrative unit carrying out scientific research in the field of road traffic safety, but also as an epistemological counterpoint to the interpretation of scientific character.

Keywords: scientific approach, Scientific Centre for Road Traffic Safety, V.V. Lukianov, Road Traffic Safety, expert consensus, expert opinion

Citation: Salnikov E. V., Chupakhin I. Yu., Salnikova I. N. Scientific Approach in the Road Traffic Safety System. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 3(94). Pp. 289–294 (In Russ.).

В 2024 г. свой 50-летний юбилей отмечает уникальное подразделение в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации — Научный центр безопасности дорожного движения МВД России (далее — НЦ БДД). Полувековая история этого подразделения манифестирует то обстоятельство, что больше половины срока деятельности Государственной автомобильной инспекции нашей страны (основанной в 1936 г.) связано с научным осмыслением вопросов безопасности дорожного движения.

Тот же самый факт делает очевидным и иное интересное обстоятельство: единичность такого центра в мировом масштабе. Существует достаточное множество организаций, занимающихся вопросами безопасности дорожного движения на национальном и на международном уровнях, включая Организацию Объединенных Наций, но ни один из данных субъектов не именуется себя исключительно научным.

Неверным будет полагать, основываясь на подобном факте, что только в России вопросы безопасности дорожного движения решаются с опорой на научный подход. Подобные утверждения поверхностны и контрпродуктивны, однако же и полностью отмахнуться от фиксируемого факта невозможно. Обратное утверждение, что и в других странах наука (просто без самоуказания на саму себя) лежит в основе осмысления безопасности дорожного движения, не менее поверхностен. В этом случае само понятие научности становится призрачным, а его содержание туманным и безграничным, на что указывал в своих работах С. Фуллер [1].

Обращаясь к примеру широкого общественного обсуждения вопросов брекзита в Великобритании или допуска креационистской теории к включению в школьную программу в США, С. Фуллер показывал, что аргументация сторон — участников дискуссии всегда содержит апелляции к науке, однако критерии научности остаются весьма туманны [1]. Очевидно, что не все то, что обсуждается и подвергается некоей рефлексии, является научным. Согласимся с философом в том, что простое указание на то, что «предлагаемые меры научно обоснованы» либо требует раскрытия характера и содержания этого научного обоснования, либо превращает его в мистическую практику, уподобляя речевой оборот «научно обоснован» магической формуле заклинания, дарующего дополнительную силу.

Теоретические построения С. Фуллера задают общие методологические ориентиры предлагаемого

ниже исследования, в рамках которого мы предполагаем подвергнуть рефлексии и критическому анализу концепт научности, лежащий в основе мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения.

Целью такого рассмотрения следует признать уточнение содержания того, что именуется научностью в поле обеспечения безопасности дорожного движения. Методология данного исследования предполагает историческую реконструкцию теоретических принципов, приведших к возникновению НЦ БДД и нашедших осмысление прежде всего в работах его основоположника — В. В. Лукьянова. Наряду с этим мы обратимся к исторической реконструкции принципов, на которых основывалась деятельность субъектов в сфере безопасности дорожного движения за рубежом, прежде всего фокусируясь на институтах, сформировавшихся в рамках деятельности Лиги Наций и Организации Объединенных Наций, а также на положениях, составивших основу международных конвенций в сфере безопасности дорожного движения. Этот методологический выбор продиктован тем обстоятельством, что достижение согласия на международном уровне в вопросах организации безопасности дорожного движения с необходимостью требует четкой экспликации тех оснований, на которых достигается это единство, выяснение того, имеется ли здесь научный подход. Мы также полагаем важным проанализировать принципы, положенные в основание системы обеспечения безопасности дорожного движения в США, как государстве, чьи масштабы автомобилизации, с одной стороны, и политическое влияние после окончания Холодной войны, с другой, позволяли выдвигать собственный подход в качестве образца для подражания.

Обращаясь к истории возникновения НЦ БДД, следует отметить, что возникновение сначала проблемной лаборатории (1968 г.), затем отдельной научно-исследовательской лаборатории (1972 г.) и, наконец Всероссийского научно-исследовательского института безопасности дорожного движения МВД СССР (1974 г.) является результатом осмысления принципов построения целостной системы безопасности дорожного движения, осуществленным В. В. Лукьяновым — обладающим качествами талантливой ученого-теоретика и умелого практика, 17 лет возглавлявшим ГАИ МВД СССР.

Еще в одной из своих ранних работ В. В. Лукьянов сформулировал базовый тезис о месте и роли научного обеспечения деятельности по обеспечению

дорожного движения, тем самым заложив начало целой отрасли научных исследований. По мнению В. В. Лукьянова, основу общегосударственной системы обеспечения безопасности дорожного движения составляет «обязательное соблюдение соответствующих нормативов, стандартов и правил во всех сферах народнохозяйственной деятельности. Успех функционирования этой системы может быть обеспечен лишь в том случае, если не будет упущено ни одно из ее звеньев и в то же время по каждому отдельному направлению найдут реальное осуществление конкретные меры, разработанные на прочной научной основе» [2, с. 46].

Лукьянов формулирует мысль о том, что «пути совершенствования сложной сферы деятельности, охватываемой понятием организации дорожного движения, требуют в современных условиях серьезной научной разработки» [2, с. 46], а потому не могут быть сведены исключительно к политико-административной деятельности, регулирующей некие отношения.

Понимание научности и науки о безопасности дорожного движения у В. В. Лукьянова строилось на принципах диалектического материализма, в рамках которых Лукьянов предполагал необходимым проведение специальных исследований объективной реальности как таковой. Предложенная Лукьяновым базовая концептуальная схема безопасности дорожного движения сводилась к четырем элементам: «Человек — автомобиль — дорога — среда». Каждый из этих элементов надлежало исследовать методами, соответствующими сущностной специфике изучаемой реальности, требуя естественно-научных методов для исследования закономерностей движения автомобиля, психологических методов для изучения особенностей поведения личности, диалектико-материалистического подхода для понимания фундаментальных противоречий среды и всей системы безопасности дорожного движения. При этом научность в том ее понимании, которое В. В. Лукьянов предложил для нужд обеспечения безопасности дорожного движения подразумевала наличие объективной истины, пусть и диалектически изменчивой в силу развития факторов системы безопасности дорожного движения, но все же объективно достижимой.

Примечательной иллюстрацией научного подхода к организации дорожного движения являются воспоминания Заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Б. В. Россинского о первой встрече с Лукьяновым. «Где-то за полгода до этого (встречи с Лукьяновым. — Е. С., Ю. Ч.) в серьезном академическом физическом журнале была опубликована моя статья, касающаяся прохождения жидкости через суживающееся пространство.

Работа была связана с проблемой устранения так называемой жидкостной пробки на выходе из газогенератора ракетного двигателя... Говоря о проблемах начинающих тогда пробок на улицах городов, В. В. Лукьянов сказал, что положения моей статьи применимы и при моделировании движения транспортных потоков после включения зеленого сигнала светофора. В. В. Лукьянов говорил, что транспортные потоки как объект управления во многом аналогичны потокам жидкости и газа, и мои знания в области гидро- и газодинамики будут востребованы при создании систем управления дорожным движением...» [3, с. 103–104].

Разрешение проблемы организации дорожного движения через диалектическое познание объективной истины представляло собой в полной мере новаторский подход. Более ранние обращения к проблеме организации дорожного движения такого подхода не предполагали, либо вообще игнорируя вопрос о научности, либо предлагая его иное содержание. Так, по мнению исследователей, с которым можно вполне согласиться, принятие в 1909 г. первой Конвенции о международном автомобильном движении положило начало кодификации отношений в сфере автомобильного движения [4, с. 14], однако совершенно не предполагало факта какого-либо научного разрешения этого вопроса. Предложенный текст Конвенции разрабатывался Международной ассоциацией автомобильных клубов (AIACR) и Международной Лигой туристических ассоциаций (LIAT) и придерживался цели повышения уровня удобства автомобильных поездок при учете «абсолютного уважения к законодательству и обычаям отдельных государств» [4, с. 13] без какой бы то ни было отсылки к объективной реальности и ее познанию. Организация дорожного движения порождалась консенсусом ее участников.

Первой попыткой выйти за пределы консенсусной трактовки следует считать деятельность лорда Д. А. Салтера, который во многом благодаря своему влиянию в Лиге Наций стал инициатором ряда значимых новаций в системе организации мирового транспорта вообще и дорожного движения в частности. Свои теоретические взгляды он с достаточной полнотой изложил в работе «Союзнический контроль над судоходством. Эксперимент в области международного управления» [5] (1921 г.), в рамках которой обосновал положение о производительности транспорта экономическими отношениями. Основная мысль Салтера в сфере транспортного сообщения сводилась к тому, что экономические отношения, понимаемые им преимущественно в маржиналистском ключе, порождают объективную необходимость в унификации норм организации транспортной системы в мировом масштабе.

Теперь речь шла уже не о консенсусе участников дорожного движения, а о таком его построении, которое соответствовало бы экономическим законам мировой торговли и формированию единого рынка. Такой подход отчетливо проявился при заключении Парижской конвенции 1926 г. об автомобильном движении. Идеологи конвенции 1926 г. Д. Салтер, А. Лавдэй [6] и ряд других экономистов видели ее важнейшую цель во введении международных водительских прав. Вопросы, не затрагивавшие международную торговлю, например, продолжение унификации дорожных знаков, технических требований к эксплуатации транспортных средств, имели второстепенное значение. Не использовался даже сам термин «безопасность дорожного движения» в силу приоритета организации движения с максимальной экономической выгодой и второстепенностью безопасности. Вопрос о том, что наиболее адекватно природе движения, объективной реальности — левостороннее или правостороннее движение или же информативная природа дорожного знака и прочие, не ставился как таковой.

Вопрос о Женевской конвенции о дорожном движении 1949 г. и Венской конвенции о дорожном движении 1968 г. требуют, безусловно, отдельного детального изучения, однако в целях настоящего исследования мы можем с определенными оговорками утверждать, что при их заключении политическая целесообразность господствовала над какой-либо научностью. Деятельность Центральной европейской организации по внутреннему транспорту, а с 1947 г. Европейской Экономической комиссии в сфере дорожного движения, была прежде всего направлена на организацию самого этого движения в раздробленной Европе, где необходимость разрешения, скажем, вопроса водительских удостоверения в дни Берлинского кризиса значила несравненно больше, чем все вопросы научного постижения объективной истины.

Как мы отметили выше, к концу 1960-х гг. в СССР позиция В. В. Лукьянова и его единомышленников представляла научный подход к организации дорожного движения, основанный на ее диалектико-материалистическом понимании. Примерно в этот же период вопросы обеспечения безопасности дорожного движения приобретают актуальность и в США.

В 1966 г. Конгресс США провел серию публичных слушаний по вопросам безопасности дорожного движения и принял два нормативных правовых акта: Национальный закон о дорожном движении и безопасности автотранспортных средств и Закон о безопасности дорожного движения. 15 октября 1966 г. было образовано Министерство транспорта США, в составе которого с 1970 г. было сформировано Национальное управление безопасности дорож-

ного движения. В развитие этих новаций в 1967 г. образовалась негосударственная Ассоциация безопасности дорожного движения на автомагистралях (Governors Highway Safety Association), объединившая лиц, специально назначенных для осуществления программ безопасности дорожного движения в каждом штате. В 1969 г. в сфере торговых перевозок была создана Американская ассоциация служб безопасности дорожного движения, охватывавшая бизнес-структуры, специализировавшиеся на грузовых перевозках, и имевшая целью разработку программ профилактики дорожно-транспортных происшествий и обучения водителей.

Примечательным фактом предложенного комплекса мер по обеспечению безопасности дорожного движения стало стремление к созданию единой системы стандартов в сфере дорожного движения в США. Дело в том, что к концу 1960-х гг. в США не существовало единых стандартов в сфере технических характеристик транспортных средств, обустройства дорог, использования ремней безопасности и многих других аспектов. Даже создание единого для Соединенных Штатов Америки Министерства транспорта было гигантским свершением, ибо ранее вопросы транспортной политики регулировались исключительно на уровне штатов. Первостепенными задачами, стоящими перед Национальным управлением безопасности дорожного движения США, Ассоциацией безопасности дорожного движения губернаторов, стало согласование единых федеральных стандартов безопасности дорожного движения.

Деятельность такого характера по необходимости требовала привлечения широкого круга специалистов, ученых из различных областей. Для решения многих задач требовалось проведение в полной мере исследовательских работ. При этом в отличие от советской модели, предполагавшей соединение исследовательской активности в едином центре — ВНИИ БДД МВД СССР, Соединенные штаты Америки пошли по пути децентрализации.

Так, в 1959 г. в США тремя независимыми страховыми компаниями был основан Институт страхования безопасности дорожного движения (IHS) в качестве вспомогательного органа для других академических и исследовательских организаций, занимающихся вопросами безопасности дорожного движения, а в 1968 г. IHS был преобразован в научную организацию. Именно в данной организации, а с 1972 г. в ее специально выделенном подразделении — Институте данных о потерях на автомобильных дорогах (HLDI), осуществлялся сбор статистической информации, правда, с ориентацией на формирование массива данных по страховым убыткам в результате ДТП. Впоследствии также в развитие запросов страхового бизнеса данный институт стал

пионером краш-тестов и широкого ряда исследовательских вопросов пассивной безопасности транспортных средств.

Активную деятельность вели и различные фонды, из числа которых можно выделить в качестве показательного примера некоммерческую неправительственную организацию Фонд AAA по безопасности дорожного движения (AAA Foundation for Traffic Safety). Эта благотворительная организация проводила пропагандистские и профилактические проекты в сфере дорожного движения, при этом выступала спонсором ряда исследований тех или иных вопросов аварийности, систем безопасности транспортных средств, эффективности тех или иных положений, действовавших в различных штатах правил дорожного движения, и т. д.

Полицентризм предложенной модели исследования проблем безопасности дорожного движения, а также широкая самостоятельность штатов в вопросах организации дорожного движения (начиная от внешнего вида регистрационного знака транспортного средства и заканчивая системой подготовки водителей) привели к тому, что в сложившейся модели научность определялась не только проведенными исследованиями, но и достижением некоего консенсуса исследователей, политических и общественных деятелей по рассматриваемому вопросу. За истину полагалась наиболее успешная модель, а не отражение объективной действительности. Это был уже не чистый консенсус политических субъектов, лежащий, по сути, вне науки, каковой мы видели в процессе принятия международной конвенции 1909 г., но консенсус, основанный на исследованиях.

Хорошим примером, позволяющим проиллюстрировать данную трактовку научности, выступает проект DaCoTa (2013 г.) [7], направленный на изучение качества управленческой деятельности в сфере безопасности дорожного движения. Основу данного проекта составляло исследование структурно-функциональных элементов системы менеджмента в сфере безопасности дорожного движения 14 европейских стран в целях выявления наилучшей модели. Исследование основывалось на интервьюировании и экспертной оценке управленческой деятельности как представителями государственных структур, так и независимыми экспертами, при этом в качестве исследовательского критерия выдвигалось не соответствие объективной реальности, а соответствие модели «надлежащей практики» (good practice). В результате авторы исследовательского проекта, представлявшие его отдельные результаты на конференции Transport Research Arena 2014, открыто констатировали, что проведенное ими исследование показало «отсутствие единой идеальной модели управленческой деятельности в сфере обеспечения безопасно-

сти дорожного движения, но наличие ряда критериев „надлежащей практики“, которая может быть адаптирована к национальным условиям в каждом конкретном случае. Один из очевидных выводов заключается в том, что сходные показатели в области управления безопасностью дорожного движения могут быть достигнуты с помощью различных структур и процессов внедрения. Аналогичным образом сходные показатели безопасности дорожного движения с точки зрения конечных результатов (т. е. смертельных исходов) могут быть „результатом“ существенно отличающихся систем управления безопасностью дорожного движения» [8].

Следует подчеркнуть, что после распада СССР описываемое понимание научного подхода стало доминирующим в большинстве международных программ в сфере безопасности дорожного движения. Яркой иллюстрацией этому служит тот факт, что в документах ООН по безопасности дорожного движения термин «научный» отсутствует вообще. Речь идет о практиках, мерах, усилиях, экспертах, экспертных мнениях, статистических данных — обо всем, кроме научных исследований.

Получается, что сегодня вопрос о научных основах безопасности дорожного движения предполагает две модели своего понимания. В рамках одной, предложенной еще В. В. Лукьяновым, существует единая объективная истина, которую нужно познать. Вторая модель научности представляется конвенциональным проектом, основанным также на исследованиях, но ими не исчерпываемый, а допускающий в качестве ведущего критерия истинности практику, наряду с консенсусом экспертов.

В итоге мы имеем два способа понимания научности, каждый из которых может быть подвергнут критике. Суть недочетов первой позиции заключается в убеждении реального наличия объективной истины в вопросах обеспечения безопасности дорожного движения. Иначе говоря, данная позиция полагает, что можно окончательно установить, например, какая из моделей движения — правосторонняя или левосторонняя — безопаснее, определиться с формой дорожного знака, регистрационного знака транспортного средства. Равным образом и во всех иных вопросах исследователь может получить окончательный ответ, корреспондирующий к природе вещей.

Критики данной позиции оспаривают такое толкование научности, указывая на историчность организации дорожного движения, его зависимость от уровня развития транспортных средств, технических решений в сфере дорожного и автомобильного строительства и многих других факторов. В этом смысле научность предполагает согласование позиций экспертов, целью которого выступает конвен-

циональная истина, максимально адекватная, по мнению экспертов, уровню развития технологий, нашим знаниям о безопасности дорожного движения, потребностям общества, государства и бизнеса. С этих позиций следует не проводить сравнительные исследования безопасности право- или левостороннего движения, а исходить из факта наличия в силу традиции, например, левостороннего движения, обсуждая с широким кругом специалистов, как можно, скажем, снизить определенные параметры аварийности в этой ситуации. Вопрос о право- и левосторонности движения может стать предметом сравнительного анализа только в конкретной социально-политической ситуации, как это было в Швеции при проведении референдума 1955 г. по смене модели движения. Результаты таких исследований не могут рассматриваться как объективная истина, но могут быть использованы только в качестве одной из экспертных позиций. Здесь примечательно, что по итогам референдума 85% участников высказались против отказа от левосторонней модели, но в 1967 г. переход все же был осуществлен.

Второй, экспертный подход господствует сегодня в мировом сообществе. Такое доминирование не случайно. Как отмечает специалист в области философии науки С. Фуллер, «Современная демократия являет собой своего рода парадокс. Мы предоставляем все большему числу людей право участвовать в политической системе, обеспечивая их к тому же образованием, необходимым для ориентации в ней, и в то же время отвращаем их от высказывания собственного суждения, поскольку все большую нормативную роль приобретает экспертиза. В результате мы возвращаем культуру интеллектуального пиетета, своего рода мягкий авторитаризм, а образование в итоге начинает функционировать вопреки просвещенческим принципам» [1, с. 32].

Следует признать убедительной историческую реконструкцию «эксперта» и «экспертизы», в рам-

ках которой С. Фуллер утверждает, что термин «эксперт», возникнув как производное от *experienced* (опытный), позднее было перенесено на «людей с определенным образованием, благодаря которому у них есть право на основе своего опыта делать индуктивные обобщения, относящиеся к рассматриваемому в данный момент вопросу» [1, с. 53]. По своей сути подобное означает реабилитацию «аргумента от авторитета», т. е. признание мнения авторитетного человека в качестве гносеологически значимой позиции при рассмотрении вопроса об истине, который на заре экспериментальной науки Нового времени признавался неприемлемым.

Опасность экспертного подхода к научности, на которую справедливо указывает С. Фуллер, заключается в том, что делегирование права на истину консенсусу экспертов приводит к когнитивному (мягкому) [1, с. 32] авторитаризму. Подобный когнитивный авторитаризм не только не гарантирует постижения истины, но превращает экспертное сообщество в «эпистемический регион с высокой рентой» [1, с. 48]. В этом случае «правильный» подбор экспертов приведет к утверждению в качестве истины тех мер и действий, которые просто будут наиболее выгодными для наиболее влиятельных финансовых, промышленных, политических или иных групп.

В итоге следует признать, что окончательное понимание вопроса о сущностной характеристике научности применительно к области безопасности дорожного движения не может считаться установленным. Существуют, как минимум, два подхода, определяющие конкурентное пространство. В этой ситуации становится ясной значимость НЦ БДД, его роль не только как административной единицы, осуществляющей научные исследования в области безопасности дорожного движения, но и как гносеологического контрапункта трактовки научности в данной сфере, задающего в ней подлинную конкурентность.

Список источников

1. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть. М., 2021.
2. Лукьянов В. В. Проблемы дорожного движения. М., 1972.
3. Россинский Б. В. Встреча, которая перевернула мою жизнь // Жизнь на переднем крае : сб. статей / под общ. ред. В. Н. Кирьянова. М., 2008.
4. Гордеева А. Д., Ясникова В. А. Становление и развитие международно-правовых отношений в области обеспечения безопасности дорожного движения: информационный обзор. М., 2023.
5. Salter J. A. Allied shipping control. An experiment in international administration. London, New York, 1921.
6. Loveday A. Britain and World Trade, Quo Vadimus and other essays. London, 1931.
7. DaCoTa. URL: <https://www.dacota-project.eu> (дата обращения: 19.03.2024).
8. Gitelman V., Muhlrud N., Vallet G., Butler I. Analysis of road safety management system in Europe // Confernz Paper Transport Research Arena. 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- правовая оценка угрозы убийством, сопряженной с иными насильственными посягательствами
- элементы механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях

Право и государство

- оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения
- информационное сопровождение деятельности полиции

Философский инструментарий

- наука и поколение Z
- о роли искусственной социальной энтропии в генезисе тюремной субкультуры

Религия и общество

- традиционность и религиозность в жизни современной молодежи

а также

- прокурорский надзор за соблюдением прав граждан, имеющих детей, на получение социальных выплат
- коммуникативная культура: интегративная модель в публичном управлении
- социально-правовые проекции мировоззренческих антиномий российского общественного сознания
- другие материалы

